К 775/107

Ал. Ксюнинъ

НАРОДЪ НА ВОЙНѢ

ИЗДАНІЕ Б.А. СУВОРИНА
БИБЛІОТЕКА ВЕЧЕРНЯГО ВРЕМЕНИ
1916

К 775/107

49650 ст.
К77 5/107

Алексѣй Ксюнинъ

1843

НАРОДЪ НА ВОЙНѢ

(Изъ записокъ военнаго корреспондента)

ПЕТРОГРАДЪ
БИБЛІОТЕКА «ВЕЧЕРНЯГО ВРЕМЕНИ»
ИЗДАНІЕ Б. А. СУВОРИНА
1916

БИБЛИОТЕКА
Государ. Историч. Музея
№ 8918 V
26 VI 1934

Тип. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время". Эртелевъ, 13

ПОДВИГАМЪ И СЛУЖЕНІЮ

РУССКАГО СОЛДАТА.

Авторъ.

* * *

Чрезъ Варшаву проходили солдаты.

Война уже началась. Нѣмцы переступили границу и сразу прославились на весь міръ Калишемъ и Ченстоховымъ. Ударили поляковъ по больному—оскорбили святыню, разстрѣливали безоружныхъ...

Другъ познается въ тяжелые дни и съ первыми выстрѣлами у предѣловъ Царства Польскаго—поляки и русскіе почувствовали въ себѣ славянина и пошли воевать вмѣстѣ—родными братьями.

«Полтора вѣка назадъ живое тѣло Польши было растерзано на куски, но не умерла душа ея. Она жила надеждой, что наступитъ часъ воскресенія польскаго народа, братскаго примиренія его съ Великой Россіей...»

Слова Верховнаго Главнокомандующаго читали въ костелахъ, въ нихъ увѣровали и широко распахнули давно не открывавшіяся окна.

Съ лучами яркаго солнца и іюльской теплотой, съ ароматомъ акацій—ворвалась русская солдатская пѣсня и восторги толпы...

По улицамъ Варшавы проходили войска.

Ихъ осыпали цвѣтами... Солдатъ одѣляли папиросами, шоколадомъ—всѣмъ, что попадалось подъ руки.

Прилавки въ цукерняхъ опустошались вмигъ —раскупали и бѣжали за солдатами...

— Какъ вы относитесь къ войнѣ,—обращались съ офиціальнымъ вопросомъ къ старымъ полякамъ...

— Вмѣсто отвѣта—мы послали на войну своихъ сыновей...

Первыя недѣли...

Русскіе побѣдно продвигались въ Восточной Пруссіи. Ослабили ударъ на Парижъ.

Потянулись поѣзда съ ранеными, Съ нашими привозили и враговъ и въ нихъ узнали познанскихъ поляковъ.

— Свои...

Трагедія Польши. Раздѣленные на трое, ея дѣти, исполняя присягу, сражались противъ себя, противъ своихъ.

Въ длинномъ пакгаузѣ усаживаютъ раненыхъ. Всѣхъ кормятъ и поятъ, не дѣлая различій.

Угрюмый солдатъ въ нѣмецкой каскѣ долго молчитъ, отказывается, потомъ прислушивается къ польской рѣчи, опускаетъ на руки голову и судорожно рыдаетъ...

— Родныя слова... Зачѣмъ обманули, проклятые пруссаки...

По улицамъ Варшавы проходили солдаты.

На Краковскомъ у костела одинъ задержался. Его поджидала женщина съ ребенкомъ. Остановился, погладилъ дѣвочку по головѣ, посмотрѣлъ долго и пристально и когда женщина перекрестила, скорѣе зашагалъ—догонять роту.

Народъ благословлялъ своихъ воиновъ...

Люблинъ—Галиція.

Люблинъ.

Всѣ спѣшатъ на Люблинъ. Нѣмцы въ двадцати верстахъ отъ города и около него пульсъ войны.

Поѣзда идутъ медленно, ихъ много и одноколейная дорога съ трудомъ пропускаетъ ихъ. На станціяхъ стоятъ подолгу и никто не знаетъ, когда пойдетъ поѣздъ.

На платформахъ и въ низкихъ станціонныхъ буфетахъ—только военные. Наскоро закусываютъ, пьютъ чай, дѣлятся впечатлѣніями, новыми и яркими, совсѣмъ непохожими на нудные и тусклые разговоры недавнихъ дней.

— Плѣнные австрійцы не вѣрятъ въ звѣрство своихъ союзниковъ,—разсказываетъ раненый офицеръ.—Не допускаютъ, чтобы можно было убивать раненыхъ и издѣваться надъ мирнымъ населеніемъ. А я вамъ скажу, что нашъ отрядъ отбилъ двадцать русскихъ плѣнныхъ и они дали подъ присягой показаніе. Нѣмецкія сестры добиваютъ нашихъ раненыхъ... Это видѣли тѣ, которыхъ считали убитыми. На ихъ глазахъ сестра, называющаяся «милосердной», подходила къ русскимъ раненымъ, нагибалась къ нимъ и ножемъ перерѣзывала горло...

Въ вокзальную комнату вводятъ троихъ плѣнныхъ. Два австрійскихъ офицера и пруссакъ. Они уса-

живаются за столъ и, окруженные любопытными, просятъ ужинать. Австріякъ безъ церемоніи объясняетъ, что два дня не ѣлъ, былъ въ разъѣздѣ, сухари вышли, а на деревню заѣзжать боялись. Рыли картошку и пекли въ золѣ.

За другимъ столикомъ кадетъ въ обществѣ казаковъ. Удралъ изъ Москвы, добрался до Варшавы и ѣдетъ туда, «гдѣ передовыя позиціи».

— Только непремѣнно съ казаками,—они лихо дерутся.

А у самого подъ рукой жестянка съ леденцами и плиточки шоколада.

* * *

Стоимъ на станціи. Близится ночь. Чистое, спокойное небо. Кругомъ загораются звѣзды и не вѣрится, что подъ этимъ глубокимъ и открытымъ небомъ идетъ война, несущая смерть. Такъ мирно и тихо.

Въ заднемъ вагонѣ кто-то наигрываетъ на балалайкѣ. Доносится ржанье лошади. Будто сорвалась и несется одна безъ всадника. За лошадью погнались и привели. По привязанному къ сѣдлу ружью и рыжей мѣховой сумкѣ съ припасами узнали, что австрійская.

— Унеслась изъ подстрѣляннаго разъѣзда,—высказываетъ свое предположеніе офицеръ.

Маленькій черный прапорщикъ суетится, вызываетъ «старшихъ» изъ вагона, объясняетъ, что ночью надо быть на чеку, что Люблинъ уже не далеко.

— Дежурные, по мѣстамъ...—выкрикиваетъ онъ команду и голосъ его, тонкій и рѣзкій, какъ будто пронизываетъ воздухъ и застреваетъ гдѣ-то въ темнотѣ.

— Слышишь!..—перекликаются солдаты.

Поѣздъ стоитъ въ полѣ. Гдѣ-то далеко у платформы свѣтится одинокій огонекъ...

Думали къ утру будемъ въ Люблинѣ, а проснулись—все стоимъ на томъ же мѣстѣ. Отъ нечего дѣлать пошли на деревню.

Хаты польскихъ крестьянъ перемѣшиваются съ домами нѣмецкихъ колонистовъ. Живутъ хорошо. Комнаты чистыя съ мягкой мебелью, съ кисейными занавѣсками, со множествомъ цвѣтовъ на окнахъ. Кругомъ огороды, фруктовые сады. Зашли въ одинъ изъ домовъ. Старикъ, около него два подростка. Ни по-русски, ни по-польски не понимаютъ. Хозяинъ тридцать лѣтъ сидитъ на одномъ мѣстѣ, а кромѣ нѣмецкаго, другого языка не признаетъ.

— Вамъ бы лучше въ Германію, любезный...

Старикъ что-то шамкаетъ губами, качаетъ головой, дѣлая видъ, что онъ ничего не понимаетъ.

— А припасы у васъ есть?—переходитъ офицеръ на нѣмецкую рѣчь.

— Нѣтъ... Какіе припасы...

И старикъ испуганно заерзалъ на своемъ мѣстѣ.

— Такъ-таки ничего не запасли за все лѣто?..

— Мы все продавали...

Скоро поѣхали дальше. Къ ночи, когда были верстахъ въ пятнадцати отъ Люблина, въ полѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ оно сходилось съ небомъ—загорѣлись точками огни. Ложились ровными линіями и, неожиданно вспыхивая, скоро потухали.

— Рвется шрапнель,—объясняетъ офицеръ.—Мы теперь ближе къ линіи боя, чѣмъ тѣ, которые сидятъ въ городѣ.

Поѣздъ шелъ такъ медленно, что можно было соскочить и обогнать его шагомъ. Къ Люблину добрались съ разсвѣтомъ. У первыхъ городскихъ зданій, около вокзала, полный загонъ плѣнныхъ. Сколько—не пересчитать. Сѣрые и синіе мундиры, голубоватыя шинели.

Одни спятъ вповалку на землѣ, другіе переминаются съ ноги на ногу, согрѣваясь послѣ холодной ночи.

Надъ станціей пролетаетъ аэропланъ, забирая въ высь.

— Это нашъ,—провожаютъ солдаты,—дай Богъ ему удачи...

* * *

Люблинъ сталъ сборнымъ пунктомъ австрійскихъ плѣнныхъ. Ведутъ и везутъ безъ конца. Сперва шли вереницы словаковъ въ голубоватыхъ мундирахъ, затѣмъ ихъ смѣнили темно-синія куртки венгерцевъ.

Проснешься, выглянешь въ окно,—плѣнные. Выѣзжаешь за городъ, снова ихъ длинная вереница, возвращаешься къ ночи въ гостиницу, и опять темными пятнами безконечные силуэты австріяковъ.

Раненыхъ везутъ въ большихъ фургонахъ и на крестьянскихъ арбахъ въ соломѣ. Рядомъ съ русскимъ солдатикомъ лежитъ австріецъ. Мирно бесѣдуютъ, дѣлятся хлѣбомъ, помогаютъ другъ другу, какъ могутъ.

Подхожу къ арбѣ.

— Венгерецъ!

— Нэ... словакъ.

— Много васъ сдавалось?

— Ой много и убито много...

— Въ первые дни весело было, а потомъ—какое веселье. Нечего ѣсть... Хлѣба не стало, консервовъ тоже, и только два раза давали кофе.

Словакъ разсказываетъ, что у него въ Карпатахъ осталась жена и двое дѣтей, боязливо жмется, хвалитъ русскихъ, называетъ ихъ добрымъ, хорошимъ народомъ.

— Скажите, пане, для чего мы воевали? Я не знаю, зачѣмъ насъ повели на своихъ.

На другой арбѣ высокій, блѣдный венгерецъ съ плоскими баками. Мутные глаза, запекшіяся губы, обвязанная голова. Рядомъ нашъ завернулся въ шинель, зарылся въ соломѣ, рѣзко кашляетъ и кровяными пятнами покрывается въ его рукахъ платокъ. Прострѣлена грудь, отшиблены ноги.

Семь часовъ утра. Всѣ на ногахъ. Проносятся автомобили, оглашая воздухъ гудками, скачутъ ординарцы, мѣрно проѣзжаютъ по нѣсколько человѣкъ казаки, лѣниво тянутся обозы.

Красивый, чистенькій городъ. Много зелени, хорошія мостовыя, паркъ съ прудами, а кругомъ, въ сторонѣ отъ дорогъ, вытянувшихся бѣлыми лентами, то поднимающихся, то куда-то пропадающихъ—деревни и хутора, прилѣпившіеся на холмахъ.

Городъ живетъ, какъ жилъ. Уѣхали немногіе, а большинство поляковъ и евреевъ сидятъ по своимъ угламъ, ходятъ по улицамъ, наполняютъ кафе и съ любопытствомъ оглядываютъ плѣнныхъ. Какъ ихъ повезли, такъ и забыли сразу, что всего нѣсколько дней назадъ австрійскіе разъѣзды подходили къ Люблину, а въ городѣ дрожали стекла отъ близкой пальбы.

Въ критическій моментъ Люблинъ спасли преображенцы. Ихъ прямо изъ вагоновъ бросали на позиціи и они сдержали крупныя силы непріятеля, численностью болѣе корпуса. Когда первая рота преображенцевъ, вся на подборъ изъ рослыхъ солдатъ, не сгибаясь, пошла въ атаку, австрійцы обалдѣли. Ихъ поразило безстрашіе русскихъ и ихъ могучій видъ.

А какъ сражались!

— Подъ непрерывнымъ огнемъ стояли четырнадцать часовъ,—вспоминаетъ раненый офицеръ.—Австрійцы успѣли окопаться. Вышибать не легко было. Не прекращая, трещали пулеметы и засыпала шрапнель.

Приходилось брать каждый окопъ, но наши все одолѣли.

Хвалятъ работу русской артиллеріи.

— Бьетъ по цѣли и всегда жестоко. Когда занимали окопы — они были полны австрійскими трупами...

— Сильно помогла,—говоритъ ротный командиръ, едва пропуская слова (онъ раненъ въ голову и грудь). Главное, все-таки, геройство солдатъ. Когда ошпарило снарядомъ, шесть человѣкъ нижнихъ чиновъ, одинъ за другимъ, бросались выносить меня изъ-подъ огня... Всѣ падали убитые или раненые... И только седьмому, даже не изъ моей роты—удалось спасти меня. Я просилъ его не трогать меня, оставить, но солдатъ ничего не слушалъ, взвалилъ на плечи и донесъ до перевязочнаго пункта...

Только въ комнатѣ, гдѣ лежатъ офицеры, можно протискаться между коекъ. Дальше не ступить. Помѣщеніе на триста кроватей, а навезли болѣе двухъ съ половиною тысячъ. Многіе на полу, безъ подстилки, въ коридорѣ, въ сѣняхъ, въ кухнѣ. Доктора и сестры выбились изъ силъ. Запасовъ мало, бои надвинулись неожиданно и были моменты, когда не хватало даже ваты.

— Уберите его, онъ давитъ насъ, наступаетъ сапогами... пронзительно кричитъ кто-то, не совладавшій съ рѣзкой болью.

А по коридору, хватаясь руками за стѣнку, шагаетъ солдатъ, прострѣленный въ голову на вылетъ. Онъ мгновенно ослѣпъ. Всталъ съ кровати, еще видѣлъ, отступилъ на нѣсколько шаговъ—и все помутнѣло. Пошелъ, не разбирая куда.

Въ углу на табуретѣ, прижавшись щекой къ печкѣ—молодой солдатъ. Пуля попала между глазъ и засѣла

въ черепѣ: посоловѣлые, безжизненные глаза. Увидѣлъ офицера, пробуетъ подняться, по привычкѣ тянетъ руку къ козырьку, хочетъ отдать честь.

* * *

Длинный, темный пакгаузъ, наскоро приспособленный около станціи. Привозятъ раненыхъ и они ждутъ поѣздовъ. Полъ устланъ соломой. Лежатъ безъ разбора австрійцы и русскіе. Пахнетъ кровью и потомъ. Тяжелымъ дѣлаютъ перевязки, легко раненые сидятъ за длинными столами. Польскія женщины-санитарки разносятъ чай, булки, слабымъ наливаютъ рюмку вина, раздаютъ папиросы.

— Дайте ему,—проситъ солдатикъ, указывая на своего сосѣда австрійца,—тоже нашъ, по нашему разговариваетъ, ровно хохолъ...

И разламывая булку, передаетъ половину словаку. Чиркаетъ спичку, предлагаетъ закурить. Разговариваютъ про раны. Одинъ пострадалъ отъ шрапнели, другой отъ штыкового удара.

— А мы вашу хитрость изучили,—лукаво улыбается нашъ,—бѣлые флаги выбрасывали. Думали, повѣримъ; нѣтъ, братецъ, нонче не проведешь... Однажды вѣрили...

Кое-кто уже подкрѣпился.

— А костыль-то у меня нѣмецкій,—сообщаетъ солдатъ съ раздробленной ногой.

— Совсѣмъ они негодящіе, безъ окоповъ драться не умѣютъ. Чуть приблизишься, а онъ бѣжитъ. Подхожу, и слышу мнѣ одинъ кричитъ: «Чворо дѣти, не забій...» Слова его разслышалъ, а поздно было, пришлось подколоть, потому размахнулся...

— Дайте пить,—проситъ плѣнный русинъ.

— Теперь, небось, пить, а раньше на насъ драться ходилъ...

— Не пошелъ бы—все равно разстрѣляли...

Голубыми шинелями полонъ вокзалъ. Длинными рядами и кучками сидятъ плѣнные на камняхъ на дворѣ, спятъ подъ навѣсами около рельсовъ, чуть не подъ самыми вагонами. Все завалено плѣнными, и странно смотрѣть на нихъ,—вовсе не отличаются отъ нашихъ поляковъ или хохловъ. Тотъ же типъ, тотъ же говоръ и по облику совсѣмъ близкіе и схожіе. Ихъ вели насильно, подгоняли выстрѣлами въ спину, и они шли подневольные, не зная, на что идутъ и кто противъ нихъ.

— Четырнадцать дней въ пути,—разсказываетъ австріецъ,—шли, рыли окопы, опять шли, опять рыли, видѣли, какъ разстрѣливаютъ тѣхъ, кто отставалъ, слышали, что перемѣшиваютъ наши батальоны, что словаковъ посылаютъ въ венгерскіе отряды, а нѣмцевъ въ польскіе. А когда насъ заставляли подкладывать огонь подъ хаты крестьянъ,—мы бѣжали въ ужасѣ... Насильно поджигали своихъ поляковъ... Мы самые несчастные люди...

Подаютъ поѣздъ. Раненые бросаются занимать мѣста. Помогаютъ другъ другу, протискиваются санитары и добровольцы съ носилками.

— Посадите меня куда-нибудь или я себѣ пущу пулю въ лобъ...—волнуется австрійскій офицеръ.

— Тѣ, кто говорятъ о самоубійствѣ, обыкновенно къ нему не прибѣгаютъ,—успокаиваетъ докторъ.

Когда до австрійца дошла очередь, онъ возмутился, почему не сажаютъ вмѣстѣ его денщика. Пришлось объяснять, что даже раненые русскіе офицеры не всегда ѣздятъ съ денщиками.

— До чего не смышленные,—возмущается солдатъ, тыкающій перстомъ въ грудь плѣннаго.—Не умѣютъ

открыть нашего ружья... я два дня пробылъ въ плѣну, вдоволь на нихъ насмотрѣлся... Отобрали отъ насъ винтовки, пробовали было зарядить, да осѣклись на затворахъ. Онъ и объ камень билъ и гвоздемъ ковырялъ и все не могъ открыть. Я не выдержалъ: «дай, говорю, покажу» и показалъ.

Солдаты разсматриваютъ австрійскія кроны.

— А сколько эта монета стоитъ?

— Пятьдесятъ копеекъ...

— Это, братъ, по мирному времени, а по военному больше двугривеннаго не получишь.

Подъ навѣсомъ въ концѣ пакгауза лежатъ мертвые. Одни на пути съ поля кончились отъ потери крови, другіе приняли смерть уже на вокзалѣ. Изъ-подъ шинели видно молодое, все залитое кровью, лицо. Закатившіеся глаза, сжатыя руки. Возлѣ—другой, съ зеленымъ лицомъ и темной струйкой запекшейся у глаза крови,— согнулся, будто спрятался головой въ грудь.

Солдаты обступили, снимаютъ шапки, крестятся. Одинъ не выдержалъ, но не выдалъ себя и, закусивъ губы, досадливо смахнулъ рукавомъ слезу.

* * *

На пути съ вокзала остановился около «Рисалокъ»— увеселительный садъ.

Теперь не время увеселяться и садъ закрыли, но вокругъ забора толпа любопытныхъ. Мирный, австрійскій лагерь. Временно согнали тысячи двѣ плѣнныхъ. Лежатъ на травѣ, курятъ, прогуливаются, выпрашиваютъ черезъ заборъ папиросы. Нисколько не опечалены и чувствуютъ себя совсѣмъ, какъ на бивуакѣ. Все горе только въ томъ, что ружья и патроны отобраны и свалены въ кучу въ другомъ концѣ города.

— Смотри, какой страшный турокъ...—показываетъ мальчикъ на высокаго австрійца.

Солдаты изъ Босніи и Герцеговины своимъ видомъ и костюмомъ, дѣйствительно, напоминаютъ турокъ. Феской, загорѣлымъ лицомъ, большими выпуклыми глазами и крупнымъ носомъ могутъ хоть кого ввести въ заблужденіе. Словаки рядомъ съ ними выглядятъ совсѣмъ низкорослыми: на полголовы ниже и видъ вовсе не воинственный.

— И куда ихъ только будутъ дѣвать,—недоумѣваетъ прохожій.

— Я бы на мѣстѣ генераловъ,—рѣшаетъ воинственный полякъ,—переодѣлъ ихъ въ русскую форму и пустилъ противъ нѣмцевъ, пускай сражаются... А то извольте до окончанія войны даромъ кормить.

Къ позиціямъ.

Шоссе отъ Люблина на Красникъ... Мирное, спокойное, тянущееся черезъ благоустроенныя деревни и польскія помѣстья, укрытое дубовыми лѣсами и перерѣзанное глубокими долинами.

Первое на пути—Коноплицы, небольшое селеніе съ высокимъ краснымъ костеломъ. Толпа крестьянъ и солдатъ. Женщины въ яркихъ пестрыхъ костюмахъ, мужчины въ широкихъ, соломенныхъ шляпахъ, убранныхъ цвѣтами.

По дорогѣ везутъ на арбахъ раненыхъ. Одинъ свѣсился, дотрагивается руками до колесъ. Спина шинели темно-красная отъ просочившейся крови... У другого забинтована голова и на повязкѣ рука.

Проѣхали пятнадцать верстъ... Нѣсколько дней назадъ сюда приближались австрійскіе разъѣзды

а теперь тутъ тылъ нашей арміи. На дорогу загибаютъ казаки. Солнце бликами играетъ на ихъ почернѣвшихъ, обожженныхъ лицахъ, а кони на зелени дубовъ кажутся тонкими и стройными. Бредутъ крестьяне съ котомками, скрипятъ подводы съ ребятами и наваленнымъ въ кучу скарбомъ. Спасались—въ чемъ были. За спиной горятъ деревни.

Автомобиль то спускается въ долину, то взлетаетъ на гору, открывая обширныя, не возмущенныя дали.

Начинаются хутора, высматривающіе изъ зелени черепицей и выбѣленными стѣнами. На опушкѣ раскинуты палатки. Тропинкой идутъ въ одиночку раненые. Навстрѣчу шестерка тащитъ зарядный ящикъ.

Первые окопы. Въ нихъ недѣлю назадъ послѣ временной неудачи подъ Красникомъ сидѣли наши стрѣлки. Теперь они опять впереди.

Близъ Шишковицъ за высокимъ тыномъ хмѣля показываются флажки краснокрестныхъ отрядовъ. Шумитъ потокъ, прорывающій плотину, желтѣютъ высокіе стога сѣна, краснѣютъ неубранные копы гречихи. И тутъ, какъ ни въ чемъ ни бывало, засѣваютъ поле вернувшіеся крестьяне.

Какихъ-нибудь три дня назадъ сюда ворвался гулъ орудій и вмѣсто свѣжихъ сѣмянъ поле засѣивалось шрапнелью и осколками снарядовъ. Но стоило продвинуться войскамъ, какъ все пошло попрежнему. Скоро осень, терять дней некогда, а будешь гадать—чья возьметъ,—къ веснѣ останешься съ пустыми руками. Если крестьяне бѣгутъ, то послѣдними, когда рушатся и загораются стѣны ихъ домовъ.

Доносятся выстрѣлы, а кругомъ такъ обычно и невозмутимо, такъ все попрежнему, что кажется, будто не воинственный гулъ ложится по землѣ, а отдаются эхомъ дальніе раскаты грома.

На перекресткѣ женщина съ ребенкомъ, за юбку держится дѣвочка съ пучкомъ полевыхъ цвѣтовъ. У высокаго деревяннаго креста съ распятіемъ на колѣняхъ крестьяне, въ длиннополыхъ яркихъ свиткахъ.

Поле разсѣчено поперекъ окопами, глубокими, почти въ человѣческій ростъ, съ земляными ступеньками, для ружейной стрѣльбы. Окопы австрійскіе, брошенные непріятелемъ, обернутые въ нашу сторону. Валяются жестянки отъ патроновъ, обрывки бумаги, куски ремней, сломанныя ружья.

— Всю ночь шелъ бой, снаряды зарывались около моего дома.

Старикъ показываетъ на спаленное дерево, снесенное, будто молніей.

— По ночамъ ходили и подбирали трупы... Зарывали наспѣхъ... Пошелъ вчера въ лѣсъ,—смотрю изъ земли голова торчитъ, а въ другомъ мѣстѣ—колѣна выглядываютъ... Подрыли, вѣрно, немного, да и засыпали, какъ пришлось.

— Можно къ имѣнію проѣхать?

— Версты полторы, а ѣхать нельзя... Домъ разбитъ, помѣщики утекли, а въ саду снаряды нѣмецкіе падаютъ.

Старикъ какъ-то ежится, губы едва шевелятся и слова будто выдавливаются изъ горла.

— Опять, начинаютъ, пане...

Звукъ не глухой, а рѣзкій, рѣжущій, пронзительный. Будто выпустили ракету и она съ ревомъ носится въ воздухѣ, прежде чѣмъ разорваться.

За поворотомъ черные остовы, снесенные срубы, разсыпавшіяся стѣны домовъ. Первые слѣды разрушеній. Надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ недавно стояли хутора, держатся и таютъ бѣлые дымки. Какъ маленькое облако,—то появится, то исчезнетъ.

Мѣстечко Ходель. Разваленный костелъ, подпаленными трубами обозначаются разбитыя хаты, изрытое поле. Судя по окружившимъ окопамъ, мѣстечко было подъ обстрѣломъ съ обѣихъ сторонъ. Изъ земли торчатъ воткнутыя дулами и штыками ружья и по нимъ находятъ трупы. Раскинуты рыжія мѣховыя сумки, разстрѣлянные патроны, груды жестянокъ.

— Можно повидать войта?—спрашиваютъ у крестьянъ.

— Войта нѣтъ, пошелъ хоронить ксендза. Австрійцы его разстрѣляли.

Ксендза обвинили въ томъ, что онъ сигнализировалъ русскимъ. Кто-то донесъ, оклеветалъ.

Крестьяне, какъ сонныя мухи, безсмысленно глядятъ на разрушеніе. Вчера стояли халупы, а сегодня ничего нѣтъ. Не понять и не объяснить имъ своимъ умомъ, что произошло.

Ведутъ человѣкъ пятнадцать евреевъ. Они жмутся другъ къ другу, какъ стадо барановъ. Запомнился одинъ—высокій, худой, съ рыжей всклокоченной бородой, съ блѣднымъ испуганнымъ лицомъ. Впереди старикъ, сѣдой и благообразный, совсѣмъ со старой гравюры.

— Кто такіе?..

— Около ихъ домовъ нашли какой-то телефонъ и проволоку подъ землей, а толкомъ никто объяснить не можетъ.

Дорогу охватываетъ лѣсъ, густой дубовый, освѣщенный красноватымъ отблескомъ солнца, притихшій, почти безжизненный. Подъ деревьями трупы.

Маленькій солдатъ въ синей венгеркѣ лежитъ ничкомъ. Будто бѣжалъ, споткнулся и собирается встать, только шапка отлетѣла въ сторону, а куда раненъ—не видно. Подъ другимъ деревомъ двое—одинъ лицомъ

къ небу, съ прострѣленной щекой, другой—у него въ ногахъ, съ запекшейся на волосахъ кровью.

Мертвый лѣсъ. Вездѣ трупы. Голова кружится и темнѣетъ въ глазахъ. Хватаешься за дерево и нѣсколько минутъ стоишь безпамятный. Неужели правда? Ясный день, теплый и солнечный, пахучая, сочная зелень, чистое небо, а подъ ногами мертвые. Въ какихъ-нибудь тридцати верстахъ городъ, гдѣ живутъ такіе же люди въ кругу своихъ близкихъ, ходятъ по улицамъ, сидятъ въ цукерняхъ, шутятъ, смѣются,—а тутъ лѣсъ смерти.

Вчера былъ бой. Австрійцы неистовствовали въ Ходели, разстрѣляли ксендза, увели женщинъ, куда-то погнали мужчинъ.

— Никого не щадили,—разсказываетъ крестьянинъ, успѣвшій во время убѣжать:—только по-моему не австрійцы распоряжались, а пруссаки, либо венгерцы. По-польски вовсе не понимаютъ.

За лѣсомъ свѣжіе кресты. Бѣлые, тесанные, сколоченные изъ молоденькихъ деревьевъ. Надъ первыми русскими могилами.

Кровью освященныя мѣста.

* * *

Дорога сворачиваетъ на Бѣлжицъ и Ополе. Проселокъ тянется на виду, по открытому полю, мимо брошенныхъ непріятельскихъ окоповъ, устланныхъ соломой, просторныхъ и основательныхъ.

Опольскій костелъ горитъ. Снарядъ попалъ въ колокольню, свалилъ ее, засыпалъ кирпичомъ полъ, а престолъ съ распятіемъ уцѣлѣлъ.

Продвигаемся лагеремъ. Обозы, артиллерійскіе парки, солдаты. А отъѣхали версты двѣ—гула не

слышно и картина сразу мѣняется. Женщины въ праздничныхъ нарядахъ, въ пестрыхъ красочныхъ платьяхъ, купающіеся въ пруду ребята.

— Австрійцы...—неожиданно рапортуетъ испуганный шоффферъ.

Дѣйствительно, австрійцы, и очень много. Сливающіеся темно-синіе мундиры, маленькіе кепи и только пятномъ нѣсколько сѣрыхъ шинелей. Непріятельскій бивакъ, только замиренный. Сѣрыя шинели—это наши часовые, а синіе мундиры — захваченные венгерцы. Человѣкъ шестьсотъ, а то и больше.

Солдаты подъ наблюденіемъ офицера заканчиваютъ осмотръ плѣнныхъ; отбираютъ кинжалы, бритвы, складываютъ въ кучу патроны и ружья. Особнякомъ группа австрійскихъ офицеровъ. Въ коротенькихъ мундирчикахъ, хотя и грязные, но подтянутые и франтоватые.

Покачиваясь и потряхивая, катятся арбы, ихъ тянутъ усталыя лошади. Подъ холщевыми навѣсами раненые. Зарылись въ солому и не понять—мертвыхъ или живыхъ везутъ.

Кренжница Окронгла—фольваркъ. Еще вчера тутъ сидѣли австрійцы, а сейчасъ переѣхалъ штабъ дивизіи генерала Баланина. Австрійскіе разъѣзды погуляли въ имѣніи, разбили гумно, кое-чѣмъ поживились. Помѣщикъ Станиславъ Куницкій просидѣлъ съ женой тридцать шесть часовъ въ подвалѣ. Ждали, скоро ли придутъ на выручку казаки.

Когда вошли въ домъ,—хозяева угощали первымъ обѣдомъ русскихъ офицеровъ. Выловили громаднаго карпа, сварили великолѣпныя щи и даже убрали столъ осенними астрами.

— Дѣтей отправили въ Люблинъ,—разсказываетъ Куницкій,—а сами остались, духу не хватило покидать отцовское гнѣздо.

— Сегодняшній обѣдъ готовили на ложахъ австрійскихъ ружей. Они ихъ столько побросали, что долго еще подтопки хватитъ.

По лицамъ обѣдающихъ видно, что всѣ довольны. И генералъ со штабомъ, что попалъ въ человѣческую обстановку, и поляки, что, наконецъ, сбыли австрійцевъ.

— Только что поздравляли георгіевскихъ кавалеровъ,—сообщаетъ генералъ,—молодцы, выносили изъ-подъ огня офицеровъ, а одинъ прапорщикъ на плѣнныхъ практикуется. Вчера привелъ восемьдесятъ человѣкъ... Выскочитъ изъ лѣса съ гиканьемъ и, оборачиваясь, командуетъ: «Взводъ, за мной»... Австрійцы опѣшатъ, а онъ тѣмъ временемъ наскочитъ на офицера, убьетъ, а солдатъ забираетъ въ плѣнъ.

— Вчера, малость, сплоховали,—досадуетъ загорѣлый и бравый сотникъ,—два батальона венгерцевъ вылѣзло... Подняли руки, хотѣли сдаваться, а наши не разсмотрѣли, трахнули изъ орудій. Немного осталось.

— Штыка подлецы не принимаютъ,—развѣ когда въ окопѣ, да и то, какъ-то по-дѣтски колятъ снизу вверхъ.

Кончили обѣдъ, полюбовались на воронки въ саду отъ тяжелыхъ снарядовъ, а вмѣсто десерта поѣхали къ наблюдательному пункту.

Шли пѣшкомъ по сыпучему песку къ желтой стѣнѣ, за которой былъ скрытъ треножникъ съ цейсовой трубой. Не зная, какъ съ нимъ обращаться, сперва ничего не могъ разглядѣть, а какъ приспособился и поставилъ по глазамъ—открылось такое, что и не ожидалъ. Первое впечатлѣніе—оно останется надолго.

Между лѣсомъ и холмомъ двѣ черныхъ извивающихся линіи. Это наши и непріятельскіе окопы. На яр-

кой зелени они обозначаются рѣзкимъ пятномъ. Посреди стоги сѣна. За однимъ кто-то укрылся и движется. Изъ передняго окопа поднялись маленькія фигурки и, согнувшись, перебѣгаютъ впередъ. Потомъ все исчезаетъ—и яркая зелень, и окопы, и люди, и что-то черное застилаетъ стекла моей волшебной трубки.

Отрываюсь и слышу, какъ совсѣмъ близко дробью сыплетъ ружейная трескотня.

— Глядите, глядите, австрійцы сдаются...

И офицеръ-наблюдатель толкаетъ меня къ трубкѣ.

Люди въ синихъ курткахъ бѣгутъ къ нашимъ окопамъ съ поднятыми руками, бросаютъ ружья, падаютъ на колѣни.

Рѣдкая, счастливая минута. Удалось видѣть успѣхъ своихъ, счастье войны, удачу.

Когда черезъ полчаса возвращались къ штабу,—по дорогѣ уже вели плѣнныхъ. Долгой лентой растянулись они и не было имъ конца. Впереди солдаты, а сзади офицеры. Двое успѣли примоститься на подводѣ и, какъ ни въ чемъ ни бывало, раскуривали трубки. А надъ лѣсомъ,—изъ котораго выбили непріятеля—поднималось черное облако. Отступавшіе австрійцы жгли польскія деревни.

По слѣдамъ отступавшихъ австрійцевъ.

Первая половина сентября.

Всего двѣ недѣли прошло со времени боевъ подъ Люблиномъ. Австрійцы подходили тогда ближе чѣмъ на двадцать верстъ и только подоспѣвшая гвардія остановила ихъ передъ городомъ.

Двѣнадцать дней шло упорное сраженіе на всемъ люблинскомъ фронтѣ. Днемъ и ночью не прекраща-

лась канонада. Наконецъ, удачнымъ обходнымъ движеніемъ непріятель былъ сбитъ и ослабленъ, а вступившія въ дѣло наши тяжелыя батареи довершили ударъ. Артиллеріи пришлось работать подъ Люблиномъ безсмѣнно и эти двѣнадцать дней впервые показали, какъ были ошибочны мирные теоретическіе расчеты относительно снарядовъ.

Лавой лился свинецъ подъ Люблиномъ и, помню, по ночамъ мы лазали на водокачку и съ нея наблюдали огневой бой.

На черномъ небѣ каждый разрывъ былъ виденъ. Чудились сотни костровъ съ разгоравшимися и тухнувшими огнями. Будто желтые языки изъ нѣдръ земли, раздувавшіеся и таявшіе.

Съ тѣхъ поръ наши ушли далеко впередъ.

Войска вписали въ исторію великой войны Красникъ, Яновъ, Красноставъ, Замостье, Бѣлгорай, Раву-Русскую и Львовъ... имена генераловъ Иванова, Алексѣева, Рузскаго, Радко-Дмитріева, Брусилова и Лечицкаго и, главное имя — русскаго солдата.

Прошло двѣ недѣли. Люблинъ вернулся къ мирной жизни. Непріятель далеко, за Вислой, по улицамъ не скачутъ казаки, не везутъ раненыхъ и даже плѣнныхъ направляютъ другимъ путемъ, прямо изъ Львова на Кіевъ.

На городской площади народъ окружилъ нѣмецкія пушки. Съ любопытствомъ разсматриваютъ и читаютъ надписи: «pro gloria et patria», «R. W. II ultima ratio regis».

Взяты подъ Туробинымъ. Едва повреждены, только дырки въ щитахъ, да у одной рукоятка расплющена нашимъ снарядомъ.

— И затворы не успѣли вынуть,—съ гордостью объясняетъ артиллеристъ окружившимъ его полячкамъ.

Не задерживаясь въ Люблинѣ, поѣхалъ на Красникъ и Яновъ. Брошенные окопы наполнились дождевой водой. Крестьяне запахиваютъ поле.

Мальчишки собираютъ жестянки, гильзы, обрывки тряпья.

Недѣлю назадъ, дальше двадцатой версты не пускали, да и охотниковъ, вѣроятно, не находилось.

Проселокъ былъ обсаженъ молоденькими елками, и ни одна не уцѣлѣла. Всѣ срублены и свалены. Дорога вовсе испорчена, а за порваннымъ тыномъ хмѣля выступаетъ страшный остовъ полуразрушеннаго костела. Если вы когда-нибудь проѣзжали по Западному краю, черезъ польскія деревни, вы видѣли богатые костелы. Среди скромныхъ притиснутыхъ къ землѣ побѣленныхъ избъ поднимаются высокіе стрѣльчатые храмы. И въ Неджвицахъ, отъ которыхъ тоже остались однѣ закоптѣлыя трубы, былъ свой красивый большой костелъ съ розоватыми колоннами и круглымъ бѣлымъ куполомъ. Шпіоны разсказали австрійцамъ, что за костеломъ сидятъ русскія войска, участь храма была рѣшена и вмѣсто бѣлаго свода теперь надъ костеломъ открытое небо.

Черной дырой зіяетъ колокольня, а сквозь прострѣленныя стѣны виденъ лѣсъ и сожженная деревня.

— Богатый былъ костелъ, ничего не осталось...— плачутся собравшіяся на пепелище женщины.

— Скажите, пане, куда надо писать... У меня ничего не осталось, сожгло мельницу, свалило домъ.

Другая разсказываетъ, что пряталась съ дѣтьми двѣ недѣли въ лѣсу. Младшій не выдержалъ, померъ, со старшей дѣвочкой дождались казаковъ.

На обожженныхъ бревнахъ сидятъ крестьяне.

— Когда пришли австрійцы — насъ прогнали въ

лѣсъ и держали въ плѣну двѣ недѣли. Мужчинъ отдѣлили, женщинъ оставили съ дѣтьми. Скотину угнали къ себѣ, куръ и гусей перерѣзали, лошадей и повозки взяли, припасы съѣли, даже картошку и ту выкопали...

Когда австрійцы отхлынули, крестьяне вернулись на пожарище, мужики глядѣли ополумѣвшими, а отъ женщинъ слова нельзя было добиться.

Стоятъ и ревутъ, такъ ничего и не сказали. Потомъ поставили шалаши, покрыли соломой, свалили въ кучу ребятъ, а сами, какъ были, пошли побираться.

— Вчера подобрали и хоронили разстрѣлянныхъ. Женщинъ полумертвыми находили въ австрійскихъ окопахъ. Лежали голодныя безъ движенія, въ дикихъ безобразныхъ позахъ. Ими пользовались венгерцы.

* * *

Осенняя дорога на Красникъ, вѣроятно, тяжелѣе перехода черезъ Карпаты. Сорокъ пять верстъ тащились на лошадяхъ десять часовъ. Еще до лѣса можно было кое-какъ пробираться обочиной, объѣзжая развороченное шоссе, а какъ втянулись въ лѣсъ, стало совсѣмъ скверно. Прицѣпились къ хвосту обоза и двигались шагомъ. Тарантасъ заливало липкой грязью, колеса уходили въ воду и отъ постоянныхъ толчковъ и встряхиваній ныло тѣло. По дорогѣ прошли двѣ арміи: австрійская и наша. Протащили сотни орудій и зарядныхъ ящиковъ, тысячи обозовъ и вмѣсто шоссе, славившагося и въ мирное время своей головоломкой—горы грязи, камней и воронки, будто отъ тяжелыхъ снарядовъ. Черезъ каждыя десять—пятнадцать шаговъ поломанныя телѣги, застрявшіе въ глинѣ грузовики, въ канавахъ поколѣвшія лошади, а около

отказавшихся служить автомобилей безпомощные шоферы и выгружающіеся офицеры. Только на телѣгѣ и проѣдешь.

А навстрѣчу въ двуколкахъ и на арбахъ везутъ раненыхъ. Немногіе изъ нихъ выжили.

Вечерѣло. Тамъ, гдѣ лѣсъ прорѣзали окопы, бѣлѣли новые кресты.

Вильколазскій лѣсъ. Въ немъ лагеремъ стояли австрійцы, подъ его деревьями они скрывали свои безчинства, измывались надъ женщинами, разстрѣливали мужчинъ. Недавно прорубленныя просѣки обозначили пути отступленія. Одного шоссе оказалось мало. Австрійцы рубили деревья, спѣшили спасать орудія. Оголенныя вѣтви обожжены шрапнельнымъ огнемъ.

Подъ горой огоньки приставшаго на ночь обоза. Изъ молочной мглы вылѣзаютъ деревянныя строенія Красника. Бѣлымъ пятномъ выдѣляется костелъ. На площади, на повозкахъ, подъ дождемъ устраиваются на ночь сестры и санитары. Жилья нѣтъ. Гостиница заколочена, хозяинъ куда-то сбѣжалъ. Почта заперта и только напротивъ нея послѣ долгихъ препирательствъ нашли на ночь не топленую, холодную комнату. Въ ней стояли австрійскіе офицеры, а напротивъ помѣщался корпусный штабъ.

— Австрійцы гостили въ Красникѣ двѣ недѣли,— разсказываетъ, радуясь возможности отвести душу, полякъ,—на одиннадцатый день къ нимъ подошли пруссаки и тогда совсѣмъ житья не стало. На прошлой недѣлѣ опять вернулись изъ подъ Люблина, велѣли было разложить солому, приготовить ужинъ, но не прошло и часу, какъ собрались и утекли дальше.

— Офицеры австрійскіе жили пріятно, имѣли много вина, пива изъ Тарнова, поваръ стряпалъ имъ нашихъ утокъ и куръ. Для лошадей брали овесъ и сѣно, взамѣнъ

выдавали записки, а нѣкоторые даже и записокъ н получили. Солдаты все съѣли и выпили, мебель разломали, комнаты запакостили... Когда пришли, первымъ дѣломъ стали подвалы обыскивать, не спрятались ли гдѣ казаки. За Красникомъ, въ деревнѣ Потокъ, въ канавѣ нашли двухъ хлоповъ—убили. Собрали насъ всѣхъ и сообщили, что Варшаву взяли пруссаки, а Люблинъ австрійцы.

— Поневолѣ приходилось ухаживать, дѣлали, что могли, иначе бы плохо пришлось.

— Торговцы столы выносили для австрійцевъ, чаемъ угощали—докладываетъ мальчикъ,—мы столовъ не выносили...

И въ словахъ мальчика и въ словахъ отца чувствуется испугъ, сказываются дни каторжной жизни между молотомъ и наковальней. Сперва австрійцы пришли, за ними пруссаки, потомъ наши разъѣзды, затѣмъ снова вернулся непріятель и, наконецъ, пріѣхали казаки и освободили.

Ушли австрійцы изъ Красника 27-го августа, а на слѣдующій день вечеромъ показались русскіе. Они застали подожженныя казармы, гдѣ взрывались сваленные въ кучу патроны.

— Только тутъ мы и узнали, что до Люблина австрійцы не добрались.

Сандоміръ.

Красиво раскинулся на горѣ Сандоміръ или вѣрнѣе Сандомежъ, какъ городъ, расположенный «между» Вислой и Саномъ. Въ зелени, видный стрѣльчатыми башнями своихъ костеловъ далеко съ того берега, изъ предѣловъ Галиціи.

Ѣхалъ изъ Варшавы на Ивангородъ и Радомъ и добрался въ Сандоміръ къ вечеру.

Масло вышло, автомобильные фонари потухли и подвигались шагомъ въ сплошной тьмѣ. Вдругъ окрикъ. Жуткій и неожиданный.

— Дорогу!..

Хоронятъ. Просто—какъ сама война. Офицеръ, два взвода солдатъ, за ними телѣга съ укрытымъ въ шинель тѣломъ батальоннаго командира, а за телѣгой опять солдаты.

Сзади везли на повозкахъ раненыхъ, а гдѣ-то въ отдаленіи верстъ за тридцать слышались отзвуки канонады.

Найти ночлегъ было нелегко. Въ городѣ двѣ скверныхъ гостиницы, скорѣе корчмы, обѣ грязныя и холодныя и обѣ переполнены военными.

Въ ожиданіи номера зашелъ въ гостиничный ресторанъ. Маленькая низкая комната, освѣщенная керосиновой лампой, наполненная табачнымъ дымомъ.

— Нельзя ли чего поѣсть?

Замухрыжистый и усталый слуга справился на кухнѣ:

— Былъ гусь, да весь съѣли, можно подать картошку на салѣ.

Отъ картошки отказался, выпилъ стаканъ сандомірскаго похожаго на бурду чаю съ чернымъ хлѣбомъ и вышелъ на улицу. Тутъ посчастливилось,—встрѣтилъ знакомаго летчика—у него въ запасѣ были номеръ съ двумя постелями.

За интереснымъ разговоромъ забыли и холодную комнату, и то, что предстояло спать чуть ли не на голыхъ доскахъ и что огарокъ свѣчи обѣщалъ оставить насъ скоро въ потьмахъ. Летчику выпало на долю

исключительное удовольствіе. Онъ съ высоты наблюдалъ отступленіе отъ Люблина.

— Все перепуталось... Пѣхота, артиллерія, кавалерія, все смѣшалось, одни обгоняли другихъ, шли три дня колоннами, прорубали въ лѣсу дороги, гдѣ нельзя было проѣхать, укладывали путь молоднякомъ, оставляли позади себя брошенные обозы... Счастливыя минуты переживалъ я въ это время въ воздухѣ. Голова кружилась, но не отъ высоты, а отъ восхищенія. Еще до Красника австрійцы кое-гдѣ останавливались, а дальше пошло бѣгство...

Сандоміръ—грязный ободранный красавецъ. Издали изъ-подъ горы онъ привлекаетъ своими тонущими въ зелени стѣнами и поднимающимися изъ густыхъ каштановъ костелами и башнями. А внутри ничего, кромѣ грязи и запустѣнія.

Непремѣнная принадлежность послѣднихъ дней—австрійскіе плѣнные. Ихъ большая толпа, они согрѣваются послѣ холодной ночи и просятъ прохожихъ мѣнять деньги. У многихъ по нѣскольку десятковъ кронъ, другіе бѣднѣе, но все при деньгахъ.

— Послѣдняя партія? спрашиваю у охраняющаго солдата.

— Не, не, не послѣдняя,—отвѣчаетъ за него плѣнный:—тамъ по дорогѣ еще много ведутъ.

— Венгерцы?

— Не... Чеша... Чеша...

Одинъ изъ плѣнныхъ хватается за голову...

— Nichts gegessen.

Другой подтягиваетъ.

— Drei Tage.

— Третій все еще подъ впечатлѣніемъ боя:

— Diese kanonen...

— Und ihre Kosaken!..

Солдатикъ, наблюдавшій эту сцену, тоже ввязывается въ разговоръ:

— Пока австріяки шли, цѣльныя ружья бросали, а нонче негры идутъ, тѣ ружья пополамъ ломаютъ. Возьметъ за дуло и прикладомъ объ землю... Ну, оно и ни къ чему...

— Какіе негры?

— А тѣ, что въ синихъ мундирахъ.

Оказывается, спуталъ «негровъ» съ «венграми».

Завязывается споръ. Одинъ увѣряетъ, что австрійская земля совсѣмъ, какъ наша, другой не соглашается.

— И вовсе на нашу непохожа, у насъ, скажемъ, степь или гладкое поле, а у нихъ горы. А крестьяне всѣ въ длинныхъ рубашкахъ и всѣ стриженные, мужчину отъ женщины не отличишь.

На городской площади около ратуши, сохранившей слѣды разрывавшихся вокругъ снарядовъ, полная идилія. Солдаты столпились у возовъ и запасаются провизіей. Кто покупаетъ молоко, переливая изъ крынокъ къ себѣ во фляшки, кто торгуетъ курицу, стараясь преждевременно открутить ей голову, кто изъ корзинки старой еврейки пересыпаетъ себѣ въ карманы спѣлыя сливы.

Проѣзжаютъ казаки. У одного на пикѣ воткнуто яблоко, другой на низенькой подстриженной австрійской лошадкѣ.

Обозы и всадники тянутся къ переправѣ на ту сторону Вислы.

Кругомъ старина. Городская башня, древняя, какъ самый городъ, четырехгранная, съ рѣзной ажурной верхушкой, не поддавшаяся даже гранатамъ. Только царапнули въ нѣсколькихъ мѣстахъ и пролетѣли дальше.

Бой шелъ на площади подъ стѣнами ратуши, построенной еще въ 1613 году. Наши ворвались въ городъ ночью и что произошло—трудно передать. Сами участники и то плохо понимали. Съ одного края наступали русскіе, на другомъ оборонялись австрійцы, въ тылу у нихъ пруссаки, осыпавшіе изъ пулеметовъ и насъ и австрійцевъ. И вся эта кутерьма случилась въ узкомъ коридорѣ между десяткомъ домовъ и на крохотной площади, гдѣ въ лучшемъ случаѣ можетъ помѣститься сотня подводъ. Въ темнотѣ шелъ бой, въ темнотѣ и разошлись. А когда на утро съ опаской въ Сандоміръ въѣхали казаки,—непріятеля уже не было. Онъ отступилъ ночью и на переправѣ черезъ Вислу находили брошенные обозы, лодки, понтоны, ружья и даже сапоги.

Пруссаковъ было не много. Подъ Люблинъ ихъ пришло не больше дивизіи, а къ Сандоміру уцѣлѣло, вѣроятно, меньше полка. Сандомірцы видѣли, какъ при отступленіи, перейдя Вислу, пруссаки взяли направо, а австрійцы налѣво.

— Должно быть, разсорились...

Безъ грабежей и безчинствъ не обошлось. Во время стоянки въ городѣ австрійцы арестовали трехъ ксендзовъ, грозили имъ разстрѣломъ, увели и не вернули аптекаря, пообчистили магазины.

* * *

Переправлялись черезъ Вислу. По одну сторону узкой насыпи обрывъ, а по другую у забора казаки на лошадяхъ. Того и гляди либо скатишься внизъ, либо шумомъ шашины вызовешь панику среди лошадей, бьющихъ крупами по автомобильному кузову.

А въ высокихъ тростникахъ, въ ожиданіи дороги отдыхаетъ пѣхота. Сидятъ по скатамъ, растянулись

на спинѣ и грѣются на солнцѣ; другіе разминаются, прогуливаясь въ кустарникахъ. Подтруниваютъ надъ проѣзжающими.

Проскакалъ солдатъ на низенькой австрійской лошадкѣ безъ сѣдла, съ ивовымъ прутомъ, вмѣсто нагайки.

— Какой почталіонъ выискался...

Двое пѣхотинцевъ усиленно раскуриваютъ «трофейныя» сигары.

— Ты бы нѣмца попросилъ прикурить, у нихъ, говорятъ, эти сигары на аршины продаютъ, что у насъ тесемки...

Тростникъ и молодыя ивы качаются и шумятъ, и ихъ высокіе густые стебли укрываютъ и автомобиль, и всадниковъ. Только издали выглядываютъ крыши первой австрійской станціи.

Выѣзжаемъ на гладкое шоссе. Тянутся обозы, галиційскіе крестьяне строго придерживаются лѣвой стороны, и автомобиль почти не задерживается. Совсѣмъ поляки. Тѣ же лица, тѣ же костюмы, только нѣсколько человѣкъ неизвѣстно откуда затесавшихся, въ черныхъ котелкахъ и въ зеленыхъ курткахъ съ мѣховыми воротниками.

— Нечаянно изъ Вѣны попали...

Начинаются деревни, сначала полупустыя, а дальше вглубь болѣе оживленныя. Возвращаются крестьяне пѣшкомъ, съ котомками, въ повозкахъ, сразу по нѣсколько семействъ. На одномъ возку среди крестьянъ ксендзъ и на рукахъ у него двое дѣтей.

— Скитались пять дней, ушли за австрійскими обозами, ночевали въ полѣ, спасались отъ казаковъ, а увидѣли ихъ—велѣли возвращаться во-свояси.

— Правда, намъ ничего не сдѣлаютъ? — спрашиваетъ ксендзъ.

Ксендза успокоили, а на обратномъ пути я встрѣтилъ его въ Разводовѣ. Сговорился съ нашимъ штабомъ и уже крестьянамъ раздавалъ муку и крупу, изъ захваченныхъ нами станціонныхъ запасовъ.

— Развѣ могли думать, что свои оставятъ безъ ничего, а тѣ, кого мы называли непріятелемъ,—подѣлятся хлѣбомъ.

Разводовъ наполовину сожженъ. Вмѣсто замка—голыя стѣны, вмѣсто домовъ—груды черныхъ головешекъ и обсыпавшихся кирпичей, вмѣсто стѣнъ—либо развалины, либо такія большія дыры, черезъ которыя можно пропускать не только повозки, но и вагоны.

Узкоколейку разрушили уходившіе австрійцы. У Збыднева они сбросили подъ откосъ паровозъ, разсчитывая, что послѣ нихъ не сумѣютъ поднять и исправить. И то и другое великолѣпно выполнилъ молоденькій, только что выпущенный изъ военнаго училища хорунжій Болдыревъ.

Оказался неожиданнымъ инженеромъ.

При помощи казаковъ, онъ возстановилъ дорогу, поднялъ тендеръ и даже исправилъ паровозъ.

— На всѣ руки наши казаки...—расхваливали Бондырева офицеры.

До послѣдняго момента передъ наступленіемъ австрійцы держали населеніе въ невѣдѣніи, увѣряя, что русскимъ черезъ Вислу не перебраться. А когда полетѣли наши снаряды отходъ былъ до того поспѣшенъ, что въ Разводовѣ не успѣли ничего сжечь и оставили полные склады муки, снарядовъ, бензина и всякихъ припасовъ. Напослѣдокъ отыгрывались. Ворвались въ историческій охотничій замокъ Любомірскихъ, обдирали гобелены, срывали со стѣнъ старинное оружіе, засовывали въ карманы статуэтки, батистовое бѣлье, золотыя вещи, фарфоръ и табакерки, а что не умѣща-

лось—рвали и бросали на полъ. Когда наши пришли—замокъ былъ перерытъ. Истоптанныя грязными каблуками, валялись обрывки грамотъ польскихъ королей, посланія папъ, корешки и страницы отъ рѣдчайшихъ монографій. Точно отступавшіе хотѣли засвидѣтельствовать: «Любуйтесь, какіе мы варвары».

Съ парохода.

Ночь на Вислѣ...

Тихая, теплая, совсѣмъ не сентябрьская. Рѣка стоитъ, гладкая, не колыхнется, не подернется зыбью.

Часа полтора, какъ вышли изъ Сандоміра, остановились въ Залихвостѣ переждать, пока разсвѣтетъ.

На берегу костры. Солдаты расположились на ночевку. Доносится говоръ. На другой сторонѣ въ камышахъ свѣтятся и мелькаютъ два яркихъ глаза автомобиля.

Пароходъ выпускаетъ пары. Въ низенькой каютѣ у стола за двумя огарками человѣкъ шесть офицеровъ. Приготовляютъ чай, посылаютъ солдата въ мѣстечко за провизіей. Является довольно сконфуженный. Раздобылъ краюху черстваго хлѣба и шесть яицъ...

Обычная исторія въ тѣхъ деревняхъ и пограничныхъ городкахъ, черезъ которые прошли австрійцы или пруссаки. Подвозъ прекратился, непріятель обобралъ все, что могъ, потомъ проходили наши, скупали остатки.

— А все-таки они мерзавцы,—сорвалъ свою злобу раненый капитанъ,—помню въ Будзинахъ, когда тяжелая артиллерія раскидала ихъ окопы, выскочилъ австріецъ и кричитъ: «сдаемся». Къ нему подбѣжалъ нашъ офицеръ, требуя оружіе. Вмѣсто отвѣта австріецъ выстрѣлилъ въ упоръ изъ револьвера. Солдаты хорошо

отомстили за командира. Изъ австрійца сдѣлали рѣшето, да и оставшимся въ окопахъ шибко досталось..

Другой вспомнилъ Яновъ.

— На бивакъ привели плѣнныхъ. Усталый я однимъ ухомъ слышалъ, что за австрійцами пригнали какую-то женщину. Говорили, будто она обходила поля сраженій и выкалывала мертвымъ глаза. Побродилъ—возвращаюсь въ палатку. Плѣнные стоятъ кучкой. Поднесъ электрическій фонарь и отшатнулся въ ужасѣ... Въ жизни не видалъ такого дикаго и безумнаго лица. Блѣдная, истерзанная, исцарапанная, съ бѣгающими воспаленными глазами, утратившая человѣческій обликъ, не то затравленный звѣрь, не то сумасшедшая. Совсѣмъ вампиръ... Долго ее потомъ вспоминалъ...

На голодный желудокъ, да еще въ холодной каютѣ, съ добрыми щелями, проснулись рано.

Пароходъ уже отчаливалъ.

Первый на пути Аннополь. У берега нѣсколько затопленныхъ австрійскихъ баржъ, двѣ-три брошенныхъ моторныхъ лодки.

За нимъ Юзефовъ—одно воспоминаніе. Дома безъ крышъ, печи безъ домовъ, и только полуразрушенный костелъ выглядываетъ двумя башенками изъ зелени. Зіяющими дырами смотрятъ бѣлыя стѣны въ спокойную Вислу, словно телеграфные столбы протянулись трубы, выстроившись одна изъ-за другой, и кажется, что это не сожженный городокъ, а издали выступаетъ какой-то грандіозный заводъ.

Юзефовъ разрушенъ не снарядами,—его безсмысленно поджигали отступавшіе озвѣрѣвшіе австрійцы.

Только у самаго берега подъ горой сохранилось двѣ-три избы, да высокій тынъ хмѣля зеленѣетъ, нетронутый огнемъ.

Вернувшіеся вмѣстѣ съ нашими казаками жители Юзефова бродятъ по пожарищу, безпомощные и безсильные.

Почему сожгли?

Кто-то сказалъ австрійцамъ, что поляки сносились съ русскими. Этого было довольно. Австрійскій офицеръ отдалъ приказаніе поджечь Юзефовъ. Пришли въ лавки, взяли керосинъ, полили лавку и подожгли. Городокъ горѣлъ съ четырехъ угловъ. Населеніе въ паникѣ бѣжало, тушить было некому, да и не смѣли. Мимо проходили австрійскіе обозы, съ другого берега переправлялись отступавшіе нѣмцы и артиллерія.

Къ Варшавѣ и обратно.

На Варшаву.

Гдѣ нѣмцы?

— Въ Ловичѣ...

— Скерневицы заняли.

— Правда, что въ Виляновѣ?..

А Виляновъ — излюбленное варшавянами дачное мѣсто—первый пригородъ.

Пока спорили и волновались, пока спрашивали, нужно ли уѣзжать, непріятель подступилъ къ Пясечной и Прушкову.

Двадцатаго сентября меня послали за ранеными. Выѣхалъ часовъ въ семь утра. Доѣхалъ до Домбровки.

— Дальше нельзя, снаряды рвутся.

Идутъ испуганные люди. Кто корову за собой тащитъ, кто корзину съ птицей несетъ. Женщины съ дѣтьми. На возкахъ пожитки.

— Спасли только то, что на себѣ.

Какой-то парень пробивается впередъ.

— Куда тебѣ, убьютъ... Нельзя.

— Мать у меня осталась въ Пясечной и двое маленькихъ... Долженъ я...

Въ избу, занятую мелочной лавкой, сносятъ раненыхъ. Лежатъ безпомощные.

На горкѣ у дороги народъ. Смотрятъ, какъ падаютъ снаряды и загораются дома. Выкидывается

красное пламя, потомъ его заволакиваетъ клубами дыма, потомъ все рушится.

— Костелъ стоитъ!

— Цѣлъ еще... Хорошо виденъ...

Подходятъ солдаты, раненые.

— Всю ночь шелъ бой. Нѣмцы выкатили изъ лѣса артиллерію и взяли насъ въ пулеметы... Не знали, что они такъ близко...

— На улицахъ лежатъ убитые. На мосту у Пясечной двухъ нѣмцевъ видѣлъ...

Поѣздъ узкоколейки пробуетъ проѣхать за Домбровку и, не сдѣлавъ полъ-версты, останавливается. Нельзя дальше: рискуешь не вернуться и оставить даже тѣхъ, кого подобрали.

Обозы прибываютъ, смѣшиваются съ крестьянскими телѣгами, съ бричками, съ пѣшеходами. Живой потокъ запружаетъ дорогу. Всѣ спѣшатъ, обгоняютъ другъ друга. Поѣздъ подаетъ свистки, но его не слушаютъ. Шрапнель рвется все ближе. Разрывы ея совсѣмъ надъ ухомъ.

Направо отъ дороги по полю отходятъ солдаты.

Случайно подвертывается откуда-то автомобиль. Погружаемъ на него раненыхъ и пробуемъ пропихнуться. Удается съ трудомъ.

Навстрѣчу канавой идутъ солдаты, на ходу заряжаютъ ружья, снимаютъ фуражки, крестятся. Сосредоточенно глядятъ впередъ.

Лицо одного запомнилось, да такъ, что куда бы потомъ ни заносила судьба, но стоило заслышать выстрѣлы или увидѣть разсыпавшихся по дорогѣ сѣрыхъ, сливающихся и съ деревьями, и съ землею людей,— непремѣнно воскресало въ памяти это лицо. Оно совсѣмъ обыкновенное, открытое, съ узкой русой бородой и свѣтлыми, голубыми глазами.

Сразу стала понятной война и еще ярче подвигъ солдата.

Всѣ могутъ уйти отъ врага и съ нихъ не взыщется и только онъ не знаетъ слова «назадъ», забываетъ себя и все, что осталось позади, и изъ обыкновеннаго человѣка становится страшно большимъ, недосягаемымъ, не отъ міра сего.

И солдатъ, который запомнился подъ Пясечной, несмотря на свое «совсѣмъ обыкновенное» лицо, показался великимъ. Глаза расширились, будто хотѣли посмотрѣть далеко черезъ людей и деревья, просвѣтлѣли и озарили всего. Не простой крестьянинъ, а святой, рѣшившійся на подвигъ.

Я повезъ раненыхъ въ Варшаву, а онъ пошелъ впередъ и больше я его не видалъ.

Въ тотъ день сибиряки прямо изъ поѣздовъ безъ передышки направлялись къ позиціямъ черезъ Варшаву, быстро и не задерживаясь. На рысяхъ проѣзжала артиллерія и ночью колеса, не давая забыться, стучали по мостовой.

Бои шли подъ Варшавой. Такъ близко, что стекла дрожали въ домахъ и съ Мокотова были слышны пулеметы.

Поляки не тронулись. Отходившіе поѣзда набивали семьи чиновниковъ. Они не знали, куда ихъ везутъ. Однихъ высаживали въ Сѣдлецѣ, другихъ въ Брестѣ. Черезъ дней десять всѣхъ вернули.

Начались транспорты раненыхъ по всѣмъ дорогамъ и узкоколейкамъ, и варшавяне узнавали—гдѣ нѣмцы, на чью сторону сегодня склонился успѣхъ и насколько верстъ кто продвинулся.

Спать не ложились. Прислушивались—въ какую сторону идутъ обозы.

* * *

Бои подъ Варшавой упорные и жестокіе. Канонада стономъ разносится по городу, слышится днемъ и ночью; батареи работаютъ безъ отдыха. И нельзя было различить—наши или чужіе.

Нѣмцы успѣли хорошо окопаться, выбирали позиціи въ лѣсу или на опушкѣ, и по обыкновенію вели бой больше артиллеріей.

— Берутъ техникой и системой,—говорятъ наши офицеры.—А какъ дойдетъ дѣло до находчивости—часто пасуютъ.

— Не армія, а фабрика... Машина на славу.

По дорогамъ тянутся повозки съ бѣженцами, пролетаютъ шестерки съ пустыми зарядными ящиками.

Встрѣчаются странныя фигуры. Немолодая женщина: испуганные воспаленные глаза, выбивающіеся изъ-подъ платка волосы, модное пальто и босая. Ее останавливаютъ, начинаютъ разспрашивать. Говоритъ несвязно, отрывисто, озираясь по сторонамъ.

— Бѣжала изъ имѣнія... Пришли нѣмцы, все разграбили, а сейчасъ надъ домомъ рвутся снаряды... Все горитъ, все разрушено... Много имѣли, ничего не осталось.

Женщина бѣжала въ Варшаву и на слѣдующій день я встрѣтился съ ея братомъ, его фамилія Назировскій. Выѣхалъ изъ своего имѣнія товарнымъ поѣздомъ, добрался до Варшавы, позвонилъ по телефону домой, чтобы узнать, что происходитъ. Сестра подошла и могла сообщить только нѣсколько словъ.

— Пришли нѣмцы... Творится Содомъ и Гоморра...

Прусскій разъѣздъ явился въ имѣніе черезъ два часа послѣ отъѣзда помѣщика. Отвозившій его кучеръ проѣхалъ полъ-пути и былъ остановленъ прусса-

ками. На перекресткѣ дорогъ стояли четыре всадника съ ружьями наперевѣсъ. Возница бросился наутекъ, а ѣхавшій на бричкѣ управляющій соскочилъ и спрятался въ камышахъ у дороги. Въ это время нѣмцы уже хозяйничали въ имѣніи.

— Пускай намъ приготовятъ обѣдъ...

Имѣнія не существовало. Солдаты выдоили молоко, перерѣзали скотъ, лошадей забрали, наловили въ прудахъ рыбы; вытащили всѣ теплыя вещи и, явившись въ столовую, потребовали, чтобы помѣщица сѣла за хозяйку и разливала супъ. Пришлось подчиниться. Дворня попряталась въ подвалы, а несчастная помѣщица должна была угощать нѣмцевъ, которые, ложась спать, вѣроятно, занесли въ свои записныя книжки, что они «недурно поѣли и хорошо выспались».

* * *

Продолжаю путь. Навстрѣчу попадаются плѣнные нѣмцы.

Стараются разжалобить, показываютъ семейныя карточки.

— Только не разстрѣливайте.

Офицеръ успокаиваетъ, что разстрѣливать никого не собираются и что вообще русскіе плѣнныхъ не разстрѣливаютъ.

Дорогу занимаетъ пѣхота—сибиряки, побывавшіе уже въ Восточной Пруссіи. Теперь ихъ прислали выручать Варшаву.

— Приготовься!—командуетъ полковникъ.

Солдаты выстраиваются, командиръ пропускаетъ ихъ мимо себя. Въ сторонѣ играетъ оркестръ. Идутъ со спокойными, серьезными лицами, а кое-кто и съ прибауткой. Одна рота задержалась—впереди дорогу пересѣкла артиллерія. Солдаты остановились; этимъ

воспользовались сестры изъ подъѣхавшаго санитарнаго поѣзда и раздаютъ мѣшочки съ гостинцами.

Одинъ снимаетъ фуражку и достаетъ изъ-подъ подкладки картинки.

— У меня въ шапкѣ Вильгельмъ со всей своей фамиліей.—Въ Пруссіи взялъ на память.

— А у меня нѣмецкая трубка,—хвастаетъ другой.—Въ походѣ все пригодится.

Солдаты уходятъ, скоро становятся незамѣтными.

Канонада усиливается. Наша батарея зажигаетъ лѣсъ, въ которомъ сидятъ нѣмцы. Клубы чернаго дыма ползутъ надъ деревьями.

Подвозятъ раненыхъ. Вынимаютъ изъ двуколокъ, перекладываютъ на носилки и въ поѣздъ. Ни жалобъ, ни стона.

— Надо бы продвинуться ближе, — говоритъ сестра: — а если не безопасно, мы снимемъ бѣлые платки, одѣнемъ черные и пойдемъ впередъ.

Сестры уходятъ. За ними на дрезинѣ ѣдутъ санитары.

У сторожки лежатъ три трупа.

— Недавно убило.—Шрапнелью уложило на мѣстѣ... Отстали и пробивались къ полку.

Идетъ раненый подростокъ.

— Сколько лѣтъ?

— Пятнадцать, добровольцемъ пошелъ.

— Тяжело раненъ?

— Не, въ руку.

— Можетъ, кость раздробило?

— А кто ее знаетъ... перевяжусь и обратно къ полку.

Въ сторонѣ у помѣщичьяго дома суетня. Отъѣзжаютъ двуколки, хлопочутъ санитары, слышны оклики.

Несчастье. Снарядъ угодилъ въ подвалъ, гдѣ обѣдали солдаты. Человѣкъ двадцать убило и ранило.

Не знали, какъ выбраться, стѣна обвалилась, засыпало, подвалъ заволокло чернымъ дымомъ.

— И надо же угораздить,— досадуетъ штабной офицеръ.—Говорилъ имъ: не прячьтесь, хуже...

Выносятъ обуглившіеся трупы. Изуродованы, обезображены. Искалѣчены отъ множества осыпавшихъ ихъ осколковъ.

* * *

Небо затянуло тучами. Желтый огонь кусками выкидывается изъ-за деревьевъ, охватываетъ ихъ и растекается дымомъ. Канонада становится непрерывной, и подъ ударами тяжелыхъ орудій вздрагиваетъ земля.

Откуда-то изъ пустоты, точно изъ небытія, приближаются фигуры. Женщина съ грудным ребенкомъ на рукахъ ведетъ мальчика, тотъ плачетъ, упирается и кричитъ слабенькимъ голосишкомъ:

— Ой, нѣмцы... нѣмцы...

У мальчика окровавленъ палецъ.

Сзади еще двое ребятъ, тоже испуганныхъ, пробиравшихся съ матерью восемь верстъ подъ огнемъ. Ушли, когда загорѣлась изба.

Доносятся голоса. Будто кричатъ протяжно солдаты.

— Нѣту больше нашей деревни,—разсказываютъ бѣглецы.—Дома снесло... Кто не успѣлъ выбраться, сидитъ въ подвалахъ... На улицахъ убитые нѣмцы. Трупы на мосту, около домовъ. Наши подбираютъ раненыхъ. Вчера въ одной халупѣ нѣмцы сѣли ужинать и не вылѣзли обратно. Попалъ русскій снарядъ и нѣмцевъ зарыло. На утро десятка полтора убитыхъ нашли.

Подъѣзжаетъ казакъ.

— Съ утра отбросили на восемь верстъ... Шибко, подлецы, укрѣпились.

Ракитно.

Раннее утро. Свѣтаетъ. Капли мелкаго осенняго дождя разбрасываетъ вѣтромъ и съ поля снимается молочное туманное покрывало. За низкимъ кустарникомъ у дороги наскоро вырытые окопы, а дальше до рѣчки—кочковатое болото.

У канавы лежитъ солдатъ. Онъ перебѣгалъ съ ружьемъ наперевѣсъ, его остановила пуля и онъ застылъ. Фигура до того жизненна, что, кажется, будто солдатъ силится подняться. Рука не выпустила ружья, лицо прижато къ землѣ. Шагахъ въ двухъ—другой. Повалился навзничь, фуражка отлетѣла, руки распластаны, кусокъ, отколотый отъ черепа, свѣсился на глазъ и струйка черной крови запеклась до рта.

Между болотныхъ кочекъ стоитъ на колѣняхъ стрѣлокъ и въ позѣ его столько энергіи, корпусъ такъ подался впередъ, что если бы не глаза, помутнѣвшіе и закатившіеся,—нельзя было бы сказать, что онъ мертвый.

Подъ мостомъ—двое. Прижались другъ къ другу, думая схорониться. Такъ и остались на мѣстѣ.

Чѣмъ дальше по полю, чѣмъ ближе къ рѣкѣ,—тѣмъ больше труповъ. Какъ шли въ атаку, перебѣгая рядами, такъ и легли. И командиръ впереди.

Большой, съ закраснѣвшимъ отъ холода лицомъ, съ высокимъ лбомъ, съ сжатыми губами и раздѣленной на-двое бородой. Широкій и коренастый. Когда его подняли и понесли къ могилѣ,—все сразу припомнилось.

За нѣсколько дней передъ тѣмъ на вѣнскомъ вокзалѣ между ранеными на офицерской половинѣ,—сидѣлъ полковникъ. Сестра перевязывала ему ногу, а онъ мѣнялъ папиросу за папиросой.

— Вамъ бы надо хоть день полежать,—пробовала уговорить сестра.

— Невозможно это, сестрица... На молодого адъютанта полкъ оставилъ... Сегодня ночью обратно... Да вы ее іодомъ погуще, да посильнѣй забинтуйте,—она и выдержитъ...

И рѣшивъ, что «выдержитъ»,—полковникъ уѣхалъ.

Его фамилія—Рожанскій. За дѣло подъ Ракитно онъ посмертно награжденъ Георгіемъ третьей степени.

Десять дней сидѣли нѣмцы въ Ракитно. Взгромоздили на костельную вышку пулеметы, забарикадировались, какъ въ крѣпости, и не подпускали сибиряковъ.

Рожанскій посылалъ солдатъ въ атаку. Цѣпи достигали моста, но пулеметы отбрасывали ихъ. Пробовали разъ, другой,—все не удавалось вышибить нѣмцевъ. Тогда командиръ самъ вышелъ съ остатками полка, перекрестился, благословилъ солдатъ и съ шашкой кинулся на мостъ. Не выдержавшіе атакъ нѣмцы отходили, но пулеметъ еще стоялъ на колокольнѣ.

Рядомъ съ полковникомъ пали два офицера. Поручикъ-кавказецъ, крѣпкій, молодой съ выразительнымъ лицомъ, въ надвинутой на затылокъ фуражкѣ, съ ремешкомъ, спущеннымъ на подбородокъ. А по другую сторону—капитанъ, съ пробитой головой. Изъ кармана распахнувшейся куртки выглядываетъ образокъ Николая Чудотворца, а голубая шелковая ленточка, которой онъ былъ перевязанъ, свѣсилась по рукѣ.

Бѣлый болотный туманъ поднимался съ поля и оно открывалось, чернѣвшее бугорками сѣрыхъ шинелей.

За мостомъ на той сторонѣ рѣчки—нѣмцы. Наши снаряды, искавшіе пулеметъ,—падали въ колокольню. Кирпичъ осыпался и въ костелѣ на полу, среди балокъ

и мусора, лежатъ неестественно большія фигуры, засыпанныя мелкимъ, краснымъ порошкомъ. Точно муміи, вынутыя изъ саркофага. У престола храма, на лѣстницѣ, ведущей къ колокольнѣ, за оградой и по всей дорогѣ отъ моста къ шоссе, по которому отступали—трупы нѣмцевъ.

Ползкомъ перебрался по уцѣлѣвшимъ отъ моста доскамъ и прошелъ къ дому ксендза. Пріоткрылъ дверь и едва удержался на ногахъ. Запахъ разложенія. На диванѣ растянулся вздувшійся трупъ прусскаго генерала. Бросилась въ глаза нога. Странныхъ размѣровъ, точно раздвоившаяся, отъ ранившаго ее осколка. Зеленый камзолъ растегнутъ, а рядомъ на стулѣ огарокъ свѣчи и недопитый стаканъ. Въ другой комнатѣ двое уснувшихъ на соломѣ.

Нѣмцы сносили къ ксендзу своихъ раненыхъ. Ихъ трупы не убраны, а въ кухнѣ вернувшаяся экономка уже готовитъ обѣдъ. Печалится по-своему, по-женскому.

— Все разбили, разграбили... Вина одного сколько выпили... Попросите солдатъ убрать ихъ, смердитъ на всю квартиру...

Вокругъ костела бродятъ крестьяне. Взглянутъ, перекрестятся, поднимутъ каску, либо ружье нѣмецкое, и пойдутъ.

За домомъ была школа. Зачѣмъ-то разбросали книги, порвали тетради.

Нѣсколько снарядовъ попало въ кладбище,—вошли глубоко въ землю, открыли старые гробы. Тутъ же и свѣжія могилы—наши и нѣмецкія. На однихъ крестахъ каски, на другихъ—безкозырка.

За мостомъ на полѣ роютъ могилу. Большую и просторную, сразу для всѣхъ. Какъ ходили вмѣстѣ въ атаку, такъ и легли въ одну могилу.

Живымъ останется имя Рожанскаго и его сибиряковъ.

Съ калишскаго шоссе виденъ наполовину разсыпавшійся костелъ, а по ночамъ, говорятъ, льется звонъ, тихій и заунывный. И среди польскихъ крестьянъ сложилась легенда, будто женщина въ бѣломъ съ распущенными волосами обходитъ поле, цѣлуетъ землю, плачетъ на братской могилѣ и поднимается на колокольню.

Проѣзжавшіе мимо Ракитно вспоминали разсказы, прислушивались къ шелесту осеннихъ листьевъ и имъ чудились печальные звуки съ костела.

Ловичъ и Скерневицы.

Въ Ловичъ пріѣхалъ ночью. Мосты были взорваны и пришлось переправляться въ лодкѣ черезъ Бзуру,

На площади около ратуши толпа и говоръ. Среди обозовъ протискиваются какіе-то люди, снуютъ поляки съ розовыми перевязями на рукавѣ, суетится молодой ксендзъ.

— Можно проѣхать на Скерневицы?

— Лучше до утра обождать... Только сегодня ночью ушли нѣмцы... Въ лѣсу ихъ много шляется. Одни заблудились, другіе отстали.

Шляхтичъ въ высокихъ сапогахъ и низенькой фуражкѣ собралъ солдатъ и изливаетъ душу.

— До-чиста обворовали. До чего дошли, только подумайте... На кухнѣ у меня нѣмецкій офицеръ не постѣснялся одѣяло у прислуги украсть.

— За то и удирали на славу,—съ удовольствіемъ потираетъ руки толстякъ въ пожарной каскѣ,—шти-

блеты бросали, догоняли подводы и какъ мальчишки къ задкамъ прицѣплялись.

— Съ моихъ плечъ пальто сняли,—сообщаетъ полякъ, только что избранный предсѣдателемъ обывательскаго комитета,—а когда попросилъ заплатить, офицеръ отвѣтилъ:

— Для расплаты у насъ достаточно пуль.

Нѣмцы приблизились и отступили въ первый разъ неожиданно и бѣженцевъ было мало. И въ Сохачевѣ и въ Ловичѣ и по всему калишскому шоссе отъ Варшавы до Сѣрадзя большинство осталось на своихъ мѣстахъ. Война была вновѣ и счастье быстро мѣнялось.

Такъ и въ Ловичѣ. Въ одинъ прекрасный день въ городъ въѣхали нѣмецкіе разъѣзды, пошныряли и поскакали обратно. А черезъ нѣсколько часовъ потянулась пѣхота и артиллерія. Недѣли двѣ прошли въ неизвѣстности. Слышалась пальба, по улицамъ ходили нѣмцы, грабили, сперва бахвалились, потомъ стали скромнѣе и тише, и наконецъ, когда, однажды, жители выглянули въ окна,—нѣмцевъ уже не было. Вмѣсто нихъ—казаки.

Къ зимѣ пошли иные дни и при второмъ наступленіи на Варшаву поляки относились къ войнѣ иначе. Заблаговременно уходили, увозили, что можно и запирали дома.

— Я шелъ въ костелъ и на улицѣ встрѣтилъ нѣмцевъ, а вечеромъ у меня за столомъ уже сидѣли два лейтенанта, докторъ и инженеръ, попросили имъ дать вина и предложили сыграть въ преферансъ.

И пригласившій меня переночевать ксендзъ показывалъ визитныя карточки и расписки, оставленныя нѣмцами. Потомъ рѣшилъ отпраздновать освобожденіе, досталъ изъ-подъ спуда запыленную бутылку венгерскаго. А укладывая спать, сообщилъ:

— Лейтенантъ до васъ на этой постели спалъ, непремѣнно перину потребовалъ... Спокойной ночи, перина мягкая.

На утро ловичане чуть свѣтъ пошли благодарить святую Викторію. Она не разъ спасала городъ и до второго наступленія на храмѣ не было ни одной царапины.

Женщины на колѣняхъ пѣли псалмы, а три ксендза въ бѣлыхъ одѣяніяхъ молились передъ алтаремъ. У дверей стояли солдаты и набожно крестились.

Мимо проносили раненыхъ. Въ госпиталѣ, какъ и въ храмѣ, нашелся пріютъ для всѣхъ и даже для чужихъ.

Только что привезенный пруссакъ съ запрокинутой головой вытянулся, закрылъ глаза и безпомощно свѣсилъ безкровныя руки.

— Безъ пульса...—и благообразная шаритка, въ накрахмаленномъ чепцѣ, такомъ чистомъ и свѣжемъ, какъ будто ничего особеннаго не случилось,—прошла къ слѣдующей койкѣ.

На ней стоналъ и ворочался австріецъ. Онъ харкалъ кровью и пробовалъ поудобнѣе устроить свою простр ѣленную ногу. Рядомъ раненые ловичане. Двое крестьянъ, старушка, подстрѣленная у порога своего дома, въ которомъ ночевалъ заблудившійся и попавшій къ намъ въ плѣнъ церемоніймейстеръ саксонскаго короля...

* * *

По дорогѣ къ Скерневицамъ крестьяне очищаютъ нѣмецкіе окопы, собираютъ солому, несутъ двери обратно къ своимъ избамъ, ставятъ заплатки на крышахъ. Нѣмцы не стѣснялись. Сносили въ окопы не только столы и стулья, но и цѣлые дома разворачивали, превращая ихъ въ блиндажи.

Дорога заворачиваетъ въ паркъ. Убранный осеннимъ золотомъ, онъ попрежнему живописенъ, но нѣтъ въ немъ былой жизни. Замеръ и осиротѣлъ. Нѣмцы перестрѣляли фазановъ и возами грузили оленьи рога.

Объявившій себя комендантомъ лейтенантъ Мюллеръ сообщилъ служащимъ, что дворца велѣно не трогать и предложилъ расквартировать офицеровъ. Солдаты ходили по заламъ и мѣломъ писали на дверяхъ фамиліи генераловъ, полковниковъ и хирурговъ, которымъ предназначались лучшіе покои. Потомъ увели лошадей, разграбили театръ, взяли старинное оружіе и зачѣмъ-то засовывали въ карманы даже билліардные шары.

— Нашелся, впрочемъ, одинъ оригиналъ,—разсказываетъ управляющій,—какъ-то подходитъ и заговариваетъ:

— Не будете ли такъ любезны подарить мнѣ сервизъ, на которомъ нарисованы буквы Н. и А.

Я отвѣтилъ, что не могу распоряжаться чужимъ добромъ.

— «Вы страшно не любезны»,—обидѣлся нѣмецъ.

Уходили нѣмцы изъ Скерневицъ съ большой поспѣшностью, и даже зарыли часть своей артиллеріи. Казаки проѣзжали мимо креста и онъ показался имъ подозрительнымъ. Слѣзли съ коней и видятъ—торчитъ лафетъ. Раскопали и нашли нѣмецкія пушки.

Пощадивъ дворецъ, отыгрались на вокзалѣ. Вмѣсто него—руины. Кружевами свѣсились съ разрушенной крыши желѣзные листы, груды кирпича и балокъ, а напротивъ—громаднѣйшій желѣзный бакъ около взорванной водокачки.

Лодзь.

Генералъ фонъ-Либертъ, извѣстный африканскій изслѣдователь, бывшій въ теченіе десяти дней губернаторомъ Лодзи, заявилъ милиціонерамъ и членамъ обывательскаго комитета, что онъ пуститъ себѣ пулю въ лобъ, но не оставитъ Лодзи.

Я не знаю, застрѣлился ли генералъ Либертъ, я не видѣлъ ни въ гостиницахъ, ни на улицахъ его хладнаго трупа, но я былъ свидѣтелемъ восторженной встрѣчи, устроенной населеніемъ Лодзи русскимъ войскамъ. Старые и малые, поляки, нѣмцы и евреи, женщины и дѣти — всѣ высыпали на улицу, кричали ура, апплодировали, забрасывали цвѣтами казаковъ, бѣжали за автомобилемъ Краснаго Креста, улыбками и рукопожатіями привѣтствовали каждаго русскаго.

— Скажите, Варшава не взята?—спрашивали со всѣхъ сторонъ и, успокоенные, расходились по домамъ.

Городъ не пострадалъ. Правда, нѣтъ прежней кипучей промышленности, фабрики и заводы не дымятъ, рабочіе не за станками и машинами, а на улицахъ, но нѣмцы обошлись съ Лодзью милостиво. Вѣрнѣе всего нѣмцы не успѣли набезобразничать. Они расквартировались здѣсь временно, оставили небольшой гарнизонъ, продвинули главныя силы на Варшаву и разсчитывали прочно устроиться въ Лодзи, какъ Варшава будетъ занята.

— Намъ некогда у васъ задерживаться,—говорили нѣмецкіе солдаты въ Лодзи,—наша цѣль Варшава.

Офицеры въ своей откровенности пошли дальше. Они явились въ Лодзь съ громадными чемоданами и баулами и къ вечеру сидѣли въ ресторанахъ и кафе,

разряженные, въ парадныхъ мундирахъ. Лакированные ботинки, шитые серебромъ воротники, блестящія каски, монокли въ глазу и стэки въ рукахъ, а вокругъ рой денщиковъ.

До Либерта комендантомъ города состоялъ полковникъ Гофманъ, съ утра напивавшійся шампанскимъ. Ни за шампанское, ни за комнату полковникъ Гофманъ, конечно, не платилъ, показывая блестящій примѣръ офицерамъ, а когда однажды лакей сунулся къ нему со счетомъ, Гофманъ торжественно заявилъ:

— За меня заплатитъ городъ, а если онъ откажется отъ этой чести, то—самъ Богъ.

Нѣмцы вошли въ Лодзь 8-го октября по новому стилю.

Вмѣстѣ съ ними въ Лодзь явились молодые австрійскіе поляки въ живописныхъ костюмахъ, напоминавшихъ наполеоновскую форму. Они устроили главную квартиру въ казенной гимназіи, выкинули надъ ней польскій флагъ и расклеили по улицамъ воззваніе, приглашая поляковъ къ возстанію противъ «московскаго правительства», къ вступленію въ легіоны и къ преклоненію передъ германской культурой. Съ музыкой и польскимъ знаменемъ сокола прошли по улицамъ.

Послѣ праздниковъ всегда бываютъ будни и послѣ торжественной манифестаціи съ музыкой и знаменами, именовавшіе себя соколами быстро раскрыли свое инкогнито и показались во всей непринужденной красѣ. Началось мародерство. Австрійцы въ наполеоновскихъ мундирахъ обходили лавки, забирали товаръ и выдавали вмѣсто денегъ расписки на польскій банкъ. Когда ихъ спрашивали, гдѣ такой банкъ—они не смущались:

— Пока такого банка, конечно, нѣтъ, но онъ будетъ.

Во вторникъ 14-го октября черезъ Лодзь проходили подкрѣпленія а черезъ два дня, въ четвергъ, нѣмцы начали отступать.

Мѣстныя газеты писали: «Вчера вечеромъ началось всеобщее отступленіе нѣмецкой арміи. Съ восьми и до одиннадцати часовъ вечера, начиная со Средней улицы черезъ Петроковскую къ площади Гейера и дальше на Руду Пабіяницкую, Ржговъ и Тушинъ, а также и на Пабіаницы потянулся весь семнадцатый армейскій корпусъ до сорока тысячъ человѣкъ, тяжелая артиллерія, пѣхота и кирасиры, а также и другія части. И только единичные солдаты группами по два, по четыре человѣка, преимущественно саперы, оставались въ городѣ и заночевали. Въ этомъ заключалась ихъ ошибка. На утро въ девять часовъ появились казаки, за которыми по Средней улицѣ вошла пѣхота. Казаки разсѣялись по всему городу, высматривая, нѣтъ ли прусскихъ солдатъ и находили ихъ на разныхъ улицахъ. Пруссаки отдавались въ плѣнъ безъ сопротивленія и ихъ отправляли въ казармы».

Послѣдніе пруссаки были забраны на моихъ глазахъ. Они пробовали вскочить въ трамвай, но тутъ ихъ и задержали.

Къ гостиницѣ, гдѣ помѣстился штабъ корпуса, привели плѣнныхъ. Они шли, едва переступая. Въ хвостѣ нѣсколько человѣкъ на извощикѣ—безъ сапогъ, съ забинтованными ногами. Привезенные не были ранены,—они валились отъ безостановочныхъ переходовъ, они устали нравственно и физически. Подбадриваемые обѣщаніями скорой удобной квартиры, они могли добраться до Варшавы, но поспѣшное отступленіе для многихъ оказалось не подъ силу.

На передней площадкѣ трамвая ѣдутъ четыре прусскихъ солдата. Публика смотритъ на нихъ съ недоумѣ-

ніемъ.—«Куда вы ѣдете, вѣдь въ городѣ казацкіе разъѣзды».—«Чѣмъ скорѣе мы встрѣтимъ казаковъ, тѣмъ лучше... Съ насъ довольно. Мы были въ Бельгіи, Франціи, были въ Восточной Пруссіи, насъ оттѣснили отъ Варшавы, мы третій мѣсяцъ не можемъ выспаться, у насъ отъ ходьбы загнили пальцы на ногахъ, и если насъ не возьмутъ въ плѣнъ, мы свалимся отъ истощенія...»

Когда трамвай окружили казаки, нѣмцы поспѣшно бросили оружіе и подняли руки... Казакъ вывелъ по очереди четверыхъ нѣмцевъ, отобралъ ружья, какъ-то жалостно оглядѣлъ усталыя фигуры, а затѣмъ покровительственно потрепалъ ихъ по плечу: «Ну ладно, ладно, пойдемъ въ казармы, тамъ накормятъ».

Пока отдѣльные офицеры объѣдали и опивали помѣщиковъ, а солдаты обшаривали подвалы и опоражнивали бутылки, прусскіе генералы разыскивали въ Лодзи милліонъ рублей, забытый государственнымъ банкомъ. Какой-то шутникъ явился къ коменданту и заявилъ, что государственный банкъ не успѣлъ вывести изъ Лодзи всѣхъ денегъ и что милліонъ золотомъ спрятанъ либо въ подвалахъ банка, либо въ одномъ изъ частныхъ банковъ. Нѣмцы снарядили экспедицію. Генералъ, нѣсколько офицеровъ и человѣкъ въ штатскомъ, оказавшійся инженеромъ, явились въ государственный банкъ, тщательно его осмотрѣли, обнюхали всѣ подвалы, подняли плиты и стали копать. Копали цѣлый день. Постукивая ломомъ и нападая на пустое пространство, нѣмцы время отъ времени оживлялись, затѣмъ впадали въ уныніе, но все-таки продолжали рыть.

Когда въ самомъ государственномъ банкѣ ничего не нашли, пошли напротивъ къ директору торговаго банка.

Снова начались раскопки. Подняли плиты, стали ковыряться и, дойдя до пустого пространства, обрадовались. На повѣрку вмѣсто милліона оказалась водопроводная труба. Плюнули и вернулись въ кабинетъ директора.

— Пишите расписку: жизнью и словомъ ручайтесь, что у васъ не зарыты казенныя деньги.

Сомнѣнія у нѣмцевъ все-таки остались:

— А все-таки милліонъ гдѣ-нибудь зарытъ...

Бои вокругъ Лодзи [1]).

Ночь. Совсѣмъ не зимняя, едва прохладная, съ млечнымъ свѣтомъ.

Бѣлесоватымъ туманомъ подернулась дорога. Мелькаютъ оголенные тополя и ветлы, потерявшіе листву, холодные. Между ними поваленные и покосившіеся телеграфные столбы и пучками свѣсившаяся, забѣлѣвшая проволока.

Путь указываютъ костры. Изъ заворота мигнетъ красноватое пламя и отблескомъ освѣтитъ лица крестьянъ. Въ кожухахъ и нахлобученныхъ шапкахъ они сидятъ около огня и стерегутъ.

Нѣмцы мечутся подъ Лодзью; ихъ разъѣзды и отставшіе, заблудившіеся солдаты разбрелись по лѣсамъ и ночью появляются далеко отъ города.

Прямой дороги уже нѣтъ. За Ловичемъ обстрѣлъ, а между Згержемъ и Стриковымъ укрѣпились нѣмцы. Приходится брать далеко въ объѣздъ.

Подшибленный костелъ въ Равѣ. У воротъ капуцинскаго монастыря монахи, въ лиловыхъ сутанахъ.

---

[1]) Вторичное наступленіе нѣмцевъ.

въ капюшонахъ, съ умными проницательными глазами. Снарядъ пробилъ куполъ костела и упалъ у подножія алтаря, не тронувъ мраморнаго распятія, памятника итальянскаго искусства.

— Мы огородимъ это мѣсто,—сухимъ голосомъ, будто въ пространство, говоритъ монахъ,—и не будемъ чинить поцарапанныхъ скамеекъ, пускай дѣти, приходящія въ храмъ, у Престола Всевышняго научатся любви къ человѣчеству... Пусть не пройдетъ даромъ...

Шоссе сворачиваетъ на Томашевъ. Полоса луннаго свѣта падаетъ на группу черныхъ фигуръ. У Распятія на колѣняхъ молятся крестьяне. Сжались въ кучу, наклонили головы и замерли, точно и не живые. Надъ ними голова Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ.

Спокойствіе ночи нарушается гуломъ со стороны Лодзи.

Дорога труднѣе и опаснѣе. Мосты взорваны и поломаны, загородокъ не поставлено и каждую минуту рискуешь вмѣстѣ съ машиной полетѣть въ преисподнюю. Павшія, вытянувшіяся лошади, обгорѣлыя избы, снесенныя деревни, частоколъ черныхъ трубъ, вставшихъ кладбищемъ на мѣстѣ прежнихъ селеній.

За лѣсомъ красное зарево и языки его достигаютъ неба. Горитъ Лодзь. Вокругъ города вторую недѣлю бои. Кольцо до того сжалось, что только со стороны Пабіаницъ остался просвѣтъ верстъ на пятнадцать.

Устланные трупами поля и лѣса, изрытыя окопами и утоптанныя солдатскими сапогами пашни. Подъ Бржезинами недѣлю не могли подобрать убитыхъ. Тутъ произошло неожиданное и жаркое дѣло, начатое нижегородцами, и законченное сибиряками. Кавалерія лавой обрушилась на нѣмцевъ, изрубила орудійную прислугу, захватила гаубицы и расчистила путь для пѣхоты. Нѣмцы бѣжали, спасаясь въ деревнѣ Курпино,

прятались въ домахъ, ихъ настигали и кололи. Такихъ слѣдовъ не приходилось видѣть. Лежатъ съ разбитыми черепами, искрошенными прикладами, съ оторванными руками и ногами, валяются маленькія шапочки, наполненныя краснымъ студнемъ и рядомъ обрывки человѣческаго тѣла. Одного нѣмца настигли въ избѣ и ударомъ штыка, какъ жучка, прикололи къ полу.

Крестьянинъ ведетъ смотрѣть, а самъ дрожитъ и не входитъ въ домъ.

Рзговъ.

Его обезсмертили тѣ же сибиряки. Они шли на выручку. Сдѣлали за два дня девяносто верстъ перехода и, встрѣчая раненыхъ, узнали, что нашимъ приходится туго. Поговорили съ офицерами и отрядили къ командующему арміей за разрѣшеніемъ въ ту же ночь пойти атакой. Командующій былъ растроганъ. Самъ не рѣшался усталыхъ людей отправлять въ бой, а когда выслушалъ—далъ благословеніе.

Надо было идти въ гору по скату. На гребнѣ засѣли нѣмцы. По тому, какъ расположены окопы, видно, что холмъ нѣсколько разъ переходилъ изъ рукъ въ руки. То сибиряки сшибали нѣмцевъ, то нѣмцы возвращались обратно. Окопы въ нѣсколькихъ шагахъ. Они завалены трупами, а по скату съ обѣихъ сторонъ каски и папахи, рыжіе ранцы и наши маленькія сумочки, открытки съ портретами Гинденбурга и письма на оберточной бумагѣ деревенскими каракулями.

У подножія сопки кресты, нѣсколько рядовъ. На одномъ солдатской рукой надпись: «Покоица прахъ подпрапорщика Анисима Акимова».

Рзговскій холмъ.

Вся обстановка боя и его слѣды, малограмотная надпись на крестѣ и готическія буквы на могилѣ прус-

скаго лейтенанта, лиловые конверты и открытки, и письмо на сѣрой бумагѣ: «Стрѣлку Василію Иванову отъ крестьянина Никиты Васильева петраковской волости Казанской губерніи»,—все до послѣдней мелочи вырисовываетъ противниковъ. Одинъ долго готовился къ кровавому дѣлу, другой—какъ былъ, поднялся всей страной на защиту родины.

При дорогѣ въ полѣ—тяжелое орудіе. Оно подбито. Нѣмцы сами его докончили и, воткнувъ рядомъ доску, написали: «Врагъ, не думай, что это сдѣлалъ ты. Это несчастный случай. Здѣсь похоронены убитые бомбардиры».

Когда нѣмцы метались по всѣмъ направленіямъ вокругъ Лодзи, когда изъ окружающихъ они оказались окруженными,—они зарывали орудія и снаряды, бросали обозы и налегкѣ пробивали себѣ дорогу.

— Вчера ночевали нѣмцы, а сегодня наши пришли,—разсказывали крестьяне подъ Рзговымъ.

— Когда пальба затихала, изъ лѣса доносились стоны раненыхъ. Страшно, а идти боялись...

* * *

По всей дорогѣ къ Бржезинамъ разбросаны трупы. Подъ деревомъ нѣмецъ, уткнувшійся головой въ землю, вцѣпившійся руками въ холодныя вѣтки. Будто живъ еще и ползетъ, хватаясь за кустарникъ и взывая о помощи. Другой—съ широко раскрытымъ ртомъ, съ протянутыми впередъ руками. Видно, что кричалъ и не сразу нашелъ успокоеніе. Много ихъ. Куда ни глянешь—лежатъ скорчившіеся, маленькіе.

Подъ Тушинымъ нашлись «счастливцы», видѣвшіе нѣмцевъ въ натурѣ.

Изъ Лодзи на Тушинъ былъ отправленъ первый подвижной Иверскій лазаретъ. Выѣхали на Куровицы

по линіи нашихъ позицій. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ мѣстечка встрѣтили казаковъ, и тѣ не совѣтовали двигаться дальше. Отрядъ выслушалъ, но поѣхалъ куда послали и къ вечеру былъ въ мѣстечкѣ. Пошли искать ночлега. Свободной оказалась только лавка гробовщика. Пока сестры не собрались, врачи и санитары вынесли гробы и постлали солому.

— Утромъ, — разсказываетъ докторъ, — услышали стрѣльбу. Наши обозы потянулись на Рзговъ, а мы двинулись пѣшкомъ на Тушинъ и пришли туда къ ночи. Поляки сообщили, что по петраковскому шоссе идутъ нѣмцы. Подобранныхъ на пути привели съ собой; тяжелыхъ привезли на повозкахъ, а остальные до тысячи человѣкъ шли пѣшкомъ. Пока бесѣдовали съ казаками, пришли ихъ сторожевые и сообщили, что къ Тушину наступаютъ крупныя силы нѣмцевъ.

Куда идти съ ранеными, а оставлять ихъ однихъ развѣ можно?

Было семь часовъ утра. Черезъ четыре часа, дѣйствительно показались нѣмецкіе разъѣзды.

За разъѣздами двигались колонны. Впереди ѣхалъ командиръ дивизіи, окруженный штабомъ офицеровъ. Остановился около врачей.

— Вы свободны, исполняйте свои обязанности, но изъ города вы не смѣете выходить...

Обратившись къ докторамъ, генералъ спросилъ:

«— Нѣтъ ли у васъ конфетъ и вина?

Узнавъ, что ни того, ни другого нѣтъ, — изумился.

«— Почему же у васъ нѣтъ вина?

«— У насъ запретили пить...

«— Не можетъ быть,—закачалъ головой нѣмецъ.— Это очень скверно...

Пока начальникъ дивизіи разговаривалъ съ врачами,

стоявшій около него адъютантъ держалъ на готовѣ револьверъ.

Въ городъ входила нѣмецкая пѣхота. Солдаты шли правильными колоннами, прихрамывали и офицеры подталкивали и подгоняли окриками и бранью.

Пѣхоты прошло не много, за то артиллерія тянулась безъ конца.

Послѣ любезныхъ разговоровъ стали понемного распоясываться. Попросили лекарствъ, опія, говоря, что «боятся холеры и тифа», а за лекарствомъ—полѣзли и къ теплому бѣлью. Отъ просьбъ перешли къ требованіямъ, съ каждымъ часомъ становились безцеремоннѣе, отобрали ключи, хватали все, что попадалось подъ руку и, окруживъ нашъ обозъ, стали снимать съ него ящики. «Оберъ-арцтъ» принималъ живое участіе въ грабежѣ и, добравшись до теплаго бѣлья, засунулъ себѣ въ карманъ двѣ пары чулковъ. Одинъ врачъ не выдержалъ и замѣтилъ нѣмцу, что согласно постановленіямъ Женевской конвенціи, имущество Краснаго Креста считается неприкосновеннымъ.

«— Все это можетъ быть, но, во-первыхъ, вы плохо понимаете постановленія конвенціи, а, во-вторыхъ, сейчасъ война... Послѣ войны мы съ вами разсчитаемся».

Предупрежденіе генерала о хорошемъ обращеніи скоро забыли. Къ лазарету приставили конвой, всѣ припасы и медикаменты забрали и скоро не осталось даже хлѣба. Ночью весь обозъ разграбили. Нѣмецкіе солдаты съ электрическими фонарями расколачивали ящики, брали то, что имъ нравилось, а что казалось непригоднымъ, ломали и разбивали.

— Всю ночь мы не смыкали глазъ,—вспоминали сестры.—Черезъ Тушинъ проходило много войска и всякій считалъ своей необходимостью заглянуть въ «плѣненный русскій лазаретъ»...

Выручилъ ксендзъ, онъ кормилъ и поилъ солдатъ, проносилъ подъ полой пищу.

Около полудня на площадь Тушина, полетѣли русскіе снаряды. Врачи и сестры обрадовались имъ, какъ гостинцамъ.

Шрапнель учащалась и нѣмцы зашевелились.

— Непріятныя минуты наступили для насъ. Помня слова прусскаго генерала, что насъ при первой возможности отправятъ въ Берлинъ и, видя выстроенныхъ санитаровъ, мы тоже приготовились. Написали письма, передали ихъ ксендзу. Сестры рѣшили идти вмѣстѣ съ нами въ плѣнъ...

Рано утромъ въ двери лазарета кто-то постучался. Сестра, привыкшая за два плѣна говорить по-нѣмецки, спросила:

— Wer ist da?

Никакого отвѣта не послѣдовало. Сестра еще разъ переспросила.

— Отворите, вамъ говорятъ... и кто-то добавилъ крѣпкое словцо.

Казаки. Раненые до того обрадовались, что христосовались съ казаками.

Тушинъ скоро наполнился русскими. Нѣмцы ушли такъ поспѣшно, что во многихъ избахъ находили спящихъ.

* * *

Лодзи сначала не трогали, только летали аэропланы и сбрасывали бомбы.

На девятый день боя залетѣлъ тяжелый снарядъ. Граната разорвалась на улицѣ, разрыла мостовую, кого-то ранила. Черезъ нѣсколько минутъ опять громовой ударъ и раскатъ, на другомъ концѣ.

Городъ бомбардируетъ тяжелая артиллерія. Сна-

ряды шлютъ сперва черезъ четверть часа, потомъ каждыя пять минутъ.

На улицахъ народъ. Высыпали, запрудили тротуары и бѣгутъ туда, гдѣ рвется граната, откуда докатываются грохоты взрыва, забывая, что въ то же мѣсто можетъ тотчасъ упасть другая.

Война въ большомъ городѣ. Кругомъ высокіе каменные дома, непріятеля не видно, обстановка совсѣмъ мирная, дѣти и женщины—и вдругъ откуда-то летятъ громады, несущія разрушеніе.

Куда идти и гдѣ спрятаться?

Ходилъ человѣкъ по улицѣ и ничего не случилось, а пошелъ домой, заперся въ комнатѣ— и былъ убитъ въ креслѣ у письменнаго стола. А въ гостиницѣ «Викторія» граната ударила въ крышу, пробила потолокъ и полъ въ двухъ этажахъ и вышла въ боковую стѣну, никого не-тронувъ.

Я сидѣлъ напротивъ въ кафе съ В. И. Немировичемъ-Данченко. Осколокъ гранаты попалъ въ толстое стекло рядомъ съ нашимъ столикомъ и стекло треснуло сверху донизу. Въ кафе шумно и оживленно. Сюда собираются военные и краснокрестные, и каждый вечеръ узнаются всѣ новости.

Рядомъ за столикомъ летчики. Съ ними знаменитый французъ Пуаре. Разсказываютъ объ удивительныхъ случаяхъ.

Одинъ опустился въ Лагевникахъ, между нашей и непріятельской линіей. Казалось, не спастись. Нѣмцы кинулись къ аппарату, но ихъ остановила батарея.

Въ теченіе трехъ часовъ летчикъ лежалъ подъ перекрестнымъ огнемъ. Распластался въ межѣ, боясь шелохнуться и поднять голову. И только, когда стемнѣло, черезъ болото, озябшій и вымокшій добрался къ своимъ.

Съ летчикомъ Ягелло [1]) вышло еще чище. Долженъ былъ опуститься въ Ласкахъ, а попалъ въ Здунскую Волю. Спланировалъ, былъ отъ земли метрахъ въ тридцати, когда выключалъ моторъ — слышитъ стрѣльба. Оглянулся — нѣмцы. Взялъ руль высоты и успѣлъ вылетѣть. Опустился за нашими окопами и насчиталъ въ аппаратѣ больше ста пуль. Дѣло случая.

Входятъ господа въ штатскомъ, садятся рядомъ и говорятъ по-нѣмецки. И не разберешь: не то лодзинскіе нѣмцы, не то переодѣтые пруссаки. И такихъ много ходило по городу.

На улицѣ пропасть нищихъ. Полусумасшедшія женщины, съ блуждающими глазами бѣгутъ за вами, хватаютъ за рукавъ, а дѣти въ тряпьѣ, голодныя, преслѣдуютъ прохожихъ, постукивая деревянными туфлями.

Въ домахъ холодъ. Роскошные номера гостиницъ не топлены, въ ресторанахъ предупрежденіе, что обѣдъ можно получать, только безъ хлѣба.

Фабрики и заводы давно остановились. Рабочіе превратились въ нищихъ. У съѣстныхъ магазиновъ толпа, а двери не открываются. Хлѣба не стало, перешли на макароны, ихъ выкупили—принялись за картошку.

Бомбардировка продолжается. Нѣмцы мѣтятъ въ гостиницу, гдѣ стоитъ штабъ, и въ вокзалъ. У лазаретовъ поспѣшно грузятъ раненыхъ. Кромѣ тяжелыхъ всѣмъ велѣли идти пѣшкомъ на станцію. Ихъ очень много.

Къ вечеру городъ залило краснымъ заревомъ. Опять пожары. Взрывъ въ одномъ мѣстѣ, въ другомъ. Звонъ разбивающихся стеколъ, канонада съ окраинъ и совсѣмъ близкій трескъ пулеметовъ.

Наши батареи почти въ городѣ. Около нихъ какъ-то тише и спокойнѣе; ни волненія, ни страха. Не спѣша,

---

[1]) Храбрый, умѣлый летчикъ погибъ подъ Ригой.

заряжаются, мигаетъ пламя и за нимъ протяжный свистъ выпущеннаго снаряда. Непріятель въ двухъ-трехъ верстахъ. Пѣхотныя цѣпи лицомъ къ лицу.

Среди домовъ хуже. Тутъ беззащитные. Но и городъ не сдается. Изъ дверей кафе слышны звуки скрипокъ, подъ окнами говоръ.

Народъ долго не расходится по домамъ.

— Штабъ уѣхалъ...

— Правда?

— Автомобили отъѣзжали...

— Мадритова видѣли... Пока Мадритовъ не ушелъ, нѣмцевъ не пустятъ...

Въ дни лодзинской бомбардировки генерала Мадритова зналъ каждый—не одни солдаты. Былъ моментъ, когда, опасаясь за штабъ арміи, онъ выкатилъ пулеметы на главную улицу, а потомъ засѣлъ на окраинѣ въ Баутахъ и не уходилъ, не взирая, что нѣмцы осыпаютъ его градомъ шрапнели.

На утро всѣ уѣхали. И штабъ и госпиталя и обозы, и уже снималась артиллерія. Поѣзда не ходили, да и не попасть было на нихъ. Нѣмцы засыпали городъ снарядами, на улицахъ валялись трупы подбитыхъ лошадей, а многіе дома глядѣли черными дырами.

Ночь провелъ въ холодной комнатѣ безъ сна. Рядомъ плакалъ больной ребенокъ, всхлипывала женщина, а за окнами такъ бухало, будто орудія вплотную придвинулись къ дому.

Вышелъ на улицу чуть свѣтъ и съ первымъ трамваемъ въ Пабіаницы, гдѣ оставилъ вещи у пріятеля летчика. Съ нимъ и разсчитывалъ выбраться обратно на свѣтъ Божій.

Пріѣзжаю, дотащился къ площадкѣ, гдѣ стояли аппараты, и встрѣтилъ растерянныя лица.

— Не возвращался, какъ вылетѣлъ вчера, такъ и не вернулся...

Не съ кѣмъ ѣхать. Какъ быть? Въ Лодзь—безсмысленно и поздно. Оставаться въ Пабіаницахъ еще горше. Иду снова къ трамваю и, вдругъ, счастье. У госпиталя стоитъ грузовикъ.

— Куда?

— Въ Петроковъ...

— Есть мѣсто?

— Ни одного, только тяжелые раненые.

Потомъ посмотрѣлъ на меня, видитъ усталъ, и сжалился:

— Развѣ на подножкѣ.

Такъ проѣхалъ до Петрокова часовъ восемь и былъ счастливъ. Лучше, чѣмъ остаться съ нѣмцами.

А въ Петроковѣ поручили сопровождать раненыхъ съ поѣздомъ до Варшавы.

— Попробуйте... Можетъ доѣдете... Если мосты не взорваны...

Поѣздъ набитъ. Лежатъ и сидятъ въ коридорѣ и на площадкахъ, засыпая отъ усталости.

— Главное—миновать Колюшки...

Ѣхали параллельно линіи боя. Снаряды рвались до того близко, что темные вагоны освѣщало вспышками, а стекла дребезжали. Передъ мостами стояли. Въ одномъ мѣстѣ часа три.

Раненые молились.

— Неужели застрянемъ?..

Ихъ носили съ поля прямо на поѣздъ и они сами выползали изъ подъ огня.

Когда тронулись—тяжесть спала и всѣ вздохнули съ легкимъ сердцемъ.

Къ ночи добрались до Варшавы и солдаты радовались, какъ чуду.

— Неужели не сонъ?.. Значитъ, конецъ страданіямъ.

Вдоль окоповъ.

Раннее утро. Выглянувшее въ первый день праздниковъ солнце осушило дороги и обогрѣло солдатъ. Когда разсвѣло, одни пошли въ резервъ на отдыхъ, а другіе стали приводиться въ порядокъ.

Словно муравьи, солдаты повылѣзли изъ всѣхъ щелей, выбрались изъ-подъ соломы, и рады и свѣту и солнышку, и тому, что миновала трудная ночь, что можно поразмять члены, похлестать на лицо холодной водой, съѣсть не спѣша горячую картошку.

Кто у дымящихся котелковъ расположился, кто, свѣсивъ ноги, сидитъ на краю окоповъ и раскуриваетъ папироску, кто плескается водой.

Пальбы пока нѣтъ. Послѣ неудачнаго Сочельника, нѣмцы, повидимому, рѣшили отдохнуть и справить первый день Рождества. Наши тоже выжидаютъ.

Въ сторонѣ отъ окоповъ за небольшими прикрытіями, какъ игрушечки въ ямкахъ пулеметы. Страшное орудіе. Оно приноситъ больше вреда, чѣмъ нѣмецкіе чемоданы и шрапнель. Во время атакъ удачно поставленные пулеметы кладутъ людей, какъ коса рожь. Нѣмцы взгромождаютъ ихъ на костелы и вышки, наши тоже приноравливаются. Когда появились у насъ блиндированные автомобили съ пулеметами, совладавшіе даже съ непроѣзжими дорогами, они произвели панику. Дѣйствовали подъ Лодзью и Ловичемъ, во время боевъ на Бзурѣ, а на побіаницкомъ шоссе капитанъ Гурдовъ, удачно выкативъ два автомобиля, пропускалъ мимо себя ряды нѣмецкой пѣхоты, и въ короткій срокъ, говорятъ, уничтожилъ больше полка.

Неуклюжія шестигранныя машины, на палецъ облѣпленныя грязью, стоятъ у дороги. Онѣ только что пришли «изъ дѣла» и собирались приводиться въ порядокъ. Солдаты вылѣзали изъ стального чудища, закопченные и обалдѣлые, офицеры вспоминали удачу.

— Думали, на нихъ управы нѣтъ... Простите и мы обзавелись...

Онѣ вездѣ желанные гости. Ихъ встрѣчаютъ съ распростертыми объятіями и упрашиваютъ «подольше погостить».

— Вы куда ѣдете?

Командиръ сообщаетъ мѣсто назначенія.

Офицеры обезокуражены и уговариваютъ остаться у нихъ.

— Куда васъ послали—вы не доѣдете, оставайтесь лучше у насъ. Мы сегодня пойдемъ въ ночную атаку, вы окажете намъ большую поддержку.

Солдаты оглядываютъ автомобили съ большимъ любопытствомъ и уваженіемъ.

— Серьезная штучка...

— А ты развѣ видѣлъ?

— Какъ же, ваше благородіе, подъ Гуминымъ вмѣстѣ сражались... Нѣмцы въ атаку пошли, только намъ за темнотой ихъ не видно было. Слышимъ, сзади кто-то палитъ... Разъ, другой. За нѣмецкими окопами загорѣлась деревня, запалились стоги соломы и нѣмецъ оказался какъ на ладошкѣ... Тутъ мы его въ ружья ловко приняли. Немногіе обратно убрались за рѣку... А когда бой кончился и пошли на отдыхъ, смотримъ стоитъ большая машина, на ней пушка, грязь очищаютъ... Она самая и помогла намъ ночью... Серьезная махинація...

— Ты что другихъ выхваливаешь,—усмѣхаются

окружившіе насъ солдаты... Разскажи-ка лучше, какъ ты самъ автомобиль подстрѣлилъ.

Совсѣмъ незначительный мужиченка. Какъ въ паспортахъ пишутъ: «лицо обыкновенное и особыхъ примѣтъ нѣтъ». А оказывается, подбилъ нѣмецкихъ автомобилистовъ и привелъ машину въ цѣлости въ штабъ.

— Какъ же ты это сдѣлалъ?

— Шелъ я, ваше благородіе, по дорогѣ, вижу автомобиль катитъ, по виду на нашего не похожъ, и управляетъ имъ человѣкъ въ нѣмецкой шапкѣ. Я отступилъ отъ шоссе, разсыпался въ цѣпь, открылъ огонь и началъ его обстрѣливать. Автомобиль подшибъ и машина стала, я подбѣжалъ и того, который въ машинѣ сидѣлъ, тоже подшибъ... Думаю, надо машину въ штабъ доставить. Сѣлъ вмѣсто шоффера, пробовалъ управлять, ничего не выходитъ. Пыхтитъ и ни съ мѣста... А тутъ навстрѣчу крестьянинъ ѣдетъ, распрягъ повозку и заставилъ везти... Къ наградѣ представили.

* * *

Отъ Тересина везутъ раненыхъ. Дорога извивается, тянетъ лѣсомъ и пашнями, чуть не параллельно съ Бзурой.

Ѣдемъ вдоль окоповъ. У хатъ, ослѣпляютъ яркими бликами желтые и пурпуровые халаты туркменовъ. Въ папахахъ невѣроятныхъ размѣровъ, черные и косматые, съ дикимъ видомъ, въ своихъ восточныхъ одѣяніяхъ, живописные и величественные на коняхъ, они наводили не меньшую панику, чѣмъ блиндированные автомобили.

Угощаю папиросами, пробую заговорить. Никакого толку, по-русски не понимаютъ.

— Спасибо, господинъ...—и больше ни слова.

— Воевалъ, видѣлъ нѣмцевъ?

— Нѣмецъ нѣтъ... Лошади взялъ...

Въ переводѣ на русскій—это должно было означать, что туркмены были въ разъѣздѣ, убили нѣмцевъ и привели ихъ лошадей.

Вечеромъ, освѣщенные автомобильными фонарями, туркмены казались особенно зловѣщими. Не хотѣлъ бы я быть на положеніи тѣхъ нѣмцевъ, которыхъ они снимали съ лошадей.

Гузовъ.

Въ красивомъ бѣломъ замкѣ Собанскихъ устроился лазаретъ. Въ паркѣ повозки и двуколки, обозы, группы солдатъ, расположившихся на обѣдъ, у шоссе въ маленькомъ домикѣ передовой перевязочный пунктъ польскаго отряда.

Сестры перевязываютъ раненыхъ. Снимаютъ заалѣвшія повязки и накладываютъ новыя. Солдатики морщатся, отъ боли закусываютъ губы, но не сдаютъ. При сестрицѣ—и вдругъ разрюмиться... Не удобно...

Путь на Жирардовъ. Начинаютъ пострѣливать. Окопы совсѣмъ близко и батареи открыли пальбу. Сразу отличишь нашихъ отъ нѣмцевъ. У насъ стрѣляютъ очередями, у нѣмцевъ залпами. Не даромъ сибирцы острятъ:

— Мы люди благородные... Первый стаканчикъ посылаемъ, значитъ спрячься, а слѣдующими колотить будемъ.

Изъ хатъ высыпала дѣтвора и съ любопытствомъ оглядываетъ остановившуюся машину.

— Здѣшніе?..

— Не, изъ-подъ Сохачева... Въ одной халупѣ сегодня человѣкъ пятнадцать ночевало.

Сохачевъ уже вторую недѣлю находится подъ обстрѣломъ и хотя наши позиціи и передъ городомъ, но нѣмцы все время занимаются поджогами.

— Это ихъ спеціальность,—говорятъ солдаты:—поджигатели...

* * *

На перекресткѣ дорогъ палатки пуришкевичевскаго питательнаго пункта.

Подъѣхали казаки.

— На огонекъ погрѣться къ вамъ, сестрица...

Поздоровавшись, на лавку опустился крупный, дородный офицеръ, по чину, кажется, сотникъ. Загорѣлъ до черноты, изъ-подъ шапки выбивается неизмѣнный чубъ, а зубы блестятъ, словно полированные. Оглядѣлся по столу на разставленныя закуски и сласти, по дѣтски улыбнулся и снова перевелъ взглядъ на сестру.

— А что у васъ взять то можно?

— Да что угодно, то и берите... Отъ чая и до шоколада...

— Вотъ это—хорошо... Чай мы сейчасъ выпьемъ, а шоколадъ позвольте съ собой въ карманъ.

Придвинулъ къ себѣ дымившуюся кружку, засунулъ въ шинель плитку шоколада и сталъ закусывать. Санитаръ хотѣлъ было ему нарѣзать хлѣба, но онъ отнялъ краюшку и, продолжая разговаривать, кроилъ ломтики, будто у него въ рукахъ былъ не лежалый хлѣбъ, а сыръ или мягкая булка. Мой сосѣдъ, къ которому краюшка перешла отъ казака, попробовалъ было ему подражать, но сразу осѣкся.

— А у васъ, кажется, силенка есть,—замѣтилъ кто-то сотнику.

— Что вы... Откуда ей взяться... Такъ—обыкновенная...

И понемногу поддаваясь на разспросы, разсказалъ недавній случай, совсѣмъ просто и не столько съ удовольствіемъ, сколько съ чувствомъ досады, даже горечи.

— Трое насъ было въ разъѣздѣ: я да два казачка, а наскочили на шестерыхъ нѣмцевъ... И видимъ, что такъ складывается, что отъ нихъ не уйти. Либо выходи изъ перелѣска на открытую, либо тебя заберутъ голыми руками.

Перемѣнилъ чашку чая, отхлебнулъ и продолжалъ:

— Была не была... Скомандовалъ въ шашки. Погнались. Хотѣлъ перваго на полномъ ходу зарубить: ударилъ по каскѣ, она соскользнула, а когда взялъ обратно, на-отмашь, что бы голову отрубить, смотрю— а головы нѣтъ...

Сестра даже охнула:

— Что же, нѣмецъ вовсе безъ головы былъ?

— Само собой съ головой, а только я не замѣтилъ, какъ ее въ первый разъ отрубилъ... Дѣло то, впрочемъ, вовсе не въ этомъ... Казачки мои двухъ другихъ нѣмцевъ зарубили, а я за генераломъ погнался... Видный, дородный, совсѣмъ генералъ...

Офицеръ остановился, кончилъ вторую кружку и, закусивъ пастилой, вернулся къ разсказу...

— Генералъ отъ меня, а я за нимъ. Генералъ обернулся и стрѣляетъ, но я знаю, что назадъ на ходу все равно не попадешь... Ткнуть то его легко было: нагналъ бы, да и ткнулъ... Все же генералъ—хотѣлось живьемъ... И самому лестно и отъ начальства благодарность была бы... У него лошадь рѣзвая, а я своему коньку только бока наваливаю. Совсѣмъ нагналъ,— хочу обнять, а онъ головой крутитъ... Наконецъ захватилъ, отнялъ отъ него револьверъ и понеслись,

обнявшись. Онъ за повода держитъ, а я за него держу. Хочу пересадить къ себѣ—не снять, какъ прилипъ къ сѣдлу... Дай Богъ добраго здоровья казачкамъ,—задержали насъ... Тутъ я его пересадилъ къ себѣ на сѣдло и смотрю: генералъ онъ или не генералъ... Спрашиваю у казачковъ: —какъ вы думаете, братцы, генералъ это или не генералъ,—ничего понять не можемъ. Пробовали самаго нѣмца спрашивать, но онъ что-то неизвѣстное лопоталъ. Устроили совѣтъ и рѣшили, что вовсе онъ не генералъ.

— Что же вы съ нимъ сдѣлали...

— Бросать, конечно, его нельзя и убивать плѣнныхъ тоже не полагается. Попробовали ссадить,—посмотримъ, какъ побѣжитъ... Прикрутили и взяли рысью... Нѣмецъ за нами бѣжитъ ходко... Значитъ, не высокаго чина... Повели по начальству.

Сотникъ тяжело вздохнулъ, отмахнулся съ досады, словно бы отъ назойливой мухи и закончилъ:

— Оказался—не генералъ.

Потомъ будто что-то припомнилъ, повеселѣлъ и, желая оправдаться передъ слушателями, за то, что непростительно опростоволосился, принявъ простого нѣмца за генерала, улыбнулся:

— А лошадь у него все-таки хорошая, до сихъ поръ на ней ѣзжу...

Въ палатку вошелъ невзрачный казачекъ. Грудь голая, воротъ разорвался, поверхъ рубашки будто ничего, кромѣ макинтоша. Стоитъ, переминается, вытираетъ кончикъ носа, а у самаго отъ вида разставленныхъ на столѣ закусокъ глаза бѣгаютъ.

— Накормить его надо...—не то спрашиваетъ, не то рѣшаетъ сестра, а офицеръ по своему—по военному разсудилъ:

— А лошадь-то у тебя какъ, не кормлена...

Казачекъ молчитъ.

— Въ полѣ видѣлъ солдатъ, охраняютъ брошенное сѣно, такъ ты возьми его... Для лошадей.

Казакъ ни слова, только слушаетъ, а сотникъ продолжаетъ наставленіе:

— Они должны дать... Ну да ты возьми...

И будто не замѣчая, что казачекъ озябъ, да и самъ онъ едва началъ согрѣваться, офицеръ, тѣмъ же спокойнымъ и равнодушнымъ голосомъ, отдалъ послѣднее приказаніе, отпуская солдата:

— Можешь идти... Накормись, а переночуешь тамъ въ полѣ...

Казачекъ вышелъ, подкрѣпился въ сосѣдней палаткѣ, обсушился у огня и, взявъ про запасъ ломоть хлѣба, сѣлъ на коня и въ темное поле.

— Ты бы до свѣту обождалъ...—уговаривали санитары.

А онъ на нихъ словно на дурныхъ посмотрѣлъ и, стегнувъ корявую, шуструю лошаденку, будто насмѣхаясь, крикнулъ:

— Неизвѣстно чего до свѣтла будетъ, а мнѣ лошадь кормить надо...

Послѣ ночныхъ атакъ.

Длинныя полу-освѣщенныя фабричныя помѣщенія. Жирардовская мануфактура, гдѣ подъ прикрытіемъ интернаціональной фирмы процвѣтала нѣмецкая промышленность. Теперь эвакуаціонный пунктъ А. И. Гучкова. Сюда свозятъ раненыхъ съ Бзуры и Равки.

Они по безконечному коридору на койкахъ и носилкахъ. «Легкіе» — сидятъ за столами, ѣдятъ, пьютъ чай. Доктора и сестры заняты перевязками, а между

солдатами снуютъ барышни-польки въ бѣлыхъ платочкахъ. Онѣ кормятъ и ухаживаютъ за ранеными.

Подъ фабричными сводами чуть не вся Россія. Тутъ и кавказцы, и сибиряки, и солдатики изъ какой-нибудь Тульской или Ярославской губерніи, и казакъ, и хохолъ, и полякъ, и татаринъ.

Война всѣхъ сравняла.

Первый день Рождества.

Въ Сочельникъ, пропѣвъ псалмы, нѣмцы открыли наступленіе. Ихъ колонны шли на Гузовъ, Болимовъ и Сохачевъ, но онѣ отбрасывались, а тамъ, гдѣ дѣйствовали наши блиндированныя машины, оставались кучи труповъ. Въ другихъ мѣстахъ наши ходили въ атаку, но то же неудачно. Большія потери.

— Я въ секретѣ былъ,—радъ подѣлиться молодой солдатъ, раненый въ ногу.—Подошли близко, шаговъ на пятьсотъ, притаились, слышимъ—они въ окопахъ поютъ, пляшутъ, музыка у нихъ играетъ, крики какіе-то... Дали знать своимъ...

— А страшно ходить въ атаку,—интересуется докторъ:—не боялись?

— Чего бояться, за этимъ пришли...

— Во время атаки, только по шапкамъ своихъ отъ чужихъ разберешь. У нихъ «здравствуйте, прощайте», а у насъ «лохматые». Нѣмцы пробовали было въ наши переодѣваться, только плохимъ кончилось, въ атакѣ напоролись на своихъ же и другъ друга перекололи.

Хохолъ, няньчившійся со своей забинтованной рукой и однотонно покряхтывавшій, тоже ввязывается въ разговоръ.

— Штыкъ нѣмца не беретъ, у нихъ что-то твердое на груди наложено, его либо по головѣ, либо стрѣлять надо.

— Который руки поднимаетъ, бей его непремѣнно, потому у него всегда въ рукѣ пистолетъ... Не убьешь, онъ тебя первымъ положитъ.

И въ подтвержденіе своихъ словъ, хохолъ показываетъ на раненую руку.

— Я три раза въ атакѣ бывалъ, вся шинель въ дыркахъ, восемь человѣкъ убилъ, а какъ повѣрилъ, что сдается, онъ меня, барбосъ, пистолетомъ и ранилъ...

Напротивъ лежитъ кавказецъ. Онъ стонетъ и знаками подзываетъ доктора.

— Тебѣ что?

— Очень нездоровится, пить хочется... ноги мерзнутъ...

Кавказецъ раненъ навылетъ и горломъ идетъ кровь. Его вытащилъ изъ-подъ огня землякъ, тоже раненый.

— Когда подшибли меня, окопался и лежалъ до утра, пока не стихло. Потомъ поползъ и на своего наткнулся, вижу—поникъ и двинуться не можетъ. Навалилъ на себя и дотащился до халупы. Тутъ немного передохнули, но оставаться было боязно... Снаряды жарили, и опасались ранеными попасться въ плѣнъ. Просились на телѣзу, никто не бралъ и только утромъ полякъ подвезъ до города, спасибо ему. Четыре часа ѣхали, шибко трясло...

— А тебя, какъ ранило?—переходитъ къ другому докторъ.

— Ракетой меня...

— Какой ракетой?

— А когда нѣмцы въ атаку ходятъ, они ракеты пускаютъ, такъ меня ракетой освѣтили, а потомъ изъ пулемета ранили...

Въ глубинѣ палаты офицеры. У дверей совсѣмъ молоденькій поручикъ, слабый и блѣдный. У него

перешибли голени, спасъ денщикъ. Солдатъ и сейчасъ сидитъ у койки.

— Кажется, ко всему привыкъ,—говоритъ профессоръ Бурденко, дѣлающій по нѣсколько трепанацій въ день,—а когда принесли поручика, жаль стало... Славный такой, молодой, храбрый, а денщикъ, какъ баба, реветъ. Хотѣлось спасти, сдѣлалъ операцію... Если сердце выдержитъ,—выживетъ.

Старый капитанъ съ жаромъ доказываетъ доктору, что умышленныхъ раненій совершенно нѣтъ.

— Все это вздоръ, и обвиненіе солдатъ, будто выставляютъ руки, чтобы поскорѣй убраться изъ окоповъ, ни на чемъ не основано. Ни разу не замѣтилъ, чтобы солдаты выставляли руки. Да это и не легко сдѣлать: въ окопахъ сидятъ не въ одиночку, а всѣ рядомъ, и если одинъ станетъ выставлять, другой непремѣнно остановитъ...

Нѣмцы стрѣляютъ мѣтко. Стоитъ высунуться, просвиститъ пуля, и ранятъ чаще всего либо въ голову, либо въ руку.

Въ палатѣ съ офицерами раненый нѣмецъ, вольноопредѣляющійся, студентъ изъ Бреславля. У него только что ампутировали ногу. Проснулся и разговариваетъ съ англійскимъ корреспондентомъ.

— Ноги распухли отъ маршировки, по сорокъ верстъ въ день ходили... Я былъ раненъ въ атакѣ, послали двѣ роты и, кажется, никто назадъ не вернулся... Очень большая убыль въ офицерахъ. Когда были на французскомъ фронтѣ, за нашими офицерами спеціально охотились, подстрѣливали, какъ зайцевъ.

Англичанинъ спрашиваетъ, зачѣмъ нѣмцы третью недѣлю стоятъ на Бзурѣ.

— Мы спрашивали объ этомъ нашихъ офицеровъ, лейтенанты отвѣчали, что они не знаютъ, оберъ-лей-

тенанты—тоже, майоры—тоже, вѣроятно, знаетъ одинъ Гинденбургъ...

Нѣмецъ берется за голову, охаетъ:

— Ужасная война. Рождество, а мы надѣялись, что къ праздникамъ все кончится и вернемся домой... Сочельникъ я пролежалъ раненый въ полѣ.

Рядомъ съ нѣмцемъ на койкѣ умираетъ солдатъ. Свѣсилъ голову, смотритъ стеклянными глазами, лицо черное, скулы провалились, конвульсивно подергивается.

— Безнадежный...

Солдата покрываютъ и черезъ простыню видно, какъ рѣже и рѣже вздрагиваетъ тѣло.

Въ то время, какъ въ верхнихъ баракахъ Жирардовской фабрики умирали русскіе солдаты, въ подвалѣ сидѣлъ инженеръ Курмахеръ, рижскій нѣмецъ, начальникъ мѣстнаго пожарнаго депо, и двое добровольцевъ и передавали по радіо-телеграфу въ штабъ нѣмецкаго корпуса о передвиженіяхъ русскихъ войскъ. Ихъ всѣхъ поймали за аппаратомъ.

Въ штабѣ полка.

Низенькая, прижатая къ землѣ хата. У крыльца нѣсколько казаковъ, двѣ-три повозки. Кругомъ непролазная грязь.

Въ крохотной комнатѣ, добрую половину которой занимаетъ русская печка, у стола, за котелкомъ супа сидятъ трое офицеровъ и священникъ. Штабъ полка. Версты за четыре, на той сторонѣ Бзуры нѣмецкіе окопы.

Маленькая избушка вздрагиваетъ при каждомъ выстрѣлѣ, окно позвякиваетъ, но за пять мѣсяцевъ вой-

ны и къ шрапнели, и даже къ «чемоданамъ» такъ привыкли, что они уже не смущаютъ.

Около командира старшій офицеръ—черногорецъ. Онъ былъ нѣсколько разъ раненъ и контуженъ, но не покидалъ полка.

— Почему же вы въ госпиталь не пошли?

— Нельзя было... Полковникъ какъ разъ захворалъ, да и офицеровъ оставалось совсѣмъ мало. Было время, когда въ нашемъ полку состояло пять офицеровъ и триста сорокъ нижнихъ чиновъ.

Полкъ помнитъ первое наступленіе на Варшаву, лодзинскіе дни, и выдерживаетъ натискъ на Бзурѣ. Даже священникъ и тотъ обкурился порохомъ.

Въ углу на соломѣ сидитъ человѣкъ гигантскаго сложенія, съ краснымъ обвѣтреннымъ лицомъ. По виду трудно предположить, что пять мѣсяцевъ назадъ онъ во фракѣ, какъ присяжный повѣренный, выступалъ въ судѣ. Походная жизнь измѣнила.

— Война нашему брату на пользу идетъ,—смѣется прапорщикъ,—закаливаешься, становишься сильнѣе, подъ выстрѣлами около солдатъ забываешь всѣ городскія скверны, и кажется, что всю жизнь такъ проводилъ, никогда въ Москвѣ не былъ, и ни по какимъ уголовнымъ дѣламъ не выступалъ.

— Не хотите ли супу... Такого въ Варшавѣ не получите.

— А сладкое у насъ всегда послѣзавтра,—смѣется батюшка.

— Когда котелокъ опорожнимъ,—ухмыляется черногорецъ,—значитъ, все благополучно, а случается, что начнутъ курицу или гуся жарить, а тутъ приказъ наступать... Вмѣсто насъ другіе дожариваютъ. Случалось, что по три дня на однихъ порціонахъ сидѣли...

Разговоръ переходитъ на нѣмцевъ и офицеры вспоминаютъ, какъ имъ пришлось поплатиться за довѣрчивость при наступленіи на Кернози.

— Вышибали нѣмцевъ... Передъ нами на фольваркѣ остановился другой полкъ и управляющій нѣмецъ разсыпался въ любезностяхъ. Когда мы пришли, повторилось тоже самое. Нѣмецъ старался покорить гостепріимствомъ, предлагалъ устроить офицерамъ ночлегъ, угощалъ обѣдомъ и просилъ только объ одномъ одолженіи, чтобы солдаты не открывали сараевъ, въ которыхъ «сложены вещи помѣщика». Повѣрили,—сараи не открыли, а когда выступили дальше, въ тылу послышалась пальба... Оказалось, въ сараѣ сидѣли спрятанные нѣмецкіе солдаты и стояли пулеметы... Управляющій былъ изъ колонистовъ.

Колонисты не упускали случая, чтобы чѣмъ-нибудь не помочь «своимъ», понимая подъ своими, конечно, не насъ, русскихъ, или поляковъ, а подданныхъ императора Вильгельма. Они подготовляли ударъ въ спину, они шпіонили, вертѣли мельницы, срѣзывали телеграфы и прокладывали свои проволоки, хоронили въ погребахъ провіантъ для нѣмцевъ, прикрывали соломой бетонныя основанія для нѣмецкихъ тяжелыхъ орудій, прятали переодѣтыхъ заблудившихся нѣмцевъ, убивали нашихъ солдатъ ночью во время сна, и, повидимому, свято хранили присягу Вильгельму.

Въ перелѣскѣ логовище...

Издали какъ будто ничего незамѣтно, а подошли ближе, — полно людьми. Высокія сосны и ели хвойными разлапистыми вѣтвями укрыли землянки и спрятали солдатъ. Когда переступаешь по кочкамъ и отстраняешь колючія объятія, изъ-подъ земли, какъ изъ

муравейника, вылѣзаютъ солдаты. Въ сѣрыхъ папахахъ и коричневатыхъ шинеляхъ, они какъ-то сравнялись и со стволами деревьевъ и съ глинистыми насыпями и даже съ цвѣтомъ намокшей соломы. Они пришли сюда на смѣну, а наступитъ вечеръ снова пойдутъ на передовую линію и будутъ слышать, какъ нѣмцы перекликаются въ своихъ окопахъ, — будутъ ждать атаки.

— Вы гдѣ тамъ, поручикъ?—нагибается командиръ къ одной изъ землянокъ.

Никто не отзывается; поручикъ недавно вернулся отъ орудій и, растянувшись, спитъ въ своихъ золотистыхъ соломенныхъ хоромахъ.

Солдатики обстраиваются. Еще вчера землянокъ не было, а сегодня уже думаютъ завести хозяйство. И печку для котелка сложили, и настилки на днѣ землянокъ сдѣлали, и шинели развѣсили сушить надъ костромъ, а одинъ такъ даже карманное зеркальце въ своей норкѣ поставилъ.

Въ сторонкѣ за лѣскомъ наготовѣ батарея. Передъ ней то справа, то слѣва падаютъ нѣмецкіе снаряды, и огоньки отъ разрывовъ прорѣзываютъ густой молочный туманъ.

— Сегодня нѣмцы что-то зачастили...

— Вѣроятно, нашу батарею разыскиваютъ.

— Когда ничего не выходитъ и атаки не удаются, принимаются хаты жечь.

— Снарядовъ не жалѣютъ, запасы хорошіе...

Передъ Бзурой.

Старое, знакомое шоссе. Зимы нѣтъ и въ поминѣ. Святки простояли грязныя, дождливыя, а теперь выглянуло солнце и если запорошитъ снѣгъ—знаешь, что не надолго.

Шоссе оголилось. Толстыя ветлы и тополя, срубленные въ канавахъ, бабы расщепляютъ ихъ на подтопку, а мужики съ топорами идутъ дальше.

Подъ Блоней солдатскія могилы. За праздники ихъ обнесли бѣлыми столбиками, окружили проволокой, обсыпали зелеными вѣтками, а на кресты повѣсили вѣнки изъ елки съ разноцвѣтными, кумачевыми лентами. Новая святыня. Она объединяетъ русскаго и поляка и никто не пройдетъ мимо нея, не перекрестившись.

Стрѣляютъ лѣниво. Настоящаго боя нѣтъ, но орудія продолжаютъ переговариваться.

— Видите, эту группу деревьевъ на возвышеніи,— показываетъ артиллеристъ въ сторону непріятеля. Оттуда нѣмцы наблюдаютъ, и стоитъ появиться на дорогѣ, чтобы начали обстрѣливать.

Послѣднія двѣ версты къ Сохачеву обстрѣливаются ружейнымъ огнемъ. Проскочить на автомобилѣ немыслимо. Пули свистятъ и нельзя угадать ихъ направленіе. Беру въ сторону по проселку, а потомъ пѣшкомъ съ солдатикомъ, нагруженнымъ рождественскими подарками, пробираюсь къ артиллерійскимъ окопамъ.

Пользуясь перерывомъ у нѣмцевъ, наши тоже отдыхаютъ. У орудій два-три человѣка, а остальные внизу.

— Куда вы пропали... Вылѣзай, подарки привезли... будитъ артиллеристовъ мой спутникъ и принимается развязывать кульки.

На соломѣ, подъ низкимъ земляным сводомъ, поддерживаемымъ двумя бревнами, сидятъ и лежатъ солдаты. Смастерили въ стѣнѣ печь, зарыли полокъ, выдолбили отверстіе, поставили жестянку изъ-подъ консервовъ и зажгли въ ней сало. Всѣ удобства налицо: и освѣщеніе, и отопленіе, и постели изъ свѣжей, золотистой соломы. Второй день, какъ пришли на позиціи. Праздники были на отдыхѣ, пообчистились, привелись въ порядокъ и выглядятъ бодрыми и здоровыми.

Спрашиваютъ, какъ дѣла подъ Перемышлемъ, много ли забрали австрійцевъ, успѣшно ли воюютъ союзники—французы и англичане, и съ восхищеніемъ говорятъ о томъ, «какъ ловко досталось туркамъ».

Канониръ Василій Михайловъ воюетъ самъ-третій.

— Трое насъ на войнѣ, два брата и я... Мы архангельскіе, Шенгурскаго уѣзда... Вчера, слава Богу, письмо отъ своихъ получилъ. Дома жена съ дѣвочкой, да старуха мать остались... Имъ пенсія должна скоро выйти... Отписалъ, чтобы не сомнѣвались...

— Послали своимъ успокоеніе,—говоритъ сосѣдъ Михайлова, — въ нашей батареѣ всѣ живы... Съ начала войны, слава Богу, безъ убыли...

Солдаты разглядываютъ подарки кѣмъ-то заботливо сшитые розовые, кисейные мѣшочки, съ сушками и пряниками, читаютъ надпись на папиросахъ и примѣряютъ наушники.

— Папиросы-то петроградскія, тутъ такихъ нѣтъ... И за гостинцы спасибо... Не забываютъ насъ въ эту войну...

— Праздники на отдыхѣ стояли... Молебствіе было, дивизіонный священникъ пріѣзжалъ... Къ Новому году смѣнились.

Узнавъ, что я изъ Варшавы и выѣхалъ рано утромъ, хотятъ угощать супомъ. Вытаскиваютъ котелокъ и ставятъ его разогрѣвать.

— Когда боевъ нѣтъ, такъ по вечерамъ кухни подвозятъ, а бывало, по два дня безъ горячаго сидѣли... Не до того...

Съ Бзуры стрѣльба. Близко отвѣчаетъ наша батарея.

— Пойдемте дальше одѣлять, ваше благородіе, а то какъ бы нѣмецъ не помѣшалъ.

Обошли съ десятокъ землянокъ и когда приближались къ крайней, совсѣмъ оживился.

— Тутъ телефонисты живутъ. Это первое дѣло... Безъ нихъ армія шагу ступить не можетъ...

— Почему жъ ты ихъ такъ выхваливаешь?

— Какъ же не выхваливать. Я самъ телефонистъ...

И, собравъ остатки папиросъ и махорки, солдатъ полѣзъ одѣлять товарищей.

— Подъ Ловичомъ двое нашихъ погибло. Не то убило, не то въ плѣнъ попали... Они послѣдними отходили, проволоку свертывали, а какъ на мѣсто пришли, ихъ не досчитались... Не посчастливилось...

* * *

По дорогѣ шла пѣхота. Какъ горохъ разсыпались сѣрые люди и, сливаясь съ землей, съ деревьями, съ избами, даже съ небосклономъ не привѣтливымъ и хмурымъ—становились почти незамѣтными. Одни идутъ по полю, другіе облѣпили канавы, примостились на кучахъ щебня, на бугоркахъ—куда кто могъ.

Гдѣ солдаты, тамъ и жизнь. Не успѣли остановиться, смотришь уже вертится баба или картузъ какой-нибудь и сбываютъ дешевку, черствыя булки, завалящіе леденцы. Кругомъ хоть шаромъ покати—все разорено, ни жилья, ни пути, а все-таки нѣтъ-нѣтъ попадется то женщина съ ребенкомъ, то пугливо озираю-

щійся колонистъ. Солдаты все купятъ, въ полѣ и сухари и коробка спичекъ въ большой цѣнѣ, но шатающихся недолюбливаютъ.

— Высматриваютъ... Поди, различи его—колонистъ или нѣмецъ переодѣтый.

— Сегодня нѣмку поймали, казакомъ вырядилась, папаху напялила, волосы подъ нее подобрала, а спросили откуда—отвѣтить не можетъ...

Нѣмка шла со стороны Сохачева къ Варшавѣ и скрывалась передъ тѣмъ въ сохачевской лавченкѣ.

Къ штабу ведутъ плѣнныхъ, прозябшихъ въ легкихъ пальтишкахъ, въ штиблетахъ, по колѣна въ грязи—больше юнцы. Типичные нѣмецкіе школьники: подслѣповатые, краснощекіе. Смотрятъ съ удивленіемъ черезъ очки, натыкаются на своихъ и шарахаются въ сторону, какъ пугливый жеребенокъ. Къ такимъ наши солдаты относятся безъ уваженія, несмотря на то, что считаютъ нѣмцевъ за людей весьма основательныхъ.

— Его сбить трудно, крѣпко держится, а собьешь—гони далеко.

— Сегодня ночью совсѣмъ наскочили. Пошли версты за полторы отсюда въ имѣніе—вдругъ стрѣльба—нѣмцы за стѣнкой: мы по эту сторону, а они по другую. Сунулись не спросясь, и пришлось поворачивать. Воевать тоже съ толкомъ надо.

Мимо трусили казаки изъ разъѣзда.

— Восемь пулеметовъ подъ Гуминымъ взяли, тяжелое орудіе подшибли.

Нѣмцы не первую недѣлю пробуютъ перейти Бзуру. Высылаютъ разъѣзды, нащупываютъ, пускаютъ колонны. Иногда имъ удается переправиться, но дальше по эту сторону рѣки, они еще не укрѣпились. Подъ Гуминымъ было красивое дѣло. Ночная атака нѣмцевъ. Въ тылу у нихъ оставались какія-то пустыя халупы

и небольшой лѣсокъ. Когда нѣмцы вылѣзли изъ окоповъ и шли по полю, наши блиндированные автомобили открыли огонь по лѣсу, зажгли его, подпалили сараи. Забушевалъ огонь и нѣмецкія цѣпи освѣтились яркимъ заревомъ. Они шли въ темноту, но ихъ фигуры рѣзко выдѣлялись и наши пулеметы цѣлили какъ днемъ.

Извѣстіе о пулеметахъ, привезенное казаками въ окопы, заинтересовало. Саперы забыли лопаты, подняли головы, кое-кто закурилъ и даже кашевары, возившіеся гдѣ-то подъ укрытыми соломой навѣсами, и тѣ отошли отъ своихъ котелковъ и прислушивались.

— Самъ видѣлъ пулеметы?

— Нѣтъ, нѣмцы сказывали,—отшучивался казакъ, и, тронувъ поводьями, крикнулъ черезъ плечо:

— Не бось, кашей не накормишь... а мы третьи сутки съ коней не слѣзали.

Опять «заработали», сперва лѣниво и рѣдко, потомъ чаще и пронзительнѣе. Около окоповъ зарылся «чемоданъ», стороной разорвалась шрапнель.

Окопы притихли, солдаты прячутся подъ козырьки.

* * *

На томъ берегу Бзуры сидѣли нѣмцы. Что они говорили и какъ себя чувствовали? Пусть разскажутъ сами:

«5-го декабря [1]) (по старому стилю) двинулись черезъ Ловичъ по направленію на Скерневицы. Пока не слышно русской артиллеріи. Къ вечеру остановились въ деревнѣ.

6-го декабря. Входимъ въ лѣсъ, гдѣ находились позиціи. Русскіе стрѣляли очередями. Удивляюсь, что меня

[1]) Выдержки взяты изъ дневника плѣннаго и переданы мнѣ въ штабѣ корпуса.

не ранило. Когда мы отошли, то узнали, что многіе были ранены.

7-го декабря. Сегодня воскресенье. Стрѣльба страшная. Полчаса назадъ нѣсколько шрапнелей разорвались надъ нами. Одинъ убитъ и нѣсколько раненыхъ. Ужасно—еще не были въ бою, а уже столько потерь. Говорятъ, что къ вечеру три батальона должны продвинуться дальше и, перейдя черезъ мостики, атаковать. На себѣ только то, что нужно для штурма. Офицеры считаютъ, что предпринимать его безсмыслица. Штурмъ не состоялся, такъ какъ русскіе сильно стрѣляютъ, а это доказываетъ, что они занимаютъ свои позиціи, которыя, какъ мы видѣли, сильно укрѣплены. Вмѣсто штурма спокойно спимъ въ окопахъ.

8-го декабря. Огонь такой же, какъ и вчера. Наша артиллерія усиленно обстрѣливаетъ русскіе окопы.

9-го декабря. Смѣняемъ свою позицію, такъ какъ сильно пострадали. Окапываемся за штабомъ батальона. День приноситъ много новостей, большей частью непріятныхъ. Одна граната попала въ хату и разнесла весь штабъ 18-го пѣхотнаго полка. Потомъ получилось извѣстіе, якобы Италія объявила войну Австріи. Хорошъ подарокъ къ Рождеству! Настроеніе упало, такъ какъ никто не ожидалъ такого свинства со стороны Италіи. Русскіе по обыкновенію стрѣляютъ изъ своихъ окоповъ въ теченіе всей ночи.

10-го декабря. Ночью была большая перестрѣлка. Какъ я узналъ, ходилъ въ атаку 25-й резервный корпусъ. Намъ было приказано остаться на мѣстѣ, открыть огонь, такъ какъ русскіе укрѣпились на берегу Равки. Къ обѣду огонь затихаетъ: повидимому, изъ атаки ничего не вышло.

11-го декабря. Мой взводъ занимаетъ позицію девятой роты и я немедленно приказываю вырыть ходы

сообщенія. Ночью впервые видѣлъ ручныя гранаты. Ихъ разрывъ сильнѣе тяжелой гранаты.

15-го декабря. Уже въ четыре часа утра долженъ былъ пойти въ окопы.

16-го декабря. Къ вечеру должна была прійти смѣна, но изъ этого ничего не вышло. Она такъ и не пришла. Потомъ я слышалъ, что насъ предполагалось двинуть на сѣверъ.

17-го декабря. Въ четыре часа утра насъ смѣнила рота 25-го резервнаго корпуса. Мы двинулись черезъ Боровины въ Вулька—Ласецка. Въ Вулькѣ—Ласецкой насъ представили корпусному командиру генералу фонъ-Моргену. Онъ вызвалъ самыхъ отличившихся солдатъ къ себѣ и благодарилъ ихъ. Онъ намъ всѣмъ сказалъ прочувствованную рѣчь. Эта любезность показалась намъ подозрительною, навѣрно ожидаютъ тяжелые дни. Такъ и вышло. Намъ было приказано штурмовать русскія позиціи. Мы пошли на квартиры, гдѣ стояла уже наша артиллерія. Что-то ужасное. Цѣлый корпусъ въ маленькой деревнѣ.

18-го декабря. Идемъ на Болимовъ, а затѣмъ черезъ Равку. Страшный туманъ и болотистая мѣстность. Наконецъ подошли къ возвышенности, которая была занята артиллеріей. Вблизи нея окопались. Сосѣдство артиллеріи непріятно. Насъ немедленно стали обстрѣливать тяжелой артиллеріей.

19-го декабря. Въ два часа ночи меня позвали къ лейтенанту Вернеке, гдѣ обсуждали предстоящую атаку 61-го пѣхотнаго полка. Мы должны были поддерживать, находясь въ резервѣ. Опять ни чорта не вышло. Сегодня чудный день. Русская артиллерія насъ не безпокоила, несмотря на то, что наша усиленно стрѣляла.

20-го декабря. Сегодня должны были продвинуться впередъ. По дорогѣ остановились, такъ какъ были

сильно обстрѣляны русской артиллеріей. Потомъ пошли на возвышенность. Насъ обстрѣляли тяжелой артиллеріей. На скатѣ мы окопались. Наша артиллерія открыла страшный огонь, но, повидимому, безрезультатно, такъ какъ огонь русскихъ не слабѣлъ. Теперь лежимъ въ полной готовности,—ожидается русская атака.

21-го декабря. Стояли въ окопахъ очень тѣсно. Началась настоящая музыка ада. Артиллерія, пулеметы—все стрѣляло вперемежку. Повидимому, нашъ огонь не причинилъ русскимъ вреда, такъ какъ штурмъ не состоялся.

22 декабря. Во что бы то ни стало должны были взять Могелы. Впередъ высланъ 61-й резервный полкъ и нѣкоторыя роты 21-го полка. Ужасныя потери. Нашу роту потребовали впередъ и мы должны были всю ночь находиться въ охраненіи. Русскіе обстрѣливали насъ тяжелой артиллеріей».

Дневникъ прерывается. Могелъ «во что бы то ни стало» нѣмцы не взяли. Снова, выражаясь словами лейтенанта, «ни чорта не вышло». Такое настроеніе было въ нѣмецкомъ лагерѣ на Бзурѣ.

* * *

«Весь вопросъ въ томъ, кого дольше хватитъ»,—говорятъ плѣнные...

Противникъ не жалѣетъ своихъ солдатъ и, собирая ихъ то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ въ кулакъ для удара, является во всеоружіи техники. Противъ двухъ нашихъ полковъ, они выставили сорокъ восемь пулеметовъ. Подъ градомъ пуль шли солдаты, надъ ихъ головами плелась стальная паутина, подъ ноги сыпало, какъ горохомъ. Многаго стоило не поколебаться, и если къ ночи назначенныя позиціи все-таки были

нами заняты, то произошло это потому, что противъ сорока восьми нѣмецкихъ пулеметовъ шли русскіе солдаты.

Во время ночной атаки подъ Праснышемъ, руководившій блиндированнымъ автомобилемъ поручикъ сказалъ солдатамъ, что взорветъ машину и, приготовивъ сумку съ пироксилиномъ, предложилъ желающимъ уйти, Солдаты, не колеблясь, отвѣчали:

— Если взорваться, ваше благородіе, такъ ужъ всѣмъ.

И духомъ такимъ полны всѣ, начиная отъ солдата и до командира. Когда во время сраженія генералу Лопухину доложили, что убитъ его сынъ, онъ пошелъ взглянуть на трупъ того, кто единственнымъ счастьемъ оставался у него въ жизни. А потомъ, перекрестившись, вернулся въ комнату и продолжалъ отдавать приказанія.

Лопухинъ—не единственный. Случай свелъ меня съ генераломъ Баланинымъ.

Когда я впервые видѣлъ его подъ Люблинымъ, онъ шутя говорилъ: «Воюю на три фронта, самъ дивизіей командую противъ австрійцевъ, сынъ въ Семеновскомъ полку, а жена госпиталемъ завѣдуетъ.

Бодрость и присутствіе духа никогда не покидали генерала. Не допускалъ мрачныхъ предположеній и если замѣчалъ въ подчиненныхъ уныніе, старался вдохнуть увѣренность и достигалъ своего.

Когда генералъ былъ въ наступленіи со своимъ корпусомъ, его извѣстили, что убитъ сынъ. Онъ былъ тоже единственный,—что онъ думалъ оставить послѣ себя, какъ живой слѣдъ съ частицей своей души и мысли,—и человѣка могло охватить горе.

Я видѣлъ отца и сына вмѣстѣ въ Варшавѣ. Они были друзьями, братьями.

Но на войнѣ, отдѣльные люди не главное. Прежде всего общее дѣло и общая цѣль. И командиръ корпуса, призванный побѣждать врага, долженъ былъ побѣдить въ себѣ человѣка. Послѣ телеграммы Баланинъ еще пять дней не сдавалъ команды, а потомъ, когда войска перешли къ оборонѣ, уѣхалъ только для того, чтобы похоронить сына.

Наканунѣ я прочелъ, что Баланинъ получилъ награду и при встрѣчѣ хотѣлъ поздравить, но вижу генералъ не тотъ, какъ то осунулся и нѣтъ прежняго огня въ глазахъ.

— Какими судьбами, ваше превосходительство?

— Сына убило...

И стряхнувъ несговорчивую слезу, сразу заговорилъ о другомъ, о дѣлѣ, и только при прощаніи вспомнилъ:

— Каждый день убиваютъ много... а все-таки сына тяжело...

Молодой Баланинъ былъ въ отца. Такой же пылкій, живой, разсудительный, также свято исполнявшій свой долгъ. Онъ вѣрилъ въ судьбу и счастье. Помню, разсказывалъ мнѣ, какъ случай однажды спасъ его. Неловкость какую-то почувствовалъ въ ремнѣ,—сумка плохо лежала на боку и машинально передвинулъ ее на животъ; а черезъ минуту пуля прямо въ сумку угодила, пробила три перегородки и въ записной книжкѣ застряла. Не переверни, уложила бы на мѣстѣ.

Тогда вѣрно не пришелъ еще его часъ.

И Лопухины отецъ съ сыномъ, павшіе на полѣ брани, и Баланинъ, и солдаты, которые хотѣли вмѣстѣ съ офицеромъ взрываться на блиндированномъ автомобилѣ— всѣ они только маленькія колесики въ большой машинѣ, а машина эта—русская армія и вся Россія, и маленькія колесики вертѣлись для того, чтобы Россія побѣдила.

Вернувшись въ корпусъ, Баланинъ издалъ приказъ:

«Доблестныя войска армейскаго корпуса!

«Отлучившись съ фронта во время затишья боевъ на нѣсколько дней, чтобы похоронить моего единственнаго сына, павшаго геройскою смертью на полѣ брани, за счастье и честь родной земли и сѣдую славу нашихъ знаменъ,—я сегодня вернулся въ наши сплоченные ряды, чтобы съ еще большими рвеніемъ и энергіей продолжать свою службу до послѣдней капли крови для торжества нашего святого, праваго дѣла.

«Много жертвъ приноситъ русскій народъ и наши доблестныя войска, но эти великія жертвы не напрасны и Господь поможетъ на костяхъ нашихъ воиновъ, павшихъ за Вѣру, Царя и Отечество, создать будущее благополучіе нашей великой родины...»

Сильные духомъ—они учатъ насъ, несутъ намъ новую жизнь.

Противъ ста нѣмецкихъ батарей.

Когда я вошелъ въ просторную комнату съ низенькимъ потолкомъ, у командира сидѣли два священника. Съ утра не слышно пальбы и они зашли навѣстить генерала Захарова, второй мѣсяцъ отражавшаго атаки на передовомъ пунктѣ подъ Гуминымъ.

Пожилой человѣкъ въ кожаной курткѣ безъ всякихъ знаковъ отличія, съ глубокими впавшими отъ усталости, но просвѣтленными глазами, нервно, образно разсказывалъ о пережитыхъ дняхъ.

— Когда пришли сюда, сказалъ солдатамъ: забудьте все, что осталось позади насъ и помните только о Богѣ. И я за нихъ спокоенъ. Бывали дни, когда стономъ стонала земля, когда рѣкой лился огонь и снарядами нѣмцы плели за нами сплошную завѣсу... Но сол-

даты не дрогнули и ни одинъ окопъ нашъ до сихъ поръ не занятъ непріятелемъ. Зато видѣли бы какъ молятся, когда хоронятъ своихъ. Тамъ у васъ въ городахъ, въ большихъ храмахъ такъ не умѣютъ молиться... Развѣ наши матери и жены...

— Живемъ все время въ повышенномъ настроеніи. Днемъ на чеку, а ночью тоже не приходится спать— каждую минуту могутъ атаковать. Когда спрашиваешь плѣнныхъ, зачѣмъ нѣмцы ходятъ въ атаку, они откровенно сознаются:—«Шли на вѣрную смерть; посылаютъ, не намъ разсуждать».

Пока говорили, началось.

Тяжелый снарядъ разорвался передъ лѣсомъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ низенькой, прижатой къ землѣ, халупы. Первое жилье за линіей окоповъ. Въ горницѣ, гдѣ офицеры обѣдали, за узкимъ деревяннымъ столомъ, на жестяныхъ тарелкахъ, задрожало стекло и застучала рама.

Второй... третій... и пошло. Перекатами понеслась канонада. Она то разсыпалась мелкой дробью, то нѣсколько молотовъ било разомъ, будто въ одну точку. Перехватывая черезъ лѣсъ, снаряды рвались надъ нашими окопами.

Пальба не прекращалась и скоро нельзя было уловить отдѣльныхъ выстрѣловъ. Кругомъ гудѣло и стонало и не было ни земли, ни неба и все потерялось передъ глазами за нечеловѣческими раскатами. Чувствовалось только, что бьютъ орудія разной силы.

Откуда-то изъ земли на черномъ фонѣ лѣса вырвалось яркое пламя, оно скользнуло по бѣлому снѣгу и, словно обиженныя за то, что ихъ потревожили, наши тяжелыя пушки изрѣдка стали отвѣчать.

Обѣдъ забытъ. Начальникъ штаба, взявшійся было за вилку, первымъ ушелъ къ аппарату. Съ донесеніемъ

явился ординарецъ и генералъ Захаровъ, оставивъ начатую тарелку супа, вышелъ изъ избы.

— Третью ночь оба не спятъ, ложатся часовъ въ шесть утра, а въ восемь уже на ногахъ.

Бой разгорался.

Пройдя съ полверсты впередъ, я сталъ наблюдать.

Налѣво бѣглымъ огнемъ работали наши батареи. Нѣмцы гудѣли и напрягали всѣ силы.

По дорогѣ къ лѣсу пронеслись три казака. Посланы съ приказомъ. Мгновеніе и они исчезли, стали совсѣмъ незамѣтными.

Къ батареѣ подкатывали зарядные ящики.

Къ гулу и грохоту орудій примѣшалась трескотня пулеметовъ. Они отщелкивали мелкой дробью и покрывались ружейными залпами.

«Нѣмцы пошли въ атаку...—передавалъ телефонистъ.—Движутся густыми колоннами, численностью въ нѣсколько полковъ».

Съ той стороны, шелъ раненый, хромая, придерживая обѣими руками свою прострѣленную ногу. Черезъ поле на носилкахъ несли другого.

Опять телефонъ: «нѣмцы обстрѣливаютъ съ фланга, засыпаютъ окопы. Трудно держаться».

— Бончъ-Богдановскій высидитъ,—говоритъ про полкового командира генералъ Захаровъ.

— Резервы. Далеко растянулись.

Молодыя и старыя, сосредоточенныя, веселыя, безразличныя и хмурыя, всѣ лица сливаются, мелькаютъ и уходятъ. Передаютъ письма, сбиваются, схватываютъ на-лету папиросы, догоняютъ своихъ. Нѣкоторые катятъ пулеметы и они кажутся совсѣмъ игрушками. Запасливые съ краюхой хлѣба. Большинство съ лопатами.

За первымъ потянулся изъ резерва другой полкъ. У знамени рослые солдаты.

Скоро и онъ исчезъ.

Темнѣло.

Изъ-за лѣса вышло желтое солнце и, прежде чѣмъ опуститься, остановилось яркимъ кругомъ.

* * *

Это было восемьнадцатаго января. У насъ знали, что нѣмцы подготовляютъ большую атаку, только размѣры ея превзошли ожиданія. По показаніямъ плѣнныхъ, непріятель стянулъ на фронтѣ Болимовъ — Гуминъ около ста батарей.

Подготовка началась съ утра, а въ одиннадцать повели атаку. Шли въ пять линій, сомкнутыми, густыми колоннами. Подъ нашимъ огнемъ первые ряды падали, колонна снова смыкалась и нѣмцы безостановочно двигались впередъ.

Передъ разрушенными брустверами выросли изъ труповъ свѣжіе.

Такъ длилось до часу дня.

Потомъ хлынули новыя подкрѣпленія и завязалась штыковая работа. Нѣмецкія колонны заколыхались и въ паникѣ кинулись назадъ. Въ тылу у непріятеля щелкнулъ пулеметъ. Снова собрались нѣмцы и колонны ихъ врывались то на фронтѣ, то слѣва, то облегали правый флангъ.

Къ намъ подошло подкрѣпленіе и солдаты безъ выстрѣла бросились въ штыки.

«Дивизіей смерти» называли нѣмцы сражавшихся подъ Гуминымъ.

Однѣ части являлись на мѣсто другихъ.

— Мы смѣняемъ мертвыхъ,—говорили нѣмцы...

— Когда я шелъ въ атаку,—разсказывалъ рослый баварецъ,—я видѣлъ передъ русскими окопами брустверa и не понималъ, изъ чего они сложены... Меня ранили, я повалился, сталъ ползти и тутъ разглядѣлъ, что на брустверахъ замерзшіе, обвалявшіеся въ землѣ, трупы...

Между окопами нѣсколько сотъ шаговъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ихъ линіи подходятъ меньше чѣмъ на сто метровъ. Труповъ подбирать нельзя. Они лежатъ недѣлями, замерзаютъ и, если ихъ подтаскиваютъ ближе къ окопамъ, ростутъ бруствера.

Близилась ночь, надъ лѣсомъ, въ сторонѣ Гумина, взлетѣли первыя ракеты. Яркій бѣлый шаръ, высоко поднявшійся, медленно таялъ и оставленный имъ млечный слѣдъ не успѣлъ исчезнуть, какъ взвилась новая ракета, а за ней сразу нѣколько серебристыхъ и красныхъ. Онѣ проносились съ одного края лѣса на другой, освѣщали черныя макушки деревьевъ и бросали огненные снопы на дорогу.

А по низамъ, ослѣпительными полосами гуляли лучи прожекторовъ. Изъ мрака выступали силуэты обозовъ, показывался всадникъ, мелькали фигуры раненыхъ.

Застрекотали ружья. Я три часа сидѣлъ подъ открытымъ небомъ и ружейные залпы ни на минуту не прекращались. Они выбивали частую мелкую дробь. Солдаты по-своему называютъ ружейную перестрѣлку;

«Полощутся»...

Послышалась команда.

«Прицѣлъ сто пятьдесятъ»...

Томительная минута:

«Батарея—огонь».

Четыре красныхъ пламени выбрасываютъ орудія и тяжелые снаряды, забирая кверху, полетѣли къ нѣмцамъ.

Фейерверкъ продолжался.

* * *

Промозглое утро.

Мокрыми хлопьями идетъ снѣгъ. На едва забѣлѣвшихъ поляхъ черновато-желтыя прогалины.

Съ разсвѣтомъ неожиданно стали подползать и подходить солдаты. Показалось страннымъ. Впереди никого кромѣ нѣмцевъ и непохороненныхъ труповъ, а вдругъ идутъ свои, неизвѣстно откуда.

Солдаты шатались, блѣдные, съ воспаленными глазами, слабые, плохо держались на ногахъ.

— Откуда?

— Изъ окоповъ... Вѣрно послѣ боя уснули... Очнулись къ утру... Голова тяжелая, все тѣло ломитъ...

Солдаты ползли сначала поодиночкѣ, потомъ ихъ накопился длинный хвостъ—человѣкъ триста. Пошли осматривать недавнее мѣсто боя. Оно на виду у непріятеля и пришлось пробираться съ большой опаской. Стали разбирать трупы и замѣтили, что многіе вовсе безъ ранъ. Прислушались къ сердцу, потрогали пульсъ—какъ будто живые. Нѣкоторые тутъ же очнулись и противъ вчерашняго потери выходили далеко не такими большими.

Солдаты, которыхъ считали погибшими, пролежали всю ночь на землѣ, рядомъ съ трупами, одурманенные удушливыми газами.

Раньше объ этомъ не приходилось слышать. Сидѣнье на Бзурѣ, очевидно, вдохновило нѣмцевъ на новые подвиги, подсказало новые гнусные способы войны и они стали посылать противнику снаряды съ отравляющими газами.

Раненые. Ихъ много, они озябли, съ блѣдными, запекшимися губами, съ воспаленными зрачками, совсѣмъ не тѣ, что проходили вечеромъ—на поддержку.

Сносятъ убитыхъ—кого можно было подобрать. У одного развороченъ черепъ и изъ свѣсившейся головы капаютъ на землю алые сгустки.

Въ сторонѣ роютъ могилы. Ихъ много выросло за гуминскіе бои. Передъ тѣмъ, какъ опускать въ землю, снимаютъ сапоги; священникъ записываетъ имена.

Они сражались противъ «дивизіи смерти», отбивали атаки, сидѣли въ окопахъ подъ свинцовымъ дождемъ. Сидѣли, пока рука заряжала ружье.

Такъ было подъ Гуминымъ.

Прасныш.

Съ наступающими.

По дорогѣ къ Пултуску вели плѣнныхъ нѣмцевъ. Впереди шествовалъ низенькій, толстенькій саперъ, съ добродушнымъ, обрюзгшимъ лицомъ провинціальнаго колбасника. Въ его походкѣ и въ пріятныхъ взглядахъ, которыми онъ дарилъ встрѣчныхъ, чувствовалось удовлетвореніе.

— Все меня подгонялъ подальше отъ выстрѣловъ,—говоритъ конвоирующій казакъ.

За саперомъ брели другіе нѣмцы въ каскахъ, покрытыхъ чехлами.

Изъ Пултуска къ позиціямъ везли орудія и плѣнные съ интересомъ озирались на русскія пушки. Война осталась позади нихъ и доносились только отдаленные выстрѣлы.

Еще утромъ, за деревней Щуки, въ сторонѣ отъ праснышскаго шоссе, были наши окопы. За ночь подошло подкрѣпленіе и къ полудню окопы опустѣли. За ними у своихъ хатъ крестьяне; подъ навѣсами и у частоколовъ обозные и санитары. Всѣ столпились и слѣдятъ за боемъ.

Солнце грѣетъ по-лѣтнему, въ небѣ ни облачка и если бы не перерѣзывающія мѣстность низины, можно было бы глядѣть далеко, за нѣсколько верстъ. Солдатики изъ тыловыхъ примостились на высокомъ стогу

и, передавая одинъ другому бинокль, пристально вглядываются.

Наступленіе. Оно во всемъ. Въ лицахъ обозныхъ и артиллерійской прислуги, въ словахъ крестьянъ, въ разсказахъ возвращающихся раненыхъ, оно передается канонадой и непрерывной трескотней.

— Вчера тутъ стояли наши войска, а тамъ, за кустарникомъ, верстахъ въ двухъ, были нѣмцы...

— Ихъ тяжелую артиллерію заставили замолчать — и, какъ бы продолжая ту же мысль, раненый продолжаетъ:—и хитрости не помогли... Передъ наступленіемъ только мы поднялись, видимъ за деревомъ стоятъ конные. Стали приглядываться: не то въ папахахъ, не то каски чѣмъ-то обмотаны. Только хотѣли залпъ дать, а они на утекъ, и сразу послѣ этого нѣмецкія орудія заработали...

Бѣлымъ облакомъ разрывавшихся снарядовъ заволакивались верхушки лѣса. Видно было, какъ рвалась наша шрапнель, но мгновеніями орудійные выстрѣлы тонули и пропадали за ружейной стрекотней.

Нѣмцевъ сбили съ позицій и, обходя справа на Праснышъ, гнали къ сѣверу. Надъ наступавшими рѣялъ нѣмецкій аэропланъ.

— Высматриваетъ батареи...

* * *

Дорога на Праснышъ была тяжелой. Мосты взорваны и на ихъ мѣстѣ спуски, напоминающіе американскія горы.

Ѣхать въ объѣздъ на Цѣхановъ далеко, дни короткіе и приходится изобрѣтать, какъ бы переправиться. Выручаютъ саперы. Приносятъ доски и жерди, укладываютъ ихъ на солому; на колеса надѣваемъ

цѣпи, автомобиль дѣлаетъ разгонъ, спускается по вязкому откосу и взлетаетъ на гору.

Вторая переправа еще опаснѣе. Сквозь рѣдкія доски пробивается вода, подпоры шатаются и уклонъ такой, что, кажется, машинѣ не сдобровать. Но Праснышъ въ нѣсколькихъ верстахъ и вернуться ни съ чѣмъ досадно и стыдно. Да и отступленіе отрѣзано. Либо рискуй и взбирайся на вторую гору, либо преодолѣвай вторично уже взятое препятствіе. Саперы становятся по откосу, чтобы въ случаѣ чего задержать машину и автомобиль куда-то ныряетъ и дѣлаетъ нѣчто въ родѣ мертвой петли.

Черезъ полчаса Праснышъ, грязный и облупившійся.

На площади солдаты и обозы. У ратуши груды сваленныхъ нѣмецкихъ ружей, касокъ и ранцевъ. Лавки съ пустыми окнами и распахнутыми дверями. Товару никакого, развѣ ненужныя лампы и битая посуда.

Бернардинскій монастырь, съ тонкими башнями, въ развалинахъ. Груды кирпича, мусоръ, обрушившіяся стѣны, изъѣденныя шрапнелью и пробитыя бризантными снарядами. Ни одного уцѣлѣвшаго дома, только въ глубинѣ костелъ съ сорванной крышей.

Передъ престоломъ на колѣняхъ согбенныя фигуры.

Подошла женщина, несмѣлая и испуганная, только глаза ея свѣтились изъ-подъ надвинутой шали. Жена органиста.

— Мы сидѣли въ пивницѣ три дня. Все «знищено».

Противъ костела сохранился маленькій бѣлый деревянный домикъ въ два окошка.

— Въ этомъ домикѣ,—разсказываетъ офицеръ,—я два дня сидѣлъ съ товарищемъ, сюда мы укрывались съ поля, отдыхали, отсюда наблюдали бой.

Вмѣстѣ съ поручикомъ провожаетъ доброволецъ, совсѣмъ мальчикъ, довольный и радостный, что онъ носитъ солдатскую куртку и высокіе сапоги. Съ видомъ знатока объясняетъ, какъ и откуда шли нѣмцы и какъ наши отбивали ихъ атаки. Первымъ шагаетъ по болоту, зачерпываетъ сапогами воду и съ восторгомъ вспоминаетъ плѣнныхъ нѣмцевъ.

— Что корреспонденціи у нихъ отобралъ—уйма. Одинъ взмолился, сталъ просить, чтобы вернулъ его письма, просмотрѣлъ, вижу письма отъ невѣсты; конечно, вернулъ.

Офицеры и солдаты называютъ добровольца Леонидомъ Александровичемъ.

— Какъ нашъ Левонидъ Александрычъ на развѣдки ходитъ—первый сортъ. Маленькій, съ конемъ срастется и съ карабиномъ въ лѣсу нѣмцевъ подкарауливаетъ.

На тѣхъ мѣстахъ, гдѣ непріятель стягивалъ свое кольцо, остались его могилы. Кругомъ—болото, глубокія канавы, наполненныя водой, вязкая, просачивающаяся глина, кочки и бугры. Вмѣсто окоповъ нѣмцы сидѣли въ канавахъ, въ водѣ и оттуда отстрѣливались. По краямъ множество гильзъ, патронныхъ коробокъ, а на землѣ видны даже слѣды вдавившихся въ глину ружей. За канавами кресты и могилы, маленькія и большія, усѣянныя касками, мѣховыми ранцами, деревянными колышками, котелками. А между кочекъ красная вода, устоявшаяся, не просочившаяся кровь.

Шли въ атаку. Сперва подползали, каждый солдатъ рылъ себѣ мелкій окопъ, вскакивалъ, шелъ дальше. Слѣды атакъ живы въ полѣ. Окопы сходятся, шаговъ на сто, на двѣсти—не больше. Сидѣли почти рядомъ.

— Только что похоронили,—говорятъ саперы,—лежали тутъ съ тѣхъ поръ, какъ мы еще въ тотъ разъ

Праснышъ занимали. За семь дней нѣмцы не успѣли всѣхъ своихъ похоронить...

Рядомъ три креста. Все братскія могилы.

По ночамъ во время боя, когда полкъ былъ отрѣзанъ отъ своихъ, Леонидъ Александровичъ сносилъ раненыхъ въ госпиталь. Самъ его и устроилъ.

— Легкихъ не подбирали, некогда было, только тяжелыхъ. Сколько страданій. Не забуду раненаго въ голову. Не давалъ перевязать, а мозгъ наружу вышелъ. Пѣлъ пѣсни, веселыя, разгульныя... Походитъ, походитъ, возьмется рукой за мозгъ и оборветъ кусокъ. А ночью тихо померъ.

Познакомились съ Леонидомъ Александровичемъ у полкового командира, отвоевавшаго Праснышъ. Обогрѣвались, пили чай.

— Вашъ сынъ?

— Допустимъ, что сынъ,—и улыбнулся.

А когда уходили, сознался:

— Жена... Переодѣлась солдатомъ, не хотѣла въ Сибири оставаться... Весь походъ вмѣстѣ продѣлала.

* * *

Праснышъ нѣсколько разъ переходилъ изъ рукъ въ руки. Бои подъ Праснышемъ — бои за обладаніе переправой черезъ Наревъ. Ведя свои бѣшеныя атаки, нѣмцы стремились обойти правый флангъ варшавской арміи и отрѣзать тѣхъ, кто дѣйствовалъ подъ Млавой и Цѣхановымъ. Ихъ отбрасывали отъ Праснышa, они отступали, затѣмъ снова собирались съ силами и снова шли на этотъ городъ, устилая поля трупами. Не было мѣста въ городѣ, куда бы ни хватилъ «чемоданъ». Днями казалось, что льется сплошная лава огня и металла. Рушились дома, осыпались

крыши, земля съ камнями вздымалась на воздухъ, клубы желтаго, густого дыма вставали стѣной.

Кольцо вокругъ Прасныша стягивалось. Ночью нѣмцы приближали свои окопы, удлиняли ихъ вправо и влѣво, прикрываясь пулеметами, подкрадывались, но наши сбивали ихъ штыками.

Двадцать второго ноября всякое сообщеніе съ Праснышемъ было прекращено. Кто пробовалъ прорваться подъ обстрѣломъ непріятеля, возвращался либо раненымъ, либо оглушеннымъ. Казаки, которыхъ посылали съ донесеніемъ, оставляли лошадей въ деревнѣ Добржанковѣ, раздѣвались чуть не до рубашки и ползли къ Праснышу по канавѣ.

Наши и нѣмецкіе окопы сошлись такъ близко, что были слышны разговоры, и по шуму и перекличкѣ узнавали, когда нѣмцы поднимались въ атаку.

Двадцать третьяго ноября атаки шли непрерывно въ теченіе трехъ съ половиной часовъ. Нѣмцы кидались къ городу. Скашивали передніе ряды, задніе отбѣгали, а черезъ нѣсколько минутъ атака возобновлялась. Сходились на триста, на двѣсти, даже на сто шаговъ, но на штыковой ударъ у нѣмцевъ не хватало духу. Они ходили страннымъ строемъ, поражавшимъ нашихъ солдатъ,—густыми цѣпями, плечо къ плечу, съ заунывнымъ пѣніемъ, одурманенные, пьяные.

За одинъ день было восемнадцать атакъ.

Плѣнные говорили, что въ первой ротѣ пятаго гренадерскаго полка изъ трехсотъ шестидесяти человѣкъ осталось въ строю всего двѣнадцать.

Праснышъ былъ почти окруженъ. Оставался проходъ въ какихъ-нибудь восемьсотъ шаговъ. Къ нѣмцамъ подходили новыя подкрѣпленія. Солдаты просились въ штыковой бой, но рѣшено было почему-то

временно отойти. Полку, защищавшему Праснышъ, перестали подсылать патроны, и волей-неволей съ большими потерями онъ отступилъ.

Когда черезъ двѣ недѣли Праснышъ былъ снова занятъ нами и у плѣнныхъ нѣмцевъ спрашивали, почему не преслѣдовали насъ при отступленіи, они признавались:

— Были счастливы, что вы ушли. Мы не успѣвали подбирать убитыхъ и раненыхъ и выбивались изъ силъ.

* * *

Изъ Праснышa поѣхали черезъ Цѣхановъ. Набравшая грязи машина капризничала. Глушитель не работалъ, вода закипала, фонари тухли, каждую минуту подбрасывало и за сплошной жидкой грязью нельзя было разсмотрѣть ухабовъ.

Шоффeръ усталъ, выбивался изъ силъ, приходилось ползти чуть не шагомъ, не зная дороги, во тьмѣ.

Навстрѣчу обозы. Лошади бросаются.

— Стой!

Испугавшаяся фонаря лошадь метнулась, попятилась и куда-то исчезла. Не стало ни лошади, ни повозки, ни солдата.

Оказалось, въѣхали на мостъ безъ перилъ.

Кинулись спасать, но человѣкъ, по счастью, уже вылѣзалъ самъ. Съ лошадью пришлось труднѣе, но, когда пустили моторъ и онъ загудѣлъ, лошадь вытащила повозку на берегъ.

Поѣхали дальше. У второго взорваннаго моста длинная очередь. Везутъ въ Варшаву сахаръ. Кричатъ, спорятъ. Никто ничего не понимаетъ. Перегруженыя подводы завязаютъ въ грязи, щелкаютъ бичи. Кто-то догадывается перепрячь лошадей.

Каждую подводу берутъ на шестерку. Часа черезъ полтора открывается дорога и для автомобиля. Новое препятствіе оказывается для него роковымъ. Взявъ объѣздъ, шоффферъ заявляетъ, что машина дальше ѣхать не можетъ. Ось погнулась и клубы горячаго пара даютъ серьезное предостереженіе. Героическими усиліями уговориваемъ одного изъ возницъ уступить лошадей. Вальки привязываемъ цѣпями къ перекладинамъ, мальчишка садится передъ стекломъ верхомъ на машину, похлестываетъ кнутомъ, шоффферъ правитъ рулемъ и траги-комическая процессія направляется въ темнотѣ къ Пултуску.

Девятнадцать верстъ тащились четыре часа. Лошади нѣсколько разъ отвязывались, кучеръ летѣлъ внизъ головой съ автомобиля, снова налаживалъ и медленнымъ шагомъ подъ завываніе вѣтра, подъ дождемъ шлепали къ Пултуску. Гдѣ-то далеко мигали огни, сторожевые окликали, недоумѣвая, кто и на чемъ ѣдетъ. Продрогли, въ сапоги набилась вода, хотѣлось ѣсть, клонило ко сну.

Съ разсвѣтомъ добрались до Пултуска. Стражникъ помогъ найти мастерскую, шоффферъ остался чиниться, а я со знакомымъ офицеромъ и только что пріѣхавшимъ изъ Петрограда журналистомъ отправился искать пристанища. Постучались въ одну гостиницу, въ другую, третью—всюду полно, не хотятъ даже открывать. Наконецъ въ какой-то «цукернѣ» разбудили хозяйку и упросили напоить чаемъ. На диванахъ спала прислуга, по полу бѣгалъ ручной ежъ, а мы за стаканомъ мутнаго чая и кускомъ хлѣба чувствовали себя счастливѣйшими людьми.

Пораженіе нѣмцевъ.

На площади грязнаго Макова толпа; что-то окружили и осматриваютъ съ большимъ любопытствомъ.

Послѣдніе трофеи изъ-подъ Прасныша.

Привезли захваченные сибиряками пушки, пулеметы, ящики, полные снарядовъ, и цѣлехонькій автомобиль. Семь полевыхъ орудій въ полной исправности съ затворами и только на щитахъ слѣды русскихъ снарядовъ. Двѣ тяжелыхъ пушки смотрятъ вслѣдъ отступающимъ нѣмцамъ, а пулеметы взгромоздились на повозку и въ сравненіи съ орудіями кажутся крохотными. Зарядные ящики не початы. Въ нихъ бережно въ плетеныхъ чехлахъ уложены шестидюймовые стаканчики, приготовленные для русскихъ, но впопыхахъ брошенные вмѣстѣ съ пушками.

Степенный канониръ съ большимъ достоинствомъ объясняетъ обознымъ дѣйствіе пулеметовъ:

— Только ленту поставь, а онъ самъ работаетъ... Во время атакъ лучше всякой пушки, даромъ что маленькій...

Не ожидавшіе нашего преслѣдованія, продвигавшіеся изъ Восточной Пруссіи нѣмцы, захватившіе передъ тѣмъ въ Праснышѣ довольно много плѣнныхъ, были застигнуты врасплохъ. Они стаскивали орудія въ лѣсъ, пробовали впрягать лошадей, но при приближеніи русскихъ, чуть не на глазахъ у нихъ, рубили постромки, вскакивали на коней и, бросая орудія, удирали вслѣдъ за пѣхотой.

Была темная ночь, когда наши подступали къ Праснышу. Въ черныхъ и неизвѣданныхъ даляхъ догорали огни пожарищъ. Небо застилали тучи.

Солдаты шли по вязкой глинѣ, по топкой пашнѣ, увязая по колѣно въ жидкой грязи. Дорога до того была изрыта и испорчена, что орудія и тяжелые автомобили приходилось тащить чуть не на рукахъ и на блиндированныхъ машинахъ, шофферы отъ усталости засыпали у руля.

Но духъ дѣлаетъ все, а при наступленіи настроеніе поднимается, нервы напряжены, усталость куда-то исчезаетъ и люди, напрягая силы, стремятся достигнуть поставленной цѣли.

Такъ было и подъ Праснышемъ, когда нѣмцы, воспользовавшись временнымъ перевѣсомъ силъ, ворвались въ городъ и думали передъ нимъ забаррикадироваться.

Впередъ выслали блиндированныя машины. Онѣ шли во тьмѣ наугадъ.

Встрѣчаютъ будто солдата и крестьянина.

— Вѣрно свои.

— Кто въ деревнѣ?

— Штабъ полка...

И скрылись. Автомобили не сдѣлали и полуверсты, какъ ихъ приняли въ упоръ нѣмецкіе пулеметы и батареи.

Нѣмцы засыпали машины снарядами, пули забирались въ мелкія отверстія, у колесъ зарывались снаряды; стоило на мгновенье выглянуть изъ-подъ брони, чтобы быть тутъ же подшибленнымъ. Впереди за нѣмецкими окопами свѣтило зарево пожара, а позади были подвигавшіяся цѣпи своихъ.

На укрытой площадкѣ у пушки былъ убитъ штабсъ-капитанъ Гурдовъ, обезсмертившій себя въ лодзинскихъ бояхъ. Былъ раненъ и отброшенъ поручикъ Вачнадзе и, контуженный, продолжалъ командовать на послѣдней машинѣ молодой Подгурскій. Прислуга

перебита и послѣдняго пулеметчика смѣнилъ мальчишка доброволецъ Бѣловъ.

Цѣпью шли солдаты по полю.

— Вы намъ поможете,—обратился командиръ батальона къ Подгурскому и указалъ, гдѣ у нѣмцевъ стоятъ пулеметы.

— Я подъ броней и то силъ нѣтъ, а вы на открытомъ мѣстѣ.

— Въ судьбу вѣрю...

И капитанъ повелъ въ атаку.

Подгурскій удачно подбилъ пулеметы, безъ сознанія былъ вывезенъ шоферомъ, а сибиряки заняли деревню и непріятельскіе окопы и на утро были въ Прасныше.

* * *

На окраинѣ города дома превращены въ рѣшето.

Съ дороги еще не убраны баррикады изъ плуговъ и молотилокъ, наваленныхъ сверху желѣзныхъ кроватей, столовъ и какихъ-то спицъ.

Изъ домовъ вытащена мебель, въ канавѣ валяется сломанный граммофонъ, рядомъ груды патроновъ, разсыпавшіеся изъ яшиковъ снаряды, велосипедъ, а въ двухъ шагахъ распластался нѣмецъ.

Большіе красные дома смотрятъ черными провалами, деревья пронизаны пулями, подъ колеса попадаются каски и ружья.

Ратуша, остававшаяся цѣлой послѣ декабрьскаго отступленія нѣмцевъ, теперь пробита снарядами и сдѣлалась сквозной.

Городъ, какъ кольцомъ, окруженъ могилами и только съ южной стороны оставалось еще небольшое чистое пространство. Теперь и его нѣмцы заполнили. Ихъ окопы были вырыты передъ Прасныше къ югу

и десятки труповъ обозначали мѣсто новыхъ боевъ. Въ землянкахъ, передъ ними и на днѣ окоповъ—трупы. Въ межахъ по полю, въ канавахъ, у дороги, на порогахъ домовъ вездѣ застигнутые пулями нѣмцы.

Въ одной ямкѣ еще не вынутъ подбитый пулеметъ, въ другой видно, какъ нѣмецъ старался укрыться, какъ увязалъ въ глинѣ и какъ затѣмъ ползъ къ своимъ, вѣроятно, раненый.

Направо и налѣво, въ окопахъ, въ землянкахъ, передъ ними и позади нихъ—опять трупы. Кто повалился ничкомъ, когда убѣгалъ, кто скорчился, застигнутый въ своей норкѣ. Дальше по полю ихъ все больше и больше, лежатъ грудами и въ своихъ голубовато-сѣрыхъ шинеляхъ становятся незамѣтными и сливаются съ землей. Только мелькаютъ бѣлыя пятна рубашекъ.

Побывавшіе въ плѣну праснышскіе обыватели вылѣзли изъ своихъ погребовъ и посоловѣлые глядятъ на свѣтъ Божій.

Изъ деревяннаго домика, наполовину обращеннаго въ щепы, выбѣгаетъ женщина и со слезами проситъ офицера:

— Возьмите, Бога ради, отъ меня раненыхъ нѣмцевъ. Они сносили ихъ во всѣ квартиры и забывали даже кормить...

— У меня въ домѣ тоже три мертвыхъ нѣмца... Принесли раненыхъ—всѣ умерли...

Чуть не во всѣхъ домахъ на южной окраинѣ Праснышa, ближайшей къ наскоро вырытымъ нѣмецкимъ окопамъ, остались раненые, больные и умершіе нѣмцы. Однихъ приносили, другіе во время боя приходили сами, врачи наскоро дѣлали перевязки и больше не появлялись.

Въ ночной паникѣ раненыхъ и больныхъ побросали не лучше, чѣмъ орудія. Всякій думалъ о томъ, какъ бы

ему удрать и поляки видѣли, какъ раненые нѣмцы ползли за удиравшими санитарными повозками.

Темная комната съ закрытыми ставнями. На соломѣ умираютъ раненые. Больше нѣмцевъ, нѣсколько нашихъ, пробывшихъ четыре дня въ плѣну. Голодные, изможденные.

— За все время не дали ни куска хлѣба. Ни намъ, ни своимъ... Только тѣмъ и питались, что жители приносили.

Отъ истощенія и потери крови раненые умирали, но некому было убирать и мертвые оставались съ живыми.

У проволочныхъ заграждeній.

Нѣмцы были въ то время къ сѣверо-востоку отъ Прасныша и, казалось, что въ Грудускъ, стоящій на полпути къ Млавѣ, можно проѣхать.

Послѣ оттепели дорога испортилась, шоссе покрылось на нѣсколько вершковъ грязью и изъ-подъ колесъ каскадами хлещетъ вода.

Доѣзжаемъ до передового перевязочнаго пункта. Онъ помѣстился въ курной избѣ. Раненыхъ кладутъ на солому, а рядомъ въ углу около печки обѣдаютъ хозяева-крестьяне.

— Можно въ Грудускъ?

— Едва ли... туда развѣдчиковъ послали.

Рѣшаемъ все-таки попробовать.

По дорогѣ никого. По сторонамъ окопы. Отдаленная перестрѣлка.

Передній автомобиль катитъ дальше, и останавливается между высокими брустверами у проволочной рогатки. Жизни незамѣтно. Смущаютъ только протянувшіеся кругомъ длинные ряды проволоки. Упол-

номоченный [1]), желавшій во что бы то ни стало забрать раненыхъ изъ Грудуска, пробуетъ уже снять преградившую путь рогатку, но въ это время раздается рѣзкій откликъ:

— Дальше нельзя!

Изъ окопа неожиданно показывается голова, за ней другая, третья и солдаты подзываютъ знаками.

— Вы куда собственно?—спрашиваетъ старшій.

— Грудускъ хотѣли взять,—отшучивается уполномоченный.

— Грудускъ, пожалуй, взяли бы,—но и васъ тоже могли бы взять... Можетъ въ немъ нѣмцевъ и нѣтъ, а только пока кромѣ развѣдчиковъ никто не ходитъ...

И, оглядѣвъ неожиданныхъ гостей, усталыхъ и забрызганныхъ грязью, солдатъ добавляетъ:

— Можетъ быть, зайдете посмотрѣть наше жительство.

Глубокій окопъ съ выходомъ къ дорогѣ. Чистый, выглаженный, прибранный, съ высокими блиндажами, съ широкими просторными землянками. Солдаты вылѣзаютъ изъ своихъ норъ, толпятся и, видимо, довольные свѣжему человѣку, охотно вступаютъ въ разговоръ.

— Саморучные окопы. Нашему солдату нужно какъ кроту окопаться.

— Не холодно?

— Зиму перезимовали,—теперь ничего. Холодовъ не столько боимся, какъ дождя и метели... Передъ праздниками метель стояла, такъ до половины насъ занесло... Одинъ товарищъ изъ низко-рослыхъ, какъ-то утромъ проснулся и кричитъ: «Откопайте, братцы, вылѣзть не могу».

Солдаты ведутъ осматривать окопы и на перебой разсказываютъ:

---

[1]) Вл. А. Крейслеръ, работавшій съ отрядомъ въ Восточной Пруссіи.

— Хаты наши новыя... Въ одиннадцатой ротѣ тамъ дѣйствительно глина, а у насъ посуше будетъ—песокъ. Мы и печку сложили.

Обжились въ окопахъ по-домашнему, но все наготовѣ и голыми руками не возьмешь. Ружья высунуты изъ-подъ блиндажей, тутъ же патроны и, появись противникъ, мигомъ и откроютъ стрѣльбу.

* * *

Сидѣть съ солдатами одно удовольствіе. Слушаешь ихъ и каждый разъ изумляешься, откуда столько спокойствія, столько душевной красоты и проникновенія въ смыслъ войны. Солдатъ по своему понимаетъ и чувствуетъ противника, онъ въ непосредственномъ съ нимъ соприкосновеніи, лицомъ къ лицу и зорко слѣдитъ за врагомъ. Онъ встрѣтилъ ихъ первый бѣшеный напоръ, видѣлъ, какъ потомъ отхлынула волна, какъ снова подкатывалась. Все на себѣ испыталъ русскій солдатъ.

— Земля скоро таять начнетъ,—говоритъ старшій, тогда и впередъ пойдемъ... а пока мерзлая—никакъ невозможно. На мягкой землѣ и окапываться легко. Всякій самъ себѣ ямку выроетъ, его тогда ни шрапнель, ни граната не беретъ... Развѣ уже прямо на него упадетъ, но это рѣдко случается... если человѣку суждено.

Солдаты одобрительно киваютъ головой и одинъ замѣчаетъ:

— Велика сила Божья... Дождь идетъ—люди мокрые бываютъ, а тутъ пули сильнѣе дождя льются, а люди цѣлыми выходятъ...

— У насъ вотъ какъ-то, тяжелый снарядъ внутри землянки разорвался, землю разбросалъ, но по счастью никого не было... Такъ все и обошлось.

— Около самаго снаряда, гдѣ зарывается, не вредно, рѣшаетъ бородачъ,—а вотъ куда летятъ осколки, по сторонамъ—не упакаешь.

— А скоро нѣмцевъ прогоните?—спрашиваю у старшаго.

— А вотъ земля растаетъ и погонимъ его... Къ тому же и нервы у нѣмцевъ разстраиваются.

И старшій въ подтвержденіе своихъ словъ вспоминаетъ:

— Двое тутъ на дняхъ пришли къ намъ съ запиской, говорятъ, довольно сражаться—сдавайтесь.

— Что же вы сдѣлали?

— Само собой—разстрѣляли... А на утро еще двое нѣмцевъ явилось тоже съ запиской; велятъ, чтобы мы къ вечеру выстроились передъ окопами, а иначе грозили всѣхъ перебить. Стрѣльбы, однако, ночью не было, а какъ мы на утро впередъ пошли, такъ и увидѣли, что нѣмецъ отступилъ.

— А тутъ еще съ полякомъ недавно случай вышелъ. Выслали они поляка на дежурство, тоже ихъ солдатъ, онъ постоялъ, постоялъ, а потомъ снялся и кричитъ: «Пропали, русскіе идутъ, бросайте оружіе...» Человѣкъ сорокъ и побросали, а русскихъ было всего шестеро.

Говорятъ солдаты о нѣмцахъ спокойно, безъ злобы и раздраженія, оцѣниваютъ врага, какъ судья праведный и, поставивъ своимъ опытомъ и умомъ заключеніе, твердо въ него вѣрятъ.

— Народъ они пропащій,—замѣчаетъ старшій.—Кто будетъ нѣмцамъ поля обсѣменять, если и въ этомъ году хлѣба у него мало, да и людей уже немного...

— То и дѣло изъ окоповъ хлѣба просятъ, а какъ въ деревню придутъ—первое дѣло муку да картошку разыскиваютъ... Любятъ мародерничать.

* * *

Изъ окоповъ видно далеко. Мѣстность не высокая, болотистыя низины едва подернуты туманомъ, жилья почти нѣтъ и только въ сторону Прасныша изъ-за чахлыхъ деревьевъ чернымъ пятномъ выглядываетъ нѣсколько хатъ.

Гряды нѣмецкаго окопа видны простымъ глазомъ. Тысячи полторы шаговъ не больше.

Увидѣвъ, что я усиленно разглядываю, солдатикъ предлагаетъ бинокль.

— Ты что же артиллеристъ, что съ биноклемъ?

— Нѣтъ, это у меня отъ ротнаго на память...

Вспомнивъ про ротнаго, какъ-то притихли, а потомъ старшій взялся разсказать про ихъ горе.

— На прошлой недѣлѣ на проволокѣ душу отдалъ нашъ ротный. Прапорщикъ былъ, по фамиліи Добранскій... Какъ его убили, скучно стало, словно отца отняли. Все бывало на ногахъ: снарядъ летитъ, слышитъ перелетъ, онъ аппаратомъ снимаетъ... Его въ Омскѣ оставляли, не согласился, пошелъ добровольцемъ. Къ золотому оружію за выручку батареи представленъ... Теперь, говорятъ, его сынъ экзаменъ на прапорщика сдаетъ... Вотъ бы намъ прислали.

Много любви и привязанности слышалось въ этихъ воспоминаніяхъ. Вѣрно сумѣлъ подойти къ солдатамъ покойный Добранскій, умѣлъ понять ихъ и былъ всегда заодно съ ними. О прапорщикахъ въ эту войну вообще много говорятъ и солдаты ихъ сильно хвалятъ. Недавно пріѣхалъ въ паркъ и спрашиваю знакомаго прапорщика, а нижніе чины его по имени и отчеству называютъ.

— Николай Ивановичъ... Какъ же—въ третьемъ паркѣ.

— А вы откуда знаете, что Николаемъ Ивановичемъ зовутъ.

— Какъ же, ваше благородіе, они себя вовсе не отличаютъ, а когда передвигались, такъ съ нами вмѣстѣ верстъ сорокъ зарядные ящики тащили... Въ болота попали, на силу выбрались.

Объ офицерахъ говорятъ, а о себѣ ни слова, и сколько разъ я ни пробовалъ выспрашивать у солдата, какъ ходили въ атаку или въ развѣдку, ничего, кромѣ односложныхъ отвѣтовъ не получалъ. Не любятъ они о себѣ распространяться. Не знаютъ своихъ подвиговъ, а что каждую минуту могутъ съ жизнью разстаться, такъ на то и служба. Настоящій солдатъ, смотрѣвшій въ глаза смерти, переносившій всѣ трудности и лишенія походной жизни, никогда не станетъ бахвалиться. Глубоко сидятъ въ немъ долгія думы и только развѣ глаза, просвѣтленные, не скроютъ затеплившагося въ душѣ огня.

Посидѣли въ земляныхъ хоромахъ и стали собираться, чтобы окружнымъ путемъ поѣхать за ранеными. Солдаты уже развернули привезенныя имъ газеты и, столпившись кучками въ проходахъ, читали вслухъ медленно по-деревенски. Изъ-за насыпи выглядывали сѣрыя папахи и кивали намъ вслѣдъ.

— Спасибо, что посѣтили наше уютное помѣщеніе.

— И вамъ спасибо... душой отдохнули.

* * *

Взяли на Прасныш.

Только двѣ недѣли назадъ изъ него выгнали. Но не успѣли на поляхъ подобрать всѣхъ труповъ, какъ нѣмцевъ уже снова потянуло къ болотамъ, въ которыхъ они вязли и пропадали, къ окопамъ, къ своимъ застрявшимъ въ лѣсу орудіямъ.

Мѣста недавнихъ боевъ опять оживились. Въ ту сторону идетъ пѣхота, тащатся обозы, а изъ-за Прасныша везутъ раненыхъ. Въ одноколкахъ рядомъ съ нашими нѣмцы, и выглядывая изъ-за брезентныхъ навѣсовъ, пытаются угадать, что вокругъ дѣлается.

За солдатами поспѣваютъ два гимназиста. Содрали съ фуражекъ гербы, приладили на спину ранцы и откуда-то раздобыли нѣмецкія ружья. Изъ тѣхъ, которые каждый день удираютъ и, устроившись въ воинскомъ поѣздѣ, пробираются въ самое пекло войны.

Парковые артиллеристы расчищаютъ дорогу и на рысяхъ провозятъ запряженные шестеркой зарядные ящики. Привязанный медвѣжонокъ. Неожиданный гость на войнѣ. Обозные посмѣиваются и дружески похлопываютъ Мишку.

На перекресткѣ у хатъ — толпа. Полукругомъ стоятъ солдаты и священникъ въ золотой эпитрахилѣ. На носилкахъ въ рядъ поставлены павшіе въ ночной атакѣ. Семь нашихъ и одинъ въ синей шинели—нѣмецъ. Поютъ «вѣчну память».

Впереди несутъ бѣлый выструганный крестъ, за нимъ пѣвчіе изъ санитаровъ, полковой батюшка и носилки.

Дорогу пересѣкаетъ полкъ со знаменемъ. Ѣдутъ верхомъ офицеры, грудой идутъ солдаты. Снимаютъ фуражки, крестятся, провожаютъ взорами процессію.

Война... Одни — въ бой, другіе отслужили свое, пробили товарищамъ дорогу, сами легли, но и у противника сбавили силы.

Вырытую могилу окружили и по одному опускаютъ въ землю.

«Святый Боже, Святый крѣпкій...»—вторятъ пѣвчіе, а солдаты читаютъ молитву; видно, какъ шевелятъ

губами, вглядываются. Своихъ хоронятъ, можетъ и другого полка, а только—своихъ, такихъ же сѣрыхъ, беззавѣтныхъ, великихъ въ своей простотѣ, въ своемъ подвигѣ.

«Святый безсмертный, помилуй насъ...»

Похоронили всѣхъ и нѣмца рядомъ и поставили надъ нимъ особый крестъ.

— Всѣ передъ Богомъ люди,—замѣтилъ кто-то въ толпѣ, когда обратили вниманіе, что нѣмца отпѣваютъ вмѣстѣ.

Чѣмъ ближе къ Праснышу, тѣмъ пустыннѣе. Люди жмутся къ деревьямъ, а они стоятъ расщепленные снарядами и въ стволахъ торчатъ неразорвавшіеся мѣдные стаканы.

На улицахъ совсѣмъ мертво. Дорогу загораживаютъ повалившіяся балки, обгорѣлыя бревна, груды кирпича. Дома деревянные снесены, каменные стали сквозными, въ мостовой воронки. Камни разворочены, земля обгорѣла.

— Давно обстрѣливали?—спрашиваю стараго еврея, выглянувшаго изъ лачуги.

— Все время рвутся, и вчера, и сегодня... кто остался—въ пивницѣ спрятались.

Подъ обстрѣломъ.

Праснышъ подъ обстрѣломъ тяжелой артиллеріи, но въ Праснышѣ раненые и надо было ихъ вывозить. Предложили сопутствовать автомобильный транспортъ великой княгини Викторіи Ѳеодоровны.

Выѣхали длинной колонной. Отрядъ великой княгини заслуженный. Онъ сформировался первымъ,

помнитъ Сольдау, работалъ вокругъ Лодзи во время бомбардировки города.

Шоссе отъ Цѣханова въ Праснышъ. Липкая грязь, выбоины, слѣды боевъ. Навстрѣчу транспорты раненыхъ. Сѣрыя одноколки, запряженныя мохнатыми сибирками, тянутся гуськомъ и привыкшія лошади не шарахаются.

Приближаемся къ городу.

Видны уцѣлѣвшія красныя башни костеловъ и близко ударяютъ наши батареи.

Автомобили завернули въ первую улицу, проѣхали мимо разрушенныхъ лачугъ, миновали церковь съ разсыпавшимся алтаремъ и остановились у каменнаго дома, куда сносятъ раненыхъ. Встрѣтилъ докторъ—кавказецъ, усталый, безъ фуражки, въ одномъ кителѣ.

— Городъ обстрѣливается... въ госпиталѣ выбило всѣ стекла...

Въ комнатахъ, настежь раскрытыхъ, прямо на полу два офицера и человѣкъ тридцать солдатъ.

Стали грузить, укладывать раненыхъ, а снаряды рвались. То спереди гдѣ-то трещало, то сзади на шоссе зарывался чемоданъ и далеко кругомъ забрасывалъ землей.

— Опять начали,—говоритъ сестра,—рядомъ халупу снесло.

На дворѣ у дома съ отбитымъ угломъ нѣсколько женщинъ. Въ воронку отъ снаряда залѣзли дѣти и придумали игру.

Почему не уходятъ?

— Некуда, пане, идти,— когда въ первый разъ нѣмцы были въ Праснышѣ, увели мужа окопы рыть, и съ тѣхъ поръ ничего о немъ не знаю.. Куда пойду, четверо дѣтей... сижу между пулями и хорошо.

Въ городскомъ госпиталѣ неизмѣнныя сестры-шаритки. Стоически выдерживаютъ войну. Праснышъ переходилъ изъ рукъ въ руки, а онѣ оставались, были русскіе—перевязывали русскихъ, приводили нѣмцевъ—принимали и ихъ.

— Въ послѣдній разъ, когда нѣмцы ушли,—оставили намъ много раненыхъ, хлѣбъ забрали... Намъ нельзя уйти, некому будетъ помогать.

Въ госпиталѣ собрались не одни солдаты, тутъ и старики и женщины, всѣ пришли къ сестрамъ и подъ одной крышей просиживаютъ бомбардировку.

— Онѣ всѣмъ помогаютъ,—говоритъ женщина, съ испуганнымъ лицомъ:—больной человѣкъ не можетъ зла сдѣлать... Сестры добрыя.

Орудія гремятъ подъ самымъ ухомъ. Наши закидываютъ нѣмцевъ, а тѣ стараются нащупать русскую батарею. Перехватываютъ куда-то въ сторону и лупятъ по городу. Трещатъ крыши, рушатся старыя хаты. Изъ погребовъ боязливо выглядываютъ напуганные евреи.

Автомобили полны. Надо трогаться, но на землѣ на носилкахъ еще осталось нѣсколько человѣкъ.

— Пріѣдемъ въ другой разъ.—Но раненымъ хочется скорѣй въ теплый уголъ.

— Возьмите, ваше благородіе,—стонетъ свѣсившись съ носилокъ солдатъ съ забинтованной головой... Я какъ-нибудь...

Другой убѣждаетъ его посадить.

— Авось высижу... самъ буду держать прострѣленную ногу, ничего...

И онъ устраивается рядомъ съ шоффероиъ, подкладываетъ подъ больную ногу шинель и только на ухабахъ, когда машина подпрыгиваетъ, проситъ ѣхать потише.

Надо въ другой госпиталь, черезъ мостъ. Онъ смотритъ пустыми окнами, въ его перевязочной обсыпался потолокъ, но за семь мѣсяцевъ войны онъ не закрывался ни на одинъ день.

На улицѣ ни души.

Великая княгиня идетъ пѣшкомъ съ княжной Гагариной. Собирались уже переходить мостъ, но въ это время что-то рухнуло. Рѣзкій ударъ, послышался трескъ и мелкая пыль застлала дорогу. Подбѣжалъ офицеръ, предупреждаетъ:

— Не ходите дальше... Сейчасъ три часа, а нѣмцы регулярно открываютъ пальбу изъ тяжелыхъ орудій.

На минуту остановились. Безъ раненыхъ нельзя возвращаться, но за первымъ ударомъ послѣдовалъ другой и третій, и въ пустоши изъ-за домовъ полетѣли въ воздухъ какія-то щепки, поднялись клубы чернаго дыма, потянуло гарью.

Первый автомобиль былъ уже на заворотѣ, но моментъ и между нимъ и моей машиной взвился черный фонтанъ земли. Разрывъ совсѣмъ близокъ. Снарядъ закопался въ рыхлую землю и автомобили только засыпало комьями земли.

Насторожились. Шоферы усилили ходъ. Невольно хотѣлось уйти глубже въ свое сидѣніе, но любопытство брало верхъ и взглядъ не отрывался отъ мѣста, куда падалъ снарядъ.

Долго ждать не пришлось. Снова черный фонтанъ выше деревьевъ за третьимъ автомобилемъ, нагруженнымъ ранеными. Можно различить каждый кусокъ земли, уловить, какъ она вздымается и какъ крутится воронкой, окутанная постепенно разсѣивающимся кверху облакомъ густого дыма. Казалось, что въѣхали въ пожарище и удушливый гарный запахъ былъ до того силенъ, что кружилась голова.

Полверсты проскочили. Машины свернули и, выѣхавъ на просторъ, остановились на возвышенности, съ которой открывались широкія дали.

На томъ мѣстѣ, которое только что миновали, рвались снаряды. Фонтаномъ влетала земля и верхушки деревьевъ застилало буроватымъ дымомъ. Подъѣхали грузовики. Счастье имъ также сопутствовало. Только одѣяло забросало землей, и шофферы смотрѣли арапами. Передній докладывалъ:

— Немного не везетъ, ваше высочество... Въ радіаторъ попалъ осколокъ снаряда... Слава Богу, никого не задѣлъ.

Въ передней части въ сотахъ обозначилась здоровая пробоина, но зато раненыхъ не задѣло и счастливые, что выбрались изъ-подъ обстрѣла, они осматривались безъ боязни, истрадавшіеся, но успокоенные.

* * *

Цѣпи холмовъ спускались къ сѣверо-западу, пересѣкали равнины, окаймлялись перелѣсками. Взглядъ хваталъ далеко. Кое-гдѣ изъ низинъ торчали одинокія хаты, сиротѣло поднимались чахлыя деревья.

Надъ синѣющимъ лѣсомъ рвалась шрапнель. Появлялись и таяли бѣлыя и темныя облачки. Ближе къ намъ вспыхивали и мигали огоньки. Тамъ скрыты наши батареи.

Шелъ бой. Русскіе наступали и тѣснили нѣмцевъ отъ Прасныша. Работали мортиры, полевыя орудія, звуки смѣшивались и, когда стихалъ вѣтеръ, различался свистъ вырывавшихся изъ жерла снарядовъ, а потомъ все заливалось трескотней пулеметовъ.

Протяжно и жалобно вылетали снаряды и звукъ, родившійся отъ одного, еще длился, когда его догонялъ другой и третій, а то и нѣсколько гранатъ летѣли

сразу. Изъ-за бугорковъ все чаще и чаще мигали вспышки, ревомъ наполнялась ложбина и чудились въ ней отдаленные голоса.

Пошли въ атаку.

У Прасныша еще вздымаются черные клубы. Потомъ они переносятся въ сторону и рядомъ въ деревнѣ вспыхиваетъ пожаръ. Сперва потянуло бѣлымъ дымкомъ, потомъ огонь загулялъ по крышамъ и деревянныя хаты вспыхнули костромъ.

Нѣмецкіе разрывы рѣже и дальше. Они едва замѣтны, а черезъ часъ и вовсе пропадаютъ.

По дорогѣ проносятся ординарцы, въ сторонкѣ въ предмѣстьѣ развертывается госпиталь, а внизу на полѣ изъ-за деревни сѣрыми точками обозначается передвиженіе какой-то части. Идутъ напрямикъ черезъ пашни къ дорогѣ. Можно различить лошадей, всадниковъ, санитарныя повозки и пѣхоту. Ея много и она, раздѣлившись колоннами, льетъ живыя цѣпи.

Изъ Прасныша идутъ раненые. Солдатикъ съ перевязанной рукой останавливается, съ удовольствіемъ затягивается папироской и разсказываетъ:

— Въ наступленіе мы перешли. Только не принимаютъ они атаки, а то много бы ихъ наслали... Все, подлецы, на пулеметахъ выѣзжаютъ.

— Не выгоритъ ихнее дѣло,—поддакиваетъ другой,—потому наши кверху загибаютъ.

Словно изъ земли вырастаетъ казакъ. На гнѣдой стройной лошади съ длинной пикой у стремени въ лохматой папахѣ—словно сошелъ съ картины. Оглядѣлся, будто нюхомъ хотѣлъ узнать, куда ему путь держать и, нагнувшись на сѣдлѣ, скоро скрылся въ темнѣющихъ даляхъ.

Грузовики подошли. Раненыхъ благополучно вывезли изъ-подъ огня. Бой удалялся.

Подъ Варшавой.

Для стараго города княжества Ловичскаго наступили тяжелые дни. Подъ его стѣнами идетъ бой.

Окопы стягиваютъ все ближе, почти къ домамъ. Батареи стоятъ на свѣжей пахоти.

У хатъ падаютъ снаряды, и сидѣвшіе въ нихъ видѣли, какъ убивало солдатъ, какъ одни оставались на мѣстѣ, другіе выползали. Они подбирали раненыхъ и носили воду въ окопы, не сознавая, какой опасности подвергаются.

Безъ разсужденій и умствованій, попросту исполняютъ польскіе крестьяне человѣческій долгъ. Когда они говорятъ о русскихъ солдатахъ, не называютъ ихъ иначе, какъ наши солдаты, русскую армію—нашей арміей. А когда горятъ ихъ избы и деревни, когда «нѣмецъ» разстрѣливаетъ ихъ костелъ, они теряются, какъ дѣти, и не понимаютъ, зачѣмъ понадобились ихъ дома, кому мѣшаютъ построенные на гроши храмы.

— Спалили веси, порушили костелы...

И на безхитростныхъ лицахъ, въ ихъ растерянныхъ взглядахъ и осунувшихся фигурахъ, то же жалостливое и покорное выраженіе, что и у раненыхъ.

— Терпѣть можно, а оно побаливаетъ...

Все можно стерпѣть: и поруганіе святыни, съ которой человѣкъ свыкся съ дѣтства, разгромъ церкви, куда онъ приходилъ молиться еще ребенкомъ, и обращенныя въ пепелъ избы, гдѣ жили дѣдъ и отецъ, и даже глумленіе полупьяныхъ нѣмцевъ у себя въ домѣ, но ничто не проходитъ даромъ. Если въ первыя недѣли войны польскіе крестьяне только бранили и боялись нѣмцевъ, то потомъ, когда прусскія войска прошлись

по Польшѣ, вспоминали о нихъ со злобой и ненавистью.

— Не утекли... Видали, сколько лежитъ въ полѣ...

И крестьянинъ повелъ меня къ тому мѣсту, гдѣ подъ оголенными ветлами лежали сѣрые трупы, въ вечерней мглѣ почти слившіеся съ землей. Ихъ собрали съ поля, а много еще осталось въ окопахъ. Въ сумкѣ почти у каждаго книжечка Евангельскихъ изреченій.

Трупы сносили и клали рядами у дороги. Образовались мертвыя шеренги. Съ бородатыми лицами больше пожилые, видно изъ запасныхъ, хотя рядомъ и юнцы. Одинъ даже въ очкахъ. На безусомъ, дѣтскомъ лицѣ испугъ и боль. Голова разсѣчена и по уху на мундиръ стекла струйка крови. У солиднаго благообразнаго нѣмца, непохожаго на солдата, изъ кармана выглядываетъ пачка писемъ на цвѣтныхъ бумажкахъ.

На пригоркѣ въ полѣ наши. По ихъ фигурамъ, по тому, какъ солдаты раскинули въ сторону руки, какъ закатилась голова, видно, что вынуты не изъ окоповъ, а застигнуты въ полѣ во время атаки. Молоденькій офицеръ, оставшійся почему-то въ одной окровавленной рубашкѣ, поднялъ правую руку кверху, а лѣвую далеко откинулъ въ сторону. Лицо вытянулось впередъ, ротъ открытъ. Кругомъ солдаты съ простыми схожими лицами, застигнутые одинаковой смертью.

Все — сибиряки. Они ходили въ атаку подъ Ловичемъ, на деревню Дуплицу-Малу. Непріятельскіе окопы были за деревней. На возвышеніи стояли пулеметы, а съ фланговъ артиллерія. Полкъ шелъ по ровному открытому полю. Его осыпали пулеметы, окатывало шрапнелью; командиръ полка былъ раненъ, многіе изъ офицеровъ убиты, но сибиряки все же вышибли нѣмцевъ.

Сохачевъ—Ловичъ.

— Сегодня ночью нѣмцы три раза ходили въ атаку... Шли съ музыкой, сами пьяные...

Разсказывалъ солдатъ съ подвязанной челюстью, съ запекшимися, окровавленными губами. Онъ съ товарищемъ, тоже раненымъ, брелъ къ питательному пункту и встрѣтился мнѣ по пути отъ Илова.

Нѣмцы рвутся во что бы то ни стало къ Варшавѣ, пытаются прорваться ночными атаками и по обыкновенію не жалѣютъ снарядовъ.

Шоссе отъ Сохачева на Бржозово-Гостининъ, окаймленное раскидистыми соснами, оставшееся въ сторонѣ во время варшавскихъ боевъ, сдѣлалось при второмъ наступленіи одной изъ главныхъ артерій.

Словно изъ бездны появится огонь, охватитъ краснымъ пламенемъ землю и все заволокнется и закроется густымъ туманомъ.

Рѣзкій свистъ и звукъ. Точно громадный рой стрекозъ снялся и жужжитъ надъ головой. Закопался «чемоданъ». За нимъ другой и третій и, словно вулканическія изверженія, клубы густого, грязнаго дыма поднимаются изъ земли, какъ смерчъ, какъ прорвавшійся горящій источникъ.

Нѣмцы разносятъ деревню. Слышенъ трескъ, что-то лопается и взрывается, и охватываетъ селеніе. Живой костеръ. Черные дома падаютъ и рушатся.

По полю подходятъ колонны. Почти незамѣтныя въ ложбинѣ, онѣ сразу выдѣляются, поднявшись въ открытое поле. Ихъ выслѣдили, огонь перемѣнилъ направленіе и снаряды уже падаютъ ближе. Только что началъ раздавать папиросы, пошелъ за тючкомъ,

обернулся — смотрю исчезли. Разсыпавшись по полю, залегли.

Неожиданно съ автомобилемъ оказался передъ цѣпью.

* * *

По шоссе скрипѣли телѣги. Нагруженные узлами, измучившіеся и испуганные, крестьяне спасались изъ разоренныхъ деревень, уходили изъ-подъ огня. Еле плетется женщина, взгромоздившая на спину тюфяки и подушки. Старикъ ведетъ мальчика, продрогшаго и испуганнаго.

— Его отецъ на войнѣ, увели. Все погибло.

Крестьяне пошли дальше. Куда и зачѣмъ, они не знаютъ. Ихъ дома горятъ.

Деревни переходили изъ рукъ въ руки и около избъ дрались штыками.

— Нѣмцы пришли и легли спать,—разсказываетъ крестьянинъ изъ Санниковъ.—Ночью деревню окружили русскіе, ворвались, перебили нѣмцевъ и увели плѣнныхъ... На утро снова пришли нѣмцы. Большія тысячи, съ кавалеріей и пулеметами. Принялись за насъ... Говорятъ: вы донесли русскимъ, что мы заночевали въ деревнѣ... Пять человѣкъ разстрѣляли. Все отняли, скотъ и лошадей угнали, въ домахъ безобразничали пьяные.

Солдаты роютъ могилу. Замерзающая земля плохо подается лопатѣ, а въ неглубокой ямѣ уже просачивается вода.

— Пошире надо, а то всѣхъ не уложишь,—распоряжается полковой батюшка и считаетъ «своихъ», съ которыми пришелъ изъ далекой Сибири, воевалъ подъ Варшавой.

На проселокъ къ тому мѣсту, гдѣ готовятъ могилу, сворачиваютъ колонны. Катятся точно потокомъ по полю солдаты, колышутся моремъ штыковъ и, попадая въ полосу свѣта отъ остановившагося автомобиля, кажутся со своими ружьями вытянувшимися и безконечно длинными.

— Нашихъ хоронятъ...

Останавливаются, заглядываютъ въ почернѣвшія, окровавленныя лица, снимаютъ шапки, крестятся и идутъ дальше.

— Намъ впередъ...

Дно могилы уложено трупами. Рядышкомъ одинъ къ другому, какъ шли въ атаку, прикрыли соломой и священникъ сталъ читать тихую, краткую молитву.

«Воинамъ, павшимъ на полѣ брани, сотвори вѣчную память»...

Перекрестился и бросилъ на солому комокъ земли.

Кто не умѣстился въ общую могилу, того похоронили въ окопахъ рядомъ.

Ближе къ дорогѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ, недавніе враги—убитые въ томъ же бою нѣмцы. Ихъ больше, чѣмъ нашихъ, они раскиданы по всему полю, и завтра, когда начнетъ свѣтать, ихъ будутъ вынимать изъ окоповъ.

— Сами для себя рыли могилу...

— А сражались хорошо, нѣсколько разъ мы ходили на нихъ въ атаку... Трудно было, пулеметы не подпускали, заливали со всѣхъ сторонъ...

И, перекрестившись на нѣмцевъ, солдатъ молча идетъ своей дорогой.

Куда?

Въ городѣ нечего дѣлать, развѣ переночевать. Лавки заколочены, кто остался прячется въ полуразрушенномъ костелѣ святой Викторіи, стоявшемъ

со временъ примасовъ. Нѣмецкіе снаряды снесли его куполъ и пробили новыя двери. Вѣтеръ ворвался, гуляетъ по храму.

Ксендзъ молится у алтаря, онъ не покинулъ паствы.

На площади убитые—обозные, старухи, дѣти. Кого застигло.

Мертвый городъ.

Хотя и набѣгали облака, но большіе, чистые куски неба бросали блѣдный отсвѣтъ и съ потухшими фонарями можно было кое-какъ пробираться.

Дорога знакомая. По заворотамъ угадываешь, гдѣ уцѣлѣвшая изба, гдѣ мѣста прежнихъ стоянокъ и гдѣ, версты за двѣ до преграждающаго путь глубокаго перекопа, надо слѣзать и отводить въ сторону машину, чтобы не угодить подъ обстрѣлъ, засвѣтло вовсе не подпускающій къ развалинамъ города.

Замигали огни, сначала незамѣтные за деревьями, неожиданные и жуткіе, потомъ болѣе яркіе и частые. Перебрасываясь по небу, одни медленно таяли, другіе—рѣзкимъ, бѣлымъ пятномъ задерживались въ вышинѣ. Будто разрывали пелену ночи и нечеловѣческимъ, зоркимъ глазомъ вглядывались, не зашевелился ли противникъ и не вышелъ ли онъ изъ своихъ окоповъ.

Сполохами гуляли по низамъ прозрачные ослѣпляющіе лучи прожекторовъ. Только складки мѣстности скрывали отъ нихъ и спасали отъ пролетавшихъ съ холоднымъ свистомъ ружейныхъ пуль.

Наши ракеты, болѣе шумныя, разсыпались надъ нѣмцами снопами золотого дождя и слышно было, какъ послѣ ихъ взлета, словно ночной дятелъ, начиналъ отстукивать пулеметъ. Звукъ его, металлическій и отчетливый, отдавался въ сердцѣ и оно учащенно билось

и наполняло и мозгъ и все существо чѣмъ-то чужимъ и холоднымъ.

Во всю ширину дороги—глубокая, взрыхленная воронка отъ тяжелаго снаряда. Она напомнила, что пора сойти въ канаву, подводившую къ вырытымъ ходамъ сообщеній.

Окликнулъ голосъ.

Незамѣтный, почти слившійся съ деревомъ, солдатъ указалъ, гдѣ надо спуститься и вдогонку бросилъ:

— Головы не подымайте... Сильно шмыгаютъ пули...

Касаясь локтями сырой земли, пошли извилистымъ ходомъ, болѣе тѣснымъ и высокимъ, чѣмъ канава. Онъ подводилъ къ дому на краю разсыпавшагося города и терялся дальше къ рѣкѣ. Какъ уцѣлѣлъ этотъ домъ—одному Богу извѣстно. Но въ то время, когда кругомъ строенія глядѣли обуглившимися дырами, онъ стоялъ поцарапанный, сползшій одной стѣной книзу, жалкій, будто говорившій: «я никому не мѣшаю, пожалуйста, и меня не троньте»...

Въ темнотѣ забывалось о томъ, что дѣлается кругомъ. Но когда бѣлая лапа прожектора ложилась на городъ, онъ щетинился заострившимися, опаленными трубами и пугалъ дикими гримасами неожиданно выроставшихъ развалинъ.

Вспоминалась торговая площадь, грязная, людная и шумная, съ крестьянскими возами, со шнырявшей еврейской бѣднотой, крутые спуски къ рѣкѣ, мостъ и открывавшееся на той сторонѣ ровное, бѣлое шоссе, охваченное по краямъ тополями и липами.

Все давно замерло. Оборвалось сразу и городъ сдѣлался преградой между борющимися людьми. Черезъ деревянный мостъ уже не переходили и онъ висѣлъ продырявленный снарядами, безпомощный и ненужный. Жившіе по одну сторону рѣки сразу стали чу-

жими тѣмъ, дома которыхъ всего въ четверти версты стояли на той сторонѣ.

Круглыя сутки черезъ рѣку перебрасывались снаряды, разрушавшіе остатки домовъ и выгонявшіе изъ подъ крышъ послѣднихъ упорныхъ обитателей—стариковъ и дѣтей. Особенно грохотали орудія къ ночи. Война все измѣнила въ корнѣ и люди, засѣвшіе шагахъ въ трехстахъ другъ отъ друга въ окопахъ, должны измѣнить своимъ привычкамъ: если удается отдыхать и высыпаться днемъ и, по-совиному, не смыкать глазъ съ наступленіемъ темноты.

Одно время, весной, когда война перебросилась на югъ въ горы, по берегамъ маленькой рѣченки затихло, но къ лѣту запаханныя, чуть не у самыхъ окоповъ, поля снова забороздило выбрасывавшимся изъ орудій свинцомъ.

Нѣмцы возобновили атаки. Они вылѣзали то въ надвигавшейся темнотѣ, то съ первымъ разсвѣтомъ, сцѣплявшіеся плечо къ плечу въ колонны, сначала незамѣтныя, потомъ сплачивавшіяся и длинныя—рѣдѣвшія подъ нашимъ, направленнымъ въ упоръ, огнемъ.

Съ наблюдательнаго пункта въ артиллерійскій бинокль видно было, какъ солдаты не сворачивали, хотя пулеметъ и сыпалъ по полю вѣеромъ. Если кто и спотыкался о трупъ павшаго товарища, то встряхнувъ ружьемъ и, вѣроятно, сильнѣе впиваясь пальцами въ прикладъ, съ наклоненной головой продолжалъ шагать впередъ.

— Съ вечера вторую отбили... — сообщилъ солдатъ, маленькій и спокойный, сопровождавшій насъ по узкому ходу и остановившійся у стѣны наполовину разрушеннаго дома.

— Люты они въ атаку ходить... Только и наши не любятъ, когда нѣмецкія каски наружу вылѣзаютъ... Все тогда забудешь и наровишь только его на прицѣлъ взять.

Вышли на площадь. Горѣлыя стѣны домовъ торчали, какъ обуглившійся остовъ гигантскаго животнаго.

Все вымерло. Ни движенія, ни голосовъ, даже тѣней не видно на опустѣлыхъ улицахъ.

На площади снопъ свѣта ударяетъ въ страшную безформенную массу. Обглоданная кошками старуха.

Когда всѣ ушли изъ города, старая торговка еще оставалась въ своей грязной лавкѣ. Ее видѣли солдаты. Съ растрепанными волосами, съ дикимъ взоромъ, она выскакивала на площадь каждый разъ, когда раздавался взрывъ. Ее гнали, но она отвѣчала, что ей некуда идти и что она умретъ въ своемъ Сохачевѣ. Такъ оно и вышло. Ее, убитую, некому было подбирать и голодныя кошки стали приходить къ ея распластанному на площади трупу.

Черезъ пробитыя окна синагоги видѣнъ открытый гробъ. Начали отпѣвать и бросили, разбѣжались. Снарядъ попалъ въ крышу и отхватилъ уголъ дома. Такъ человѣка и не похоронили.

Подъ обломками находятъ трупы. Откопали нѣсколькихъ солдатъ.

Днемъ никто не рѣшается показаться въ мертвомъ городѣ. Онъ какъ на ладони и нѣмцы стрѣляютъ по отдѣльнымъ фигурамъ. Даже ночью и то слѣдятъ. Каждый разъ, когда подъѣзжаетъ къ передовымъ окопамъ кухня, они непремѣнно выпускаютъ по нѣсколько снарядовъ. Тѣ, кто пробовали наблюдать, что происходитъ въ нѣмецкихъ окопахъ, дорого поплатились.

Ближе къ рѣкѣ шлепнулся снарядъ. Вѣрно тяжелый, потому что раздался сильный трескъ и слышно было, какъ падали взрытые камни и кирпичи, ударяя о что-то твердое. Рѣзко хлестнувшій яркимъ лучомъ изъ-за угла снопъ прожектора ослѣпилъ и заставилъ прижаться къ стѣнѣ.

Привыкшій ко всему солдатъ раскурилъ папироску и опять заговорилъ:

— На зарницу похоже, только бѣлѣе ея... Когда хлѣба спѣютъ, зарница часто гуляетъ...

Опять стемнѣло. Прошли еще саженъ сто и спустились въ землянку, глянувшую просторной и уютной послѣ тѣсной канавы и мрачныхъ развалинъ мертваго города.

— Неужели не туда попали...

Слабый отсвѣтъ масляной лампы, падавшій на группу людей, склонившихся надъ чайникомъ и кружками—выдѣлялъ два лица: тонкихъ, загорѣлыхъ, съ голубыми глазами, съ бритыми подбородками.

«Не наши... германцы...»

Только привѣтливый окликъ вывелъ изъ оцѣпенѣнія:

— Пожалуйте, пожалуйте на огонекъ... Сегодня не васъ первыхъ Богъ посылаетъ.

Жившіе въ землянкахъ артиллеристы потѣснились, дали мѣсто и когда мы опустились на солому—оказался «полный комплектъ народу».

— И рады бы еще кого принять, да хоромы не пустятъ...—офицеръ сполоснулъ кружку, налилъ чаю и передалъ гостю.

— Смотрите на нѣмцевъ?.. Перебѣжчики... Часа полтора, какъ привели... Говорятъ, давно собирались, да все не удавалось... Спросите ихъ, сами разскажутъ.

Встревожившіеся при нашемъ появленіи нѣмцы казались успокоившимися и, поблагодаривъ офицера за чай, вернулись къ разсказу о своихъ похожденіяхъ.

Оба изъ Познани, родственники. Сражались больше на нашемъ фронтѣ, хотя побывали въ Бельгіи, а недавно и въ Аррасѣ. Что привело ихъ къ русскимъ... Присматриваясь къ лицамъ и прислушиваясь къ голосу, хо-

чется вѣрить, что не врутъ. Слишкомъ жизненъ разсказъ и слова похожи на правду.

— Давно хотѣли сдаться. Ждали только, когда пошлютъ въ сторожевой окопъ... Посылаютъ всегда по двое и рядомъ никого нѣтъ, слѣдить некому... Трудно было сражаться противъ своихъ же, на нашей польской землѣ...

— Главное все-таки не то,—перебилъ офицеръ,—заставили невинныхъ разстрѣливать... Оттого и удрали.

— Господинъ поручикъ говоритъ вѣрно,—подтвердилъ нѣмецъ постарше.

— Нашли на улицѣ двухъ убитыхъ солдатъ... Комендантъ обвинилъ населеніе и велѣлъ разстрѣлять по одному человѣку изъ каждаго дома. На площадь вывели двѣнадцать человѣкъ, разстрѣливали по парамъ... Послѣдняя очередь была за помѣщикомъ и лавочникомъ... А когда все покончили, офицеръ позвалъ меня и товарища и велѣлъ рыть могилу:

— Вы изъ Познани,—вы знаете польскіе обычаи, и сумѣете лучше своихъ похоронить...

— При этомъ офицеръ очень зло смѣялся.

Совсѣмъ просто. Безъ прикрасъ, безъ страшныхъ словъ. Просто, какъ все безчеловѣчное, что дѣлали нѣмцы, безъ нервовъ и сердца, не знавшіе состраданія.

— Надѣлали они намъ переполоху,—будто отгоняя надоѣдливую мысль и умышленно мѣняя разговоръ, замѣчаетъ поручикъ, — попали въ прожекторъ и открылась пальба... Какъ только они уцѣлѣли.

Пока разговаривали, крохотное окошко въ землянкѣ забѣлѣло.

— Вамъ пора, потомъ свѣтло будетъ, не выбраться... За одно и ихъ провести... Заговорились...

Распрощались. Артиллеристы растянулись на соломѣ, а мы, прикрывъ плотнѣе дверь,—добрались ходами до автомобиля.

Утро едва чувствовалось. Холодокъ слѣпилъ глаза и клонилъ ко сну. Въ окопахъ вѣрно умучились и теперь только изрѣдка перекидывались ружейными залпами, словно спросонку, когда испуганный человѣкъ вскрикиваетъ, а потомъ, успокоившись, снова погружается въ сонъ.

Въ Августовскихъ лѣсахъ.

Разсказъ одного изъ семерыхъ.

На перевязочный пунктъ привели раненаго.

Онъ вошелъ въ маленькую свѣтлую комнату, обвелъ кругомъ мутнымъ взглядомъ и опустился на лавку.

— Куда тебя?

— Въ плечо.

— Давно?

— Дней шесть назадъ.

— Почему жъ ты до сихъ поръ не пришелъ на перевязку?

— Далеко было идтить...

И солдатъ разсказалъ, откуда онъ пришелъ.

Онъ двадцатаго корпуса, окруженнаго нѣмцами и пробивавшагося до послѣднихъ силъ.

Когда отрѣзанные отъ своихъ, полки грудью прокладывали дорогу, шли безъ отдыха днемъ и ночью, навстрѣчу нѣмецкимъ орудіямъ и пулеметамъ, когда не стало ни кухонъ, ни обозовъ и каждый долженъ былъ заботиться о себѣ,—одна изъ ротъ, отбившись отъ своихъ, проскочила и затерялась въ лѣсу. Много ли осталось отъ роты—солдатъ не знаетъ, но ихъ собралось семеро.

— По одиночкѣ и небольшими партіями пробираться лучше... Шли третьи сутки. Гдѣ было—копали картошку, а то больше остатками сухарей, да талымъ снѣгомъ

кормились. Смотримъ—деревня. Мы ползкомъ къ ней. Рѣшили такъ: если нѣмцы—сдадимся, если ихъ нѣтъ—попросимъ пріюта. Только слышимъ шумъ, а потомъ кто-то какъ вскрикнетъ, даже въ глазахъ помутилось. Подползли ближе, видимъ—стоитъ нѣсколько нашихъ солдатъ со связанными руками и нѣмцы имъ горло перерѣзываютъ. Страхъ взялъ... Куда угодно, только не къ нѣмцамъ. Притаились, а какъ стемнѣло, выслали одного и приказали постучаться въ хату. Посчастливилось... Хозяинъ-полякъ принялъ, далъ хлѣба и спряталъ на чердакъ.

Солдатъ остановился, будто припоминая и, отпивъ изъ поставленной ему кружки, продолжалъ:

— Съ дороги утомились. Какъ легли, такъ и уснули. Сколько времени прошло—незнаю, только чувствую, что кто-то меня за рукавъ дергаетъ. Очнулся—узналъ хозяина. Говоритъ, что пришелъ нѣмецкій разъѣздъ, остановился у него въ избѣ и велѣлъ зажарить индюка...

Полякъ сообщилъ солдатамъ, что нѣмцы сидятъ за столомъ, а ружья сняли и сложили въ сосѣдней комнатѣ. Условлено было такъ: когда индюкъ будетъ поданъ и нѣмцы примутся за ѣду, хозяинъ дастъ знакъ и солдаты, окруживъ домъ, выстрѣлятъ въ окна, а двое войдутъ въ комнату. Такъ и сдѣлали. Едва нѣмцы принялись за индюка, какъ изъ двухъ оконъ дали по залпу и пятерыхъ сразу уложили.

— Я, какъ унтеръ, взялся съ товарищемъ войти въ комнату... Когда наши выстрѣлили, открылъ дверь и вижу, большой нѣмецъ мечется по хатѣ, схватилъ ножъ, и на хозяина. Тутъ я нѣмца штыкомъ и уложилъ..

Разъѣздъ былъ убитъ... Другіе послѣ этого позаботились бы только о себѣ. Не то сдѣлали солдаты.

— Надо было крестьянина выручать,—говоритъ унтеръ-офицеръ.—Первымъ дѣломъ вынесли изъ избы

нѣмцевъ и въ сторонкѣ зарыли. Вытерли полъ, все какъ слѣдуетъ, чтобы никакихъ подозрѣній на поляка не упало... Потомъ вмѣстѣ съ хозяиномъ покончили индюка и скорѣй въ дорогу.

Августовскіе лѣса.

Солдаты пробирались черезъ топи, вязли въ болотахъ, шли наугадъ. На дорогу боялись выходить, чтобы снова не напороться на нѣмцевъ. Прошли верстъ пятнадцать — слышатъ топотъ, кто-то ѣдетъ. Залегли, стали ждать. Рѣшили — если не больше семи человѣкъ стрѣлять, больше—схорониться. Показался нѣмецкій разъѣздъ изъ шести всадниковъ. Дали залпъ. Пятерыхъ убили, одного ранили... Смѣнили свои ружья на нѣмецкія, такъ какъ патроны были на исходѣ и снова въ путь.

На слѣдующій день та же исторія.

— Опять заслышали топотъ, опять постановили, коли много нѣмцевъ, нишкни, коли подъ силу будетъ— стрѣляй. На этотъ разъ ошибка маленькая вышла: на дорогу выѣхало три нѣмца и, обрадовавшись, мы ихъ подстрѣлили. А, когда нѣмцы повалились, слышимъ топотъ еще сильнѣе и мимо насъ человѣкъ пятнадцать проскакало. Дѣлать было нечего, дали вдогонку. Человѣкъ шесть еще сняли, остальные скрылись.

Все это происходило въ тылу у нѣмцевъ. На пятый день солдатики вышли изъ лѣса и услышали пальбу. Вблизи шелъ бой. Черезъ голову летѣли снаряды, но «семеро» такъ расхрабрились, что шли напрямикъ, навстрѣчу русскимъ выстрѣламъ. Тутъ-то и ранило унтера. Товарищи помогли. Впотемкахъ солдаты проскользнули черезъ нѣмецкія цѣпи и пришли къ своимъ.

Ихъ было семеро. Они отбились отъ полка и, не зная дороги, сами развѣдывая и разспрашивая, а въ лѣсу

прямо по солнцу и проложеннымъ колеямъ, шли къ тѣмъ, кто бился противъ нѣмцевъ. Когда раненый унтеръ-офицеръ разсказывалъ о своихъ приключеніяхъ, у него это выходило такъ просто и обыкновенно, какъ будто бы они «семеро» не сдѣлали никакого подвига. Сперва убили шесть нѣмцевъ, потомъ еще шесть и еще девять. Пробыли пять дней въ непріятельскомъ тылу и прорвались къ своимъ. Все судьба—и что полякъ-хозяинъ схоронилъ и что живыми къ своимъ вернулись.

Иначе оно и не могло быть: каждый, дескать, на нашемъ мѣстѣ поступитъ также.

За ними пробивался корпусъ. Шли какъ въ коридорѣ между нѣмцами, днемъ и ночью, оставляя за собою мертвый слѣдъ. Все разстрѣляли. Спѣшили занять окопы передъ лѣсомъ, а подошли—въ нихъ оказались нѣмцы—опередили.

Въ Карпатахъ.

Изъ Варшавы на Тарновъ.

Послѣ долгаго бзурскаго сидѣнія отважился проѣхать въ Карпаты, гдѣ наша армія, черезъ снѣговыя вершины и крутые перевалы, казавшіеся недоступными, продвигались въ Венгрію.

Сто верстъ отъ Варшавы до Радома, по укатанному, гладкому шоссе, промелькнули незамѣтно. Въ памяти остались только склонившіеся къ землѣ, подрубленные, столѣтніе тополя. Ихъ постигла та же участь, что и старыя деревья Булонскаго лѣса. Они мѣшали и ихъ срубили.

За Илжей, верстахъ въ полутораста отъ Варшавы, картина мѣняется. Сперва появляются грязноватыя прогалины, а потомъ, когда автомобиль, преодолѣвъ нѣсколько подъемовъ и спусковъ, вкатывается на просторъ, открываются широкія дали и откуда-то неожиданно вырастаютъ отроги горъ, бѣлѣющіе по верхушкамъ снѣговыми пятнами. Дорога становится хуже, автомобиль идетъ по талому снѣгу, обдавая кругомъ жидкой грязью.

Минуемъ руины стараго илжинскаго замка, забравшагося на вершину дикой скалы, проѣзжаемъ мимо покрывшагося мхомъ островецкаго костела, четвертую сотню лѣтъ собирающаго подъ свои высокіе своды богомольцевъ, и достигаемъ наконецъ Сандоміра.

Манящій издали своими бѣлыми домиками и стрѣльчатыми башнями, уютно прилѣпившійся на склонѣ горы, городокъ этотъ нисколько не измѣнился со времени посѣщенія австрійцевъ. Та же непролазная грязь, вѣроятно, годами отстаивающаяся на улицахъ, такъ же переполнены сырыя и затхлыя корчмы, именующіяся почему-то «польскими гостиницами», и та же свора снующей по улицамъ еврейской бѣдноты.

Солнце спряталось и городокъ погружается во мракъ. Изъ костела доносится однотонное пѣніе женскихъ голосовъ.

За костельной оградой свѣжая могила, обнесенная деревянными столбиками. Въ ней похороненъ докторъ Глибовскій, убитый австрійцами въ погребѣ.

Поднялись рано. Сырой погребъ, который содержатель корчмы почему-то назвалъ шикарнымъ кабинетомъ, совсѣмъ не располагалъ ко сну. Съ вечера его долго натапливали, но ни дрова, ни человѣческое дыханіе—ничто его не согрѣло, и мнѣ и моему спутнику, англійскому корреспонденту, всю ночь на лицо падали холодныя капли съ потолка.

Едва свѣтало, когда автомобиль, переѣхавъ черезъ мостъ, кряхтя и подскакивая, пробирался по узкой и вязкой дамбѣ на ту сторону Вислы.

Въ Галиціи въ февралѣ уже весна. Тающіе снѣга и горные потоки разлились по дорогамъ, затопили поля и вздули рѣки. На Санѣ снесенъ мостъ, телѣги тонутъ въ грязи, а автомобиль идетъ прямо какъ по морю и изъ подъ колесъ брызжутъ фонтаны.

Нѣмецкія физіономіи мелькаютъ изрѣдка.

За Тарнобжегомъ мѣстность люднѣе и населеннѣе. Голыхъ пустырей меньше, деревни чаще и почти въ каждомъ окошкѣ непремѣнно либо образъ Ченстохов-

ской Божьей Матери, либо раскрашенныя гипсовыя изображенія Святыхъ.

Деревни цѣлехоньки. На всемъ пути до Мелицъ не разрушено ни одной избы, а вытянувшіеся къ небу костелы даже не поцарапаны. Мимо нихъ проходили русскія войска, но они не разрушали храмовъ и не жгли деревень.

И вспоминается другой путь, позорный и варварскій, залитый кровью и освѣщенный огнемъ пожаровъ, проложенный черезъ польскія деревни и города солдатами императора Вильгельма.

Пути двухъ армій были различны.

Въ горахъ.

За Мельцемъ вынырнули отроги Карпатъ, далеко синѣющихъ своими вершинами. Дорога становится глаже и лучше, тянется между Вислокой и желѣзнодорожной вѣткой и съ каждой верстой ближе весна. Горный вѣтеръ несетъ ароматъ хвои, по низинамъ плескаютъ ручьи, и только въ лѣсу на тѣневой сторонѣ подъ старыми соснами залежался пожелтѣвшій снѣгъ. Со скатовъ потекли ручьи, залили дороги.

Навстрѣчу попадаются казачьи разъѣзды, идутъ обозы, за деревней стоитъ кавалерія.

Дальше на западъ галиційскія деревни богаче, больше каменныхъ домовъ, школьныхъ и сокольскихъ зданій, но за то чаще встрѣчаются хмурые, толстые австрійцы и молодые люди въ высокихъ кепи.

Сдѣлавшая болѣе трехсотъ верстъ по скверной дорогѣ машина требуетъ передышки. Задерживаемся въ деревнѣ около Дембицъ. Высыпали всѣ отъ мала до

велика, окружили, стараются помочь, спрашиваютъ, издалека ли ѣдемъ.

— Австрійцы отъ васъ давно ушли?..

— Мы ихъ забыли, пане.

— Что же у васъ мужчинъ такъ мало?..

— Кто на работахъ—дороги чинятъ, а кого въ войска забрали.

Проѣхали еще верстъ тридцать. Миновали Дембицу, со сгорѣвшимъ кварталомъ и магазинами, украшенными австрійскими гербами, и шлепая колесами по талому снѣгу, стали круче забираться въ горы Маленькой Пильзны.

Она спряталась въ котловинѣ, прилѣпилась по утесамъ и незамѣтна даже въ полуверстѣ.

Она на пути къ Тарнову и Кракову и въ обычное время въ ней, вѣроятно, никто не задерживался, да и нечего было тутъ дѣлать. Десятка три каменныхъ домовъ, деревянныя, еврейскія лавченки, неизмѣнная площадь, на которую съѣзжаются раза два въ недѣлю торговцы и крестьяне, и скромный костелъ, съ жалобными часами, счета которыхъ я при всемъ желаніи не могъ уразумѣть. Началъ было считать—пробили четырнадцать, а черезъ четверть часа—семнадцать, такъ ничего и не понялъ.

Со вчерашняго дня потекли снѣга, разлились рѣки и изъ-за горъ встало желтое, яркое солнце. Оно натворило много бѣдъ: разливомъ снесло мосты, и затопило дороги, но оно такъ славно пригрѣло, что скрасились даже непріятности.

Въ маленькой комнатѣ, за свѣчкой, поставленной по военному въ бутылку,—не сидѣлось. Со стѣны глядѣлъ портретъ гладко причесанной дамы, а рядомъ въ каморкѣ еврея монотонно плакалъ ребенокъ.

Вышли на улицу, какъ были, безъ пальто, въ од-

нихъ куртках. Холода не чувствовалось. На поворотѣ откуда-то донеслось пѣніе. Оно слышалось изъ открытаго окна.

Двери убраны ельникомъ, прибиты зеленые кресты. Походная церковь.

Въ небольшой, съ низкимъ потолкомъ комнатѣ, шла вечерня. Молились одни солдаты. Впереди нѣсколько офицеровъ. Устроена по военному, но съ любовью. Передъ налоемъ на стѣнѣ длинные переносные образа. Окружены зелеными гирляндами. Въ углу высокій крестъ изъ елки и стѣны тоже убраны хвоей. Теплятся свѣчи.

Молодой священникъ ясно и громко читаетъ молитвы, солдаты поютъ. Молятся не по городскому, не для того, чтобы отбыть обязанность, а по настоящему, для успокоенія и облегченія души.

Въ горахъ несется гулъ войны,—оттуда пришли и туда завтра уйдутъ солдаты. Послѣ вечерни они будутъ исповѣдаться, на утро причастятся, а потомъ на смѣну пришлютъ товарищей.

И голоса изъ церковной комнаты разносятся въ австрійской Пильзнѣ.

«Помилуй насъ, Боже, помилуй насъ»...

Огоньки восковыхъ свѣчекъ падаютъ на лица солдатъ и они сами теплются, какъ свѣчички. Жизнь на войнѣ, да еще въ новой обстановкѣ, среди горъ, въ чужой странѣ—многому научитъ, многое объяснитъ.

Вспомнились слова, услышанныя наканунѣ отъ командующаго, Радко-Дмитріева:

«Воюемъ въ постѣ и молитвѣ».

Сидѣли за столомъ. Солдатъ подавалъ ужинъ. Селедка, картошка, яичница.

«Не обезсудьте, живемъ скромно».

И скромность эта во всемъ.

Штабы пріютились въ избахъ, въ лучшемъ случаѣ въ двухъ-трехъ маленькихъ комнатахъ. Единственное развлеченіе—Тарновъ, гдѣ можно за чашкой кофе или стаканомъ чая прочесть кіевскія и львовскія газеты.

Въ Тарновѣ.

Австрійцы недалеко за Тарновымъ. Ихъ закрываютъ отъ насъ цѣпи горъ и они растянулись въ низинахъ, защищая дороги къ Кракову. Не зная, на чемъ отыграться, они вздумали бомбардировать вокзалъ. Перевезли свою тяжелую батарею, нѣсколько дней кряду выпускали шестнадцатидюймовые снаряды по тарновскому вокзалу и разбрасывали эти громады вѣромъ по нашему фронту.

Шестнадцатидюймовки — новость даже по сравненію съ привычными нѣмецкими чемоданами. Каждый выстрѣлъ изъ такого орудія стоитъ около пяти тысячъ рублей. Снарядъ вѣситъ сорокъ два пуда, длина его сто пятьдесятъ пять сантиметровъ, діаметръ сорокъ два. Въ немъ заложено восемь пудовъ динамита.

Наслушавшись такихъ ужасовъ о новыхъ австрійскихъ чемоданахъ, думалъ найти вмѣсто вокзала груду развалинъ и незамѣтилъ, какъ подъѣхалъ къ красивому желтоватому зданію.

— Гдѣ вокзалъ?

— Да вы противъ него стоите...

— Но вѣдь станція разрушена?

Полусонный часовой посмотрѣлъ въ горы и замѣтилъ:

— Стрѣлять—стрѣляли, а только вреда мало: потолокъ обсыпался, да ямъ на рельсахъ понадѣлали...

Въ самый городъ залетѣло всего два снаряда. Во-

ронки такія глубокія, что человѣкъ въ нихъ скрывается съ головой.

— Два мѣсяца мы тутъ смѣняемся на караулѣ...— отъ скуки вступаетъ въ разговоръ солдатъ.—Когда начали снаряды пускать, дѣйствительно, сначала ушамъ ничего не было слышно, а потомъ привыкли... Гулко летитъ, только проку отъ него мало, рѣдко попадаетъ. Охота изъ-за этого зря безпокоиться...

Философъ, не устрашившійся шестнадцатидюймовыхъ снарядовъ, оказался хохломъ.

— Мы черниговскіе... изъ хохловъ...—и невозмутимо продолжалъ шагать по перрону.

Въ горахъ что-то грохнуло, прокатилось и донеслось до города. Выстрѣлъ повторился и съ нашей стороны тоже отвѣтили.

Тарновъ живетъ по военному. Предмѣстье кишитъ мелкими торговцами, еврейской бѣднотой. Въ каждомъ даже развалившемся домѣ, непремѣнно лавчонка съ какой-нибудь завалью, на улицахъ лотки съ булками, кусками мяса и табакомъ, среди обозныхъ и солдатъ снуютъ темныя личности, предлагающія свои услуги.

На Краковской—главной—улицѣ высокіе каменные дома, лучшіе магазины, кафе и рестораны.

Нѣмцевъ осталось мало. Правда, на каждомъ шагу бросаются въ глаза австрійскія шапки и на городскихъ полицейскихъ, и на застрявшихъ мелкихъ чиновникахъ, и на головахъ школьниковъ. По-нѣмецки говорить остерегаются.

Совершенно особенное удовольствіе подъ звуки австрійской пальбы сидѣть въ вѣнскомъ кафе, за чашкой кофе, поданнаго въ пузатенькихъ толстыхъ чашечкахъ, такихъ же солидныхъ, какъ и вѣнки, прогуливающіяся по Пратеру.

Прежній владѣлецъ сбѣжалъ и въ кафе сейчасъ

бойко торгуетъ бывшій варшавскій актеръ. Его два сына поступили чисто по-американски и прислуживаютъ за столиками.

Цѣлый день полно. Заходятъ поѣсть офицеры, врачи, сестры милосердія, рядомъ за столиками, на плюшевыхъ диванахъ пьютъ кофе тарновцы, постоянно забѣгаютъ мальчишки-газетчики, появляется упитанный австріецъ съ афишами, оповѣщающими о концертѣ русскаго піаниста. Молодые люди не успѣваютъ подавать, а на голодный желудокъ недурно сходятъ даже тѣ невзыскательныя блюда, которыя, приноравливаясь къ имѣющейся провизіи, изобрѣтаетъ варшавскій актеръ.

— Странно чувствовать себя за границей господиномъ,—слышу за собой голосъ сестры милосердія.— Въ прежнее время пріѣдешь и по своей скромности остаешься послѣднимъ изъ послѣднихъ, а тутъ еще кругомъ на тебя пальцемъ тычутъ: «Русскій, молъ,—диковина»... А сейчасъ хозяева положенія...

Противъ кафе большое, красное зданіе на двѣ улицы. Бывшее собраніе уланскаго полка графа Шварценберга.

— Самый богатый полкъ,—объясняютъ поляки,— каждую субботу офицеры обязательно ѣздили ужинать въ Вѣну... Отсюда экспрессъ до австрійской столицы всего семь часовъ.

Нѣкоторые изъ этихъ уланъ попали въ плѣнъ подъ Краковомъ и проходили черезъ тарновскія улицы мимо своего собранія. Дѣлая непринужденный видъ, они раскланивались со старыми знакомыми.

На Дунайцѣ.

Дорога отъ Тарнова подъ обстрѣломъ. Сопровождающій меня офицеръ то и дѣло указываетъ на слѣды отъ тяжелыхъ снарядовъ, но впереди развертывается такая ширь и отроги Карпатъ такъ живописно разбросаны, что хочется, не отрываясь, глядѣть на совершенно особенную, боевую обстановку, непохожую на однообразіе варшавскихъ позицій.

Гдѣ-то, внизу, ставшая исторической Горлица. Ее освятила мученическая кровь разстрѣляннаго священника Сандовича и оросили слезы нашихъ кровныхъ братьевъ.

За высокой стѣной, за рядомъ хребтовъ—Краковъ.

Мелькаютъ фигуры казаковъ, быстро освоившихся въ горахъ и лихо взбирающихся на своихъ маленькихъ лошадкахъ на высокія кручи. У выступовъ пристроились обозы и артиллерійскіе парки. Со стороны дороги они загородились соломенными стѣнами и изъ-за нихъ выглядываютъ лошадиныя морды.

Поднимаемся въ гору. Офицеръ указываетъ на западъ.

— Тамъ, въ Радловскомъ лѣсу, верстахъ въ двѣнадцати отъ Тарнова, спрятана у австрійцевъ шестнадцатидюймовая батарея. Когда они выпускаютъ по городу свои громады—узнаемъ по звуку. Такой снарядъ летитъ секундъ сорокъ.

Резервные окопы. Солдаты относятся къ нимъ очень пренебрежительно и резервную линію копаютъ неохотно. У нихъ на этотъ счетъ свои резоны:

«Чѣмъ въ тылу окапываться—проще впередъ итти»...

Кругомъ рытвины.

— Сейчасъ идемъ подъ обстрѣломъ восьмидюймо-

вокъ. Тутъ когда-то были австрійцы. Не забуду, какъ они бросали ружья и ложились въ этихъ окопахъ на чрево... Ляжетъ—и ждетъ, пока къ нему не подойдутъ...

Офицеръ, участникъ недавнихъ боевъ, вспоминаетъ красивые эпизоды.

— Съ однимъ полкомъ тутъ заминка вышла—дрогнули. Подъѣзжаетъ верхомъ корпусный командиръ и, врѣзываясь въ цѣпь шедшихъ въ атаку, здоровается съ солдатами.

«Здорово, молодцы! Что не весело отвѣчаете?»

— Поди-ка сюда, молодецъ,—подзываетъ онъ замѣшкавшагося солдата. Ты сколько австрійцевъ заберешь... Смотри, чтобы не меньше десятка.

Находчивость и смѣлость генерала—это былъ Абрамъ Драгоміровъ, нѣсколько во время брошенныхъ фразъ, самый видъ командира, не оставившаго сѣдла подъ непріятельскими выстрѣлами,—сдѣлали свое. Солдаты ободрились, взяли гору и, разсыпавшись, кинулись въ австрійскіе окопы.

Геройскими подвигами славенъ походъ черезъ Карпаты.

— Тамъ за горой стоитъ Ступинскій полкъ. Его такъ и называютъ по имени командира Ступина...—Это нашъ герой. Недавно награжденъ Георгіемъ третьей степени. Австрійцы его хорошо изучили... Гдѣ Ступинъ, тамъ они не медлятъ сдаваться.

* * *

Самое интересное на войнѣ—наблюдательный пунктъ. Онъ всегда передъ лицомъ непріятеля, вблизи передовыхъ окоповъ, либо въ какомъ уютномъ мѣстѣ, гдѣ можно примостить треножникъ съ биноклемъ и устро-

иться такъ, чтобы видѣть врага, но быть для него не замѣтнымъ.

Наблюдатель руководитъ артиллерійскимъ огнемъ, видитъ, куда падаютъ снаряды, какое они производятъ дѣйствіе и, если впереди ровная мѣстность, ни одинъ шагъ непріятеля не ускользнетъ.

Съ восторгомъ всегда я слушалъ разсказы наблюдателей и завидовалъ, что они видятъ «настоящихъ» нѣмцевъ и «настоящихъ» австрійцевъ, не безоружныхъ и раненыхъ, а среди своихъ, въ боевой обстановкѣ, подкарауливающихъ русскихъ, также, какъ и они ихъ.

Въ Карпатахъ, благодаря сравнительному затишью, давнишнее желаніе мое исполнилось.

— Вы что, собственно, хотите видѣть,—спросилъ коренастый полковникъ, руководившій около батареи стрѣльбой по австрійскому аэроплану.

— Ужъ коли смотрѣть—такъ живыхъ австрійцевъ, только не плѣнныхъ...

— А который теперь часъ... Они аккуратно въ половинѣ второго пальбу открываютъ.

Часъ оказался подходящимъ—и полковникъ сталъ объяснять артиллеристу, какъ надо провести на наблюдательный пунктъ.

— Прямо не идите, сразу обстрѣляютъ... Возьмите въ обходъ по межѣ, а какъ спуститесь подъ горку, ползкомъ къ траншеѣ. Тамъ увидите. Только гуськомъ не ходите, шаговъ на пять одинъ отъ другого...

Солдатъ переспросилъ и, когда уяснилъ, двинулись въ путь.

Приходилось подниматься по вспаханному полю, перескакивать черезъ канавы и обходить колоссальныя воронки, вырытыя тяжелыми снарядами.

— А далеко непріятель?

— Меньше версты будетъ...—и проводникъ скомандовалъ раздѣлиться.

Выстрѣлъ... За нимъ щелкнули залпомъ... Другой, третій...

— Австрійцы?

— Нѣтъ, наши... Забавляются отъ скуки...

Наблюдательный пунктъ былъ совсѣмъ близко и оставалось только перебѣжать по открытому полю нѣсколько десятковъ шаговъ до траншеи. Согнувшись, стали перебѣгать. Прошло, вѣроятно, не больше двухъ минутъ. Я ничего не слышалъ, только сладко ныло сердце отъ сознанія, что сейчасъ увижу австрійскіе окопы, буду глазами по ту сторону Дунайца.

Наконецъ траншея. Узкая, едва для одного человѣка, такъ вырытая, что можно итти, нагнувъ голову. Боже избави, высунуться. Съ того берега сразу «снимутъ», да и бѣды надѣлаешь: откроешь наблюдательный пунктъ. Онъ очень удачно выбранъ и его хозяинъ, артиллерійскій поручикъ, прекрасно знаетъ, что дѣлается на той сторонѣ и въ любой моментъ можетъ накрыть австрійцевъ. Стоитъ имъ днемъ выглянуть или затѣять въ тылу передвиженія—наши орудія не долго будутъ церемониться.

Въ концѣ траншеи на треножникѣ укрѣпленъ цейссовскій бинокль. Передъ нимъ прилаженъ стулъ, а по бокамъ прорыты землянки для дежурныхъ. На соломѣ двое солдатъ. Они забрались въ глубь и прислушиваются, не прогремитъ ли подъ горой. Надъ траншеей небо; она на самомъ хребтѣ. Дальше спускъ, по откосу наши передовые окопы, Дунаецъ, а на томъ берегу—австрійцы.

Всматриваюсь въ бинокль. Такія же горы и спуски, какъ и позади. Въ отдаленіи костелъ, поселокъ, фабричныя трубы, мелкій кустарникъ, разбросанные домики.

— Нашли окопы,—спрашиваетъ наблюдатель...— переведите удобнѣе для глазъ.

Слѣдую совѣту, напрягаю зрѣніе и, наконецъ, улавливаю длинные ряды проволочныхъ загражденій. Они на самомъ берегу блестятъ подъ косыми лучами солнца и, кажется, будто это не проволока, а ружья, поставленныя въ козла.

За проволокой канава, передъ ней насыпь... Австрійскіе окопы. Не больше полверсты. Поворачивая бинокль, можно прослѣдить, гдѣ они кончаются. Видно все до мельчайшихъ подробностей: какъ маскированы, какъ неровно сбрасывалась земля, какъ проложена къ нимъ кухнями колея. Они подвозятъ обѣдъ ночью, но слѣдъ виденъ и идетъ къ срединѣ окоповъ.

Во фланговомъ окопѣ, который наискось къ наблюдательному пункту, кто-то зашевелился. Вылѣзли двѣ фигуры. Австрійскія кепи. Одинъ солдатъ что-то передаетъ другому, тотъ беретъ и быстро прячется... Снова никого, снова мертвый окопъ. Но вѣроятно было неловкое движеніе, а можетъ-быть кто-нибудь высунулся. Наши замѣтили и дали залпъ.

Обратно прошли другой дорогой. Сразу спустились подъ гору и сдѣлались незамѣтными и мало уязвимыми для австрійцевъ. Уклонъ, правда, изрытъ снарядами, но сегодня пальбу еще не открывали и потому, сравнительно, безопасно.

— Хоть и жутко,—сознается офицеръ,—но я ни за что не вернулся бы на батарею... Тамъ работаешь въ темную, а у меня за треножникомъ каждую минуту видишь непріятеля и иной разъ такъ увлечешься, разглядывая и выслѣживая, что забудешь о пролетающихъ надъ головой снарядахъ. Тоже спортъ...

Наши и австрійскіе окопы такъ близко сошлись на

берегахъ Дунайца, что каждое движеніе непріятеля дѣлается замѣтнымъ.

— Вчера рота солдатъ проходила изъ бани. Австрійцы подкараулили и рѣшили, что наступленіе. Сразу заработали на всѣхъ батареяхъ. Въ теченіе полутора часа выпустили до двухъ тысячъ снарядовъ и до того изборождили землю вокругъ нашихъ орудій, что къ нимъ пришлось скакать черезъ ямы.

— Многихъ убило?

— Какое тамъ, человѣкъ двадцать, не больше... И ни одно орудіе не повреждено.

Изъ скромности офицеръ умолчалъ о главномъ. Во время адскаго обстрѣла австрійской артиллеріей, когда къ намъ летѣли снаряды всѣхъ калибровъ, начиная отъ шестидюймовыхъ и кончая шестнадцатидюймовками, когда громъ гремѣлъ и шелъ перекатами по горамъ,— около нашихъ орудій ни на минуту не растерялись. Работа шла такъ же спокойно и хладнокровно, какъ будто бы непріятель молчалъ. Солдаты подносили динамитные стаканы, заряжали орудія, телефонъ съ наблюдательнаго пункта непрерывно давалъ указанія, офицеры руководили стрѣльбой. Все больше молодежь, пылкая, самолюбивая, не поддающаяся паникѣ, сдерживающая своимъ примѣромъ нижнихъ чиновъ.

— Была пальба... По отдѣльнымъ фигурамъ австрійцы выпускали десятки гранатъ. Кавалеристъ-развѣдчикъ сбился съ дороги. Его замѣтили изъ-за горъ и выпустили одинъ за другимъ двадцать восемь снарядовъ. По счастью ни одинъ не задѣлъ и онъ вернулся даже не поцарапаннымъ.

Офицеръ повелъ меня показывать слѣды снарядовъ и обратилъ вниманіе, что въ одномъ мѣстѣ земля въ мелкихъ рытвинахъ.

— Въ каждой ямкѣ, непремѣнно осколокъ...

Разрылъ шашкой землю и въ нѣсколькихъ мѣстахъ вытащилъ по куску желѣза.

— Это слѣды шестидюймовокъ...

Наши орудія поблескиваютъ на пригоркѣ. А за ними, будто кто пруды рылъ. Въ воронку набралось снѣгу, за день онъ растаялъ и солдаты ходятъ сюда бѣлье полоскать. Они ко всему примѣняются и для всего подыщутъ свое названіе.

— Экспрессія идетъ!—выкрикиваетъ наводчикъ и всѣ понимаютъ, что онъ учуялъ австрійскій чемоданъ.

Восьмидюймовые окрестили «Бертой», а шестидюймовки называютъ «тетей».

— Тетя—та по родственному, легко бьетъ...

Когда мы отошли въ сторону, солдаты чѣмъ-то занялись и около орудій послышалось звяканье. Я долго не могъ понять въ чемъ дѣло. Не то снаряды разбиваютъ не то камнями кидаются.

— Попа поставь!.. Чего повалилъ попа...

— А ты лучше цѣль, тогда сразу вышибешь.

Солдаты играли въ городки, замѣнивъ ихъ не разорвавшимися стаканчиками отъ австрійскихъ снарядовъ. Играли всерьезъ, радуясь своей забавѣ и забывъ, что въ полуверстѣ австрійцы.

Спустились въ землянки. Устроены по всѣмъ правиламъ искусства. Полъ и стѣнки устланы соломой, въ нишѣ прилажена печка, въ углу привѣшано зеркальце, въ другомъ въ порядкѣ сложены котелки, а за бревна, служащія сводомъ, заложены валенки и тулупы. Совсѣмъ, какъ у себя въ избѣ въ деревнѣ. Видно, что солдатамъ хотѣлось создать уютъ и такъ устроиться, чтобы окопы хоть чѣмъ-нибудь напоминали родной уголъ. Даже окошко смастерили, стекло вставили и землянка ожила.

— На австрійца въ окошко смотримъ, мы безъ него жить не можемъ...

Отдыхъ въ землянкѣ, городки изъ снарядовъ, безобидная шутка—все это разрѣшается въ часы затишья, когда не предвидится наступленія и когда съ той стороны Дунайца не обсыпаютъ градомъ.

— Къ ночи голова отъ пальбы сильно болитъ, а такъ ничего, привыкли....

Пока стояли около батарей, со стороны Кракова показался аэропланъ. Капитанъ скомандовалъ приготовиться, номерные заложили снарядъ и замерли. Австрійскую птицу подпустили ближе и батарейный велѣлъ дать огонь. Солдатъ потянулъ разъ-другой, мелькнуло пламя, и прорѣзывая воздухъ, со свистомъ высоко взвился снарядъ. Онъ обогналъ аэропланъ и разорвался надъ нимъ бѣлымъ облачкомъ. Большая птица заколебалась, затѣмъ выпрямилась, круго свернула и полетѣла назадъ.

Гулъ отъ выстрѣла прокатился по горамъ, а снизу съ рѣки какъ эхо отвѣтила безпорядочная ружейная трескотня.

* * *

На Дунайцѣ воюетъ Радко-Дмитріевъ, именно воюетъ, а не только распоряжается изъ штаба. Онъ часто на позиціяхъ, не пропускаетъ случая поговорить съ офицерами, а у солдатъ установилось повѣріе, что пріѣзды генерала въ окопы приносятъ счастье.

— Какъ ни пріѣдетъ, смотришь—австрійцы и замолчатъ...

Послѣ взятія города, генералъ появляется первымъ, а въ трудныя минуты личнымъ мужествомъ подаетъ примѣръ.

Съ досадой вспоминаетъ Радко-Дмитріевъ отходъ отъ Кракова.

— Обидно, не надо было держать осады, а слѣдовало идти прямо въ ихъ долину... Отходъ нашъ, впрочемъ, не дешево австрійцамъ пришелся—мы набрали больше сорока тысячъ плѣнныхъ.

Десятки тысячъ плѣнныхъ на южномъ фронтѣ во время нашего отступленія вовсе не говорятъ о томъ, что австрійцы приходятъ къ намъ сами и сдаются. Ни чуть не бывало. Русины, поляки, словаки и особенно чехи, сражающіеся въ ихъ войскахъ, дерутся хорошо и упорно, и сдаются только тогда, когда оказываются въ безвыходномъ положеніи.

Лучшій примѣръ—одно изъ дѣлъ подъ Ржуховымъ. Наступали австрійцы. Мы дали имъ контровую и не позволили окопаться. Небольшія и едва начатыя ямки, оставшіяся по склону горы, показываютъ, что австрійцы хотѣли засѣсть въ траншеи, но имъ это не удалось. Наша обходная колонна захватила Ржуховъ и прошла ложбиной. Австрійцы были заняты горячей перестрѣлкой съ тѣми, кто находился противъ нихъ, увѣренные, что ихъ не обойдутъ съ фланговъ. Наши солдаты такъ быстро и густо бѣжали по откосу, что съ наблюдательнаго пункта казалось, будто лежитъ множество убитыхъ. Солдаты замирали на мигъ, а затѣмъ, согнувшись, снова перебѣгали дальше.

— Послѣ этого боя привели браваго оберъ-лейтенанта, раненаго въ щеку на вылетъ. Онъ былъ страшно взволнованъ, держался съ большимъ достоинствомъ и когда его въ штабѣ угостили чаемъ—пришелъ въ себя, и первымъ дѣломъ спросилъ:

«— Какъ вы насъ взяли въ плѣнъ? Мы все предусмотрѣли...

«— А вы не видѣли колонны, которыя перебѣгали справа?—спросили у австрійца.

«— Но вѣдь это было не противъ насъ.

«— Именно противъ васъ.

Оберъ-лейтенантъ задумался, а затѣмъ, какъ бы разговаривая самъ съ собою, процѣдилъ сквозь зубы:

«— Противъ насъ умные полководцы и храбрые русскіе солдаты.

Кажется, въ томъ же бою въ оригинальной обстановкѣ былъ захваченъ венгерскій гусаръ. Онъ забрался на высокій холмъ и, расположившись по-домашнему, считалъ проходившія колонны противника. Венгерецъ, вѣроятно, тоже «все предусмотрѣлъ», но забылъ только о существованіи казаковъ, для которыхъ во время охоты на врага не существуетъ ни холмовъ, ни утесовъ, ни рѣкъ, ни болотъ. Казаки подкрались къ венгерцу и накрыли его живьемъ.

По скользкому спуску возвращались въ Тарновъ.

Гдѣ-то совсѣмъ близко внизу послышался взрывъ и выше деревьевъ выбросило столбъ воды, засвѣтившейся радугой. Фонтанъ взлетѣлъ съ необыкновенной силой и разсыпался мелкими брызгами.

Чтобы могло быть?

Шоффѣръ далъ тормозъ и мы остановились у пруда. Вокругъ толпились солдаты; имъ что-то объяснялъ артиллерійскій офицеръ.

Не успѣли оглядѣться, какъ новый взрывъ и водяной источникъ необычайной силы выкинулся и обдалъ холодной водой.

Учатся метать ручныя гранаты. Во время атакъ на восточномъ фронтѣ гранаты эти въ изобиліи были у нѣмцевъ.

Солдатъ бросаетъ маленькую гранату въ воду, она зарывается, проходитъ секунды четыре ожиданія и, вслѣдъ за глухимъ взрывомъ, на поверхность вылетаетъ водяной снопъ, перехватывающій вершины старыхъ дерезьевъ. Граната взрывается не сразу. Когда ее кидаютъ въ гущу людей, она достигаетъ намѣченной цѣли и, разрываясь на землѣ, съ необычайной силой обдаетъ кругомъ мелкими осколками.

Разрывныя пули, на которыя нѣмцы перешли на нашемъ фронтѣ, съ не меньшимъ успѣхомъ примѣняются и австрійцами. Въ первые мѣсяцы войны наблюдались только единичные случаи примѣненія разрывныхъ пуль. Зато потомъ, почти всѣ поступавшіе въ госпиталя были съ рваными ранами. Въ корпусномъ штабѣ подъ Тарновымъ мнѣ показали захваченныя пулеметныя ленты, снаряженныя только разрывными пулями. Чтобы демонстрировать ихъ дѣйствіе, поставили толстую доску и сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ. Входное отверстіе получалось маленькое, выходное втрое больше съ расщеплинами. Когда раскололи доску, внутри ясно обозначился обожженный разрывъ. Вмѣстѣ съ лентами изъ разрывныхъ пуль въ Карпатахъ захвачено много снарядовъ думъ-думъ. Это по-просту медвѣжій зарядъ, патронъ съ черной приплюснутой головкой, распластывающійся послѣ выстрѣла, разрывающій тѣло, причиняющій необыкновенныя боли, несущій смерть. Ночью разрывныя пули можно узнать по мельканію синенькихъ огоньковъ.

Все это появилось въ изобиліи на галиційскомъ фронтѣ, одновременно съ германскимъ подкрѣпленіемъ.

* * *

Переночевали въ Пильзнѣ. Встали до свѣта. Вмѣстѣ съ шоффером Андріановымъ, сдѣлавшимъ со мною за годъ войны тысячъ двадцать верстъ, около машины суетился россійскій американецъ Свинарченко. Онъ изъ запасныхъ, но по своему облику совсѣмъ не похожъ на солдата. Типичный англичанинъ. Съ бритымъ лицомъ, спокойный, смѣтливый и дѣловой. До войны прожилъ нѣсколько лѣтъ въ Америкѣ и работалъ въ компаніи Эдиссона.

— Двадцать семь центовъ въ часъ получалъ...

Во время похода отпустилъ было усы и бороду, да офицеры посовѣтовали сбрить.

— Ты, говорятъ, Свинарченко у насъ за англичанина и потому долженъ бритымъ ходить.

Моему спутнику, англійскому корреспонденту, Свинарченко доставлялъ большое удовольствіе. Когда свѣчка тухла и нечего было дѣлать, они разговаривали по-англійски и запасной съ грустью вспоминалъ далекую Америку.

— Война кончится, непремѣнно поѣду къ Эдиссону.

Часа полтора шли въ потемкахъ. Въ горахъ солнце поднимается поздно и медленно, а въ это утро сѣрыя тучи особенно мѣшали ему выбраться Обогнали вереницу плѣнныхъ, проскочили между горными отрогами и стали забирать книзу, зачерпывая грязь по невозможнымъ дорогамъ, тянущимся къ Вислѣ.

Деревни въ Западной Галиціи не разрушены, но въ нихъ бѣднота и недостатокъ продуктовъ. Люди имѣютъ видъ полуголодныхъ, дѣти посинѣвшія, безкровныя.

Чѣмъ ближе къ Вислѣ, тѣмъ дорога хуже. Сказывался разливъ. У переправы неожиданность.

— Едва ли доѣдете до мосту,—огорошили рабочіе, на восемь вершковъ противъ вчерашняго вода поднялась.

— Безпримѣрно машину вашу затопитъ...—обрадовалъ другой.

Дѣлать нечего, не дожидаться же, пока вода опустится. Слѣзли, сами пошли черезъ настилъ, а автомобиль разогнавшись, завязъ, въ глинистой дамбѣ. Выкачали воду и, преодолѣвъ препятствіе, перебрались на нашъ старый берегъ къ Сандоміру.

Львовъ и Перемышль.

На Львовъ.

Дорога отъ Варшавы на Львовъ черезъ Люблинъ—лѣтомъ одно удовольствіе. Ровное, накатное шоссе, далеко вытянувшееся ленточкой, на протяженіи десятковъ верстъ, уложенное плитками, охваченное лѣсами, бѣлѣющее по обочинамъ, вишней и раскидистой грушей.

Послѣдній передъ границей—Томашовъ. Онъ попалъ подъ обстрѣлъ и въ немъ много причудливыхъ полуразрушенныхъ домовъ: одинъ совсѣмъ сквозной, другой безъ крыши, но съ уцѣлѣвшими балконами, третій открылся передней стѣной и обнажилъ комнаты съ полной обстановкой, спальню съ постелями, столовую съ буфетомъ.

Еще семь верстъ и столбы бывшей границы. Черные и желтые цвѣта австрійскаго флага пережили самихъ австрійцевъ. Таможенные домики глядятъ обгорѣлыми окнами, въ нихъ ни души, а годъ назадъ на гудокъ автомобиля здѣсь появлялся важный чиновникъ въ высокой кепи, разсматривалъ паспорта и щупалъ багажъ.

Жуткое, непріятное безлюдіе. Рѣзкій контрастъ послѣ людныхъ польскихъ городковъ. Поля не запаханы, дома опустѣлые, неосвѣщенныя окна. Ни телѣгъ, ни пѣшеходовъ. Мертвящую тишину нарушаютъ только

пугливыя цапли, едва незадѣвающія васъ широкими бѣлыми крыльями.

Ближе къ Львову — оживленнѣе. Сперва показываются одинокія фигуры галичанъ, въ темныхъ свиткахъ, въ барашковыхъ шапкахъ, пугливо жмутся у домовъ женщины, а съ болота доносится рѣзкое покрятываніе ночной птицы.

Рава-Русская, спаленная по окраинамъ, со множествомъ плѣнныхъ австрійцевъ, свободно разгуливающихъ по городу.

Снова огоньки. Думали Львовъ. Преждевременно. Старый Жолкіевъ. Древнія ворота, что-то вродѣ Кремля и подъ сводами фонарь.

— Никакъ мы въ церковь въѣзжаемъ,—испугался шоффeръ...

Открылась площадь, за высокими стѣнами, успокаивающій своей невычурной красотой — рынокъ: длинный, сводчатый, на манеръ итальянскихъ. Мѣста живописнѣе, хутора, церковки, маленькія, вросшія въ землю, словно просвирки, совсѣмъ такія, какъ у насъ гдѣ-нибудь въ Архангельскѣ или въ скитахъ, по старо-московскому Никоновскому образцу. И въ городкахъ на пути къ Львову—рядомъ съ костелами соборы, да и костелы не такіе, какъ въ Царствѣ Польскомъ, не высокіе, а разложистые, съ причудливыми звонницами.

Верстъ за десять до города, остались ряды проволочныхъ загражденій.

Шлагбаумъ открываетъ типичный нѣмецъ, въ австрійской кепкѣ, а черезъ нѣсколько шаговъ—городовой совсѣмъ такой, какъ на углу Садовой и Невскаго, или въ Кіевѣ на Крещатикѣ.

Огни потушены. Послѣ десяти на улицѣ только военные.

Въ гостиницѣ за пять рублей отвели шикарный номеръ со столомъ по крайней мѣрѣ для засѣданія совѣта министровъ, но за то не дали даже чаю.

* * *

Разбудило яркое солнце. Оно просилось въ комнату черезъ опущенныя занавѣски, заливало улицы, дома, играло на лицахъ прохожихъ и подъ его лучами городъ выглядѣлъ праздничнымъ и нарядным.

Странная смѣсь лицъ и костюмовъ. Дамы, смахивающія на вѣнокъ, шикарные молодые люди, въ лѣтнихъ костюмахъ и бѣлыхъ перчаткахъ и рядомъ казацкая папаха и вереница запыленныхъ, почти бѣлыхъ солдатъ, сопровождающихъ навьюченныхъ лошадей.

Гудки трамвая, выкрики мальчишекъ-газетчиковъ, благовѣстъ храма.

Красивый городъ. Со множествомъ великолѣпныхъ зданій, счастливо избѣжавшихъ декаденщины, съ отличными мостовыми, съ газонами, весь въ садахъ, Львовъ производитъ необыкновенно уютное впечатлѣніе. Напрашивается сравненіе. Бываютъ квартиры, которыя устраиваются однѣ для себя, для своей жизни, другія для чужихъ—на показъ. Такъ и города, одни можетъ быть красивѣе внѣшне, но холодные, непривѣтливые, другіе—собранные въ грудку, умѣло распланированные, сразу располагающіе—такіе, что невольно подумаешь: «какъ хорошо здѣсь жить».

Такой Львовъ.

Прохладныя аллеи большого загороднаго парка съ одуряющими клумбами гіацинтовъ, высокая замковая гора, куда непремѣнно хочется взобраться, чтобы видѣть далеко, далеко, во всѣ стороны. У подошвы желѣзная дорога кажется совсѣмъ игрушечной, въ

другую сторону бѣлой полоской путь къ Перемышлю. А Львовъ подъ ногами и его дома затерялись среди какихъ-то башенъ и куполовъ, среди костельныхъ вышекъ и маковокъ церквей.

Улица не наша—нудная и казарменая, а южная—европейская. Газетчики не спятъ на углахъ,а покрикиваютъ, за автомобилями и экипажами бѣгутъ мальчишки съ полевыми цвѣтами, а на тротуарахъ шумно. И думалось только бы не испортили, только бы не навели ненужнаго убивающаго полицейскаго порядка.

Нѣмецкой рѣчи не слышно. Говорятъ по-польски и по-русски. Никакой подавленности. Побѣдители вовсе не стараются показать себя, а побѣжденные продолжаютъ жить такъ же, какъ жили подъ австрійскимъ владычествомъ; разница только въ томъ, что сперва на перекресткахъ стояли толстые шуцмана, а теперь ихъ замѣнили тощіе городовые, а въ кіоскахъ предлагаютъ не вѣнскія, а наши русскія газеты. Жалуются только на гражданскихъ властей, набранныхъ наскорую руку и непервосортныхъ.

Въ ресторанахъ, кофейняхъ, садахъ—всюду военные. Львовъ для южнаго фронта былъ долгое время тѣмъ же, чѣмъ Варшава для сѣвернаго: сюда пріѣзжали передохнуть съ позицій, сюда изъ Россіи тянулся потокъ женъ, и даже показывались одинокіе туристы. Впрочемъ, туризмъ своеобразный, больше съ цѣлью поразузнать, какъ насчетъ торговли, нельзя ли открыть лавку и чего не хватаетъ. Мелькаютъ картузы, слышатся отрывки дѣловыхъ разговоровъ, а въ вѣнскихъ магазинахъ, оставаясь неизмѣнно вѣрными себѣ, наши милыя дамы раскупаютъ всякую заваль.

Неприступная крѣпость Перемышль.

Могучіе бетонные брустверa, вращающіеся броневыя башни, казематы, напоминающіе грандіозныя катакомбы, форты одинъ другого сильнѣе, глубокіе рвы съ надежнымъ прикрытіемъ для стрѣлковъ, множество разнокалиберной артиллеріи, длинные ряды проволоки на стальныхъ прутьяхъ и въ довершеніе естественныя условія—доминирующіе кругомъ холмы,—все это дѣлало Перемышль неприступнымъ.

Форты крѣпости вынесены далеко за городъ. Къ нимъ надо ѣхать мимо большого полуразрушеннаго моста, опустившагося однимъ краемъ въ рѣку, черезъ поля, мирно запахиваемыя крестьянами, съ философскимъ спокойствіемъ пережившими и осаду, и сдачу крѣпости. Пасутся коровы, во дворахъ куры и утки, и весь видъ этихъ своеобразныхъ деревень, укрывшихся за фортами, точно также и видъ города, мало говоритъ о томъ, что австрійцы находились при сдачѣ въ критическомъ положеніи.

Сами форты, особенно новѣйшіе на южной сторонѣ, производятъ настолько внушительное впечатлѣніе, что поражаешься, какъ можно было сдать такую крѣпость.

Мнѣ удалось бѣгло осмотрѣть крѣпостныя сооруженія и сопровождавшіе меня спеціалисты-офицеры въ одинъ голосъ приходили къ выводу, что сдача Перемышля—была яркимъ свидѣтельствомъ разложенія австрійской арміи. Въ крѣпости сидѣло втрое больше народу, чѣмъ въ лагерѣ осаждавшихъ; въ ней ничего не разрушено, и только полный упадокъ дисциплины и отсутствіе воодушевленія могли выслать въ нашъ лагерь парламентеровъ, предложившихъ сдачу.

Передъ колоссальными бетонными брустверами глу-

бокіе рвы, выложенные кирпичемъ, а еще впереди, въ нѣсколько рядовъ проволока на стальныхъ прутьяхъ и заложенные въ землѣ фугасы. Каждый такой фортъ при умѣлой защитѣ стоилъ бы осаждавшимъ десятки тысячъ жертвъ. Его рвы пришлось бы засыпать трупами, но и тогда оставалась преграда, въ видѣ капониров, заполненныхъ проволокой, гдѣ, какъ въ мѣшкѣ, люди должны застревать и гибнуть, чтобы по ихъ трупамъ другіе, болѣе счастливые, могли наконецъ овладѣть фортомъ.

Въ капонирахъ для обстрѣла внутри рва стоятъ орудія. Въ одну изъ бойницъ попалъ нашъ снарядъ, повредилъ пушку, перебилъ прислугу и послѣ этого австрійцы придумали еще новое укрѣпленіе и стали бетонировать потолокъ и своды.

Хозяева Перемышля заботились, видимо, не столько о крѣпости, сколько о собственной безопасности и послѣдствія сдачи ихъ волновали меньше, чѣмъ плохой обѣдъ и недостатокъ вина и пива. Не довольствуясь бетонными прикрытіями надъ своими казематами, австрійскіе офицеры сдѣлали надъ сводами еще насыпи и навалили на нихъ бревна. Кажется, чего лучше и безопаснѣе, глубоко уходящій въ землю погребъ, съ мощнымъ потолкомъ, вовсе недоступный обстрѣлу, большія просторныя комнаты, множество коридоровъ и переходовъ,—словомъ, все то, о чемъ бы можно только мечтать въ простомъ окопѣ,—и все-таки выше всѣхъ вращающихся башенъ и выше фортовъ былъ выкинутъ позорный бѣлый флагъ не то изъ рубашки, не то изъ другой принадлежности туалета. Его показывали потомъ, какъ историческую рѣдкость, и кусокъ бѣлой матеріи безпомощно болтался на древкѣ, свидѣтельствуя во всякомъ случаѣ не о доблести австрійцевъ.

Почти каждый изъ южныхъ фортовъ цѣлый ла-

герь. По бокамъ башенъ блиндажи для стрѣлковъ, далеко вытягиваются бетонные брустверa, а глубокіе рвы зіяютъ такой пропастью, что кажутся недоступными человѣческой силѣ. Насколько мощны сооруженія нѣкоторыхъ фортовъ Перемышля, можно судить хотя бы по послѣдствіямъ взрыва. Громадной скалой, на которую легко усадить человѣкъ двадцать народу, лежитъ каменная глыба, оторвавшаяся отъ башни и сброшенная къ подножію форта. Кругомъ все засыпано камнемъ и кирпичемъ, а толстыя желѣзныя двери, закрывавшія казематы, выгнулись силою взрыва.

Когда храбрые австрійцы стали взрывать свою крѣпость, на десятки верстъ кругомъ дрожала земля, и каменныя зданія тряслись, какъ картонные домики. Наши офицеры, стоявшіе на позиціяхъ за восемнадцать верстъ, разсказывали, что у нихъ въ избѣ рухнула печка.

Форты повреждены мало, но слѣды разрушенія отъ взрывовъ повсюду. Стѣны нѣкоторыхъ казематовъ разнесены и они стоятъ открытыми, какъ сараи, и зіяютъ дырами, въ которыя смѣло войдутъ два паровоза. Подземныя сооруженія такія, что можно заблудиться. Длинныя каменныя лѣстницы ведутъ въ солдатскіе и офицерскіе казематы, въ склады снарядовъ и пороху, выводятъ далеко впередъ за крѣпость и все ихъ сооруженіе своей солидностью и основательностью говоритъ о томъ, какое значеніе австрійцы придавали крѣпости, попавшей въ неумѣлыя руки.

Въ одномъ изъ казематовъ наши офицеры успѣли собрать маленькій музей. Главная его достопримѣчательность—знаменитый бѣлый флагъ, Его оберегаютъ ручныя гранаты, фугасы, снаряды всѣхъ калибровъ, стальныя стрѣлы, сбрасываемыя съ аэропланов, старые катапульты, не только заржавѣвшіе, но, кажется, покрас-

нѣвшіе отъ стыда—образчики богатаго артиллерійскаго матеріала, которымъ перемышленскихъ героевъ снабдило населеніе, чувствовавшее себя, какъ за каменной стѣной.

Ѣдемъ на слѣдующій фортъ. Гладкое шоссе тянется перекатами черезъ лѣсъ по зазеленѣвшемуся молодняку и когда каменныя громады остаются позади, скрываясь за холмами, забываешь, что въ крѣпости. Такъ хороша природа, и такъ не похожа вся обстановка на то, что подъ бокомъ стоятъ грозные бастіоны.

На высокихъ старыхъ соснахъ прилажены площадки для наблюдателей, какъ большія скворечницы. Въ лѣсу много такихъ вышекъ, а по дорогѣ вездѣ орудія всевозможныхъ калибровъ, старыя и новыя, и цѣлыя и попорченныя.

Останавливаемся у восьмого форта. Онъ изъ старыхъ, съ кирпичными казематами и земляными рвами. Внизу извивается Санъ, гладкій и тихій, напоминающій бѣлое песочное шоссе. Вода застыла и рѣка не шелохнется, только отражаются огни загорѣвшихся по берегу костровъ.

У подножія чернѣетъ проволока и стальные колья, на которыхъ она укрѣплена, торчатъ изъ земли, какъ штыки. Наши окопы были отсюда меньше, чѣмъ въ верстѣ.

Много ли прошло со времени занятія крѣпости, а солдатики уже успѣли обжиться на этомъ нетронутомъ форту. Въ казематахъ пахнетъ щами и солдатской шинелью.

Новые владѣльцы крѣпости собираются ко сну, поютъ молитву и укладываются на койки, предусмотрительно оставленныя австрійцами. Къ Пасхѣ устроили даже свою церковь. Убрали казематъ ель-

никомъ, поставили образа, служили заутреню и разговлялись.

— А на Страстной,— ходили своихъ провѣдать...

На южныхъ Сѣдлецкихъ фортахъ есть незамѣтныя могилы; въ нихъ похоронены наши солдаты, подходившіе къ этимъ фортамъ еще 24-го сентября.

— Помолились за упокой ихъ души... Потому они путь намъ проложили и выходитъ, что должны мы ихъ память чтить...

Послѣ взятія крѣпости мы нашли триста нашихъ раненыхъ, томившихся въ плѣну.

Скромныя могилы на Сѣдлецкихъ фортахъ, свидѣтельствующія, что для нашего солдата нѣтъ ничего неприступнаго, крытыя ельникомъ землянки, въ которыхъ перезимовали войска, бравшія крѣпость, тихая радость освобожденныхъ плѣнныхъ,—все это не вяжется съ атмосферой, царившей въ Перемышлѣ, и съ обстановкой, которую создали его защитники. Даже въ трагическую минуту, на первомъ планѣ у нихъ было свое личное, и духъ геройства не ночевалъ на австрійскихъ фортахъ. Среди условій сдачи австрійцы выставляли требованія о сохраненіи офицерамъ жалованья и карманныхъ денегъ, просили, чтобы ихъ наградные списки были непремѣнно отосланы въ Вѣну, а генералъ Кусманекъ въ длинномъ и безграмотномъ письмѣ на русскомъ языкѣ хлопоталъ о томъ, чтобы были охранены его вещи и чтобы, въ случаѣ перемѣны коменданта, его просьба непремѣнно была передана по принадлежности.

Личное было настолько сильно, что моментами переходило въ преступное. Главный интендантъ крѣпости былъ судимъ и повѣшенъ. У него нашли неожиданные розсыпи—сбереженія во время осады на девять милліоновъ кронъ. Оказалось, что онъ про-

далъ часть провіанта и обезсилилъ крѣпость по крайней мѣрѣ на три мѣсяца. Хищничество внутри крѣпости переплелось съ мудростью военачальниковъ и въ то время, какъ одни распродавали провіантъ, другіе, подъ напоромъ нашихъ галиційскихъ армій, загоняли новые и новые корпуса въ крѣпость, думая найти въ нихъ надежную стоянку. Общими усиліями тѣ и другіе довели Перемышль до сдачи.

* * *

Во время послѣдней вылазки передъ сдачей Перемышля двадцать третья гонведная дивизія, шествовавшая подъ прикрытіемъ своихъ фортовъ, наткнулась на нашихъ ополченцевъ. Не ожидавшіе натиска такой крупной силы, крестоносцы подались. Противъ австрійцевъ оказалась всего рота стрѣлковъ и такъ какъ непріятель продолжалъ врываться все глубже, его обстрѣливали и съ фланговъ. Австрійцы, не долго думая, рѣшили, что попали въ мѣшокъ и немедленно выкинули флагъ.

— Вообразите, каково было наше положеніе,—говоритъ офицеръ, сидѣвшій со стрѣлками въ окопѣ,— ротѣ приходилось брать въ плѣнъ цѣлую дивизію. Въ первый моментъ мы растерялись, но потомъ потребовали оружія и стали пропускать вереницы австрійцевъ черезъ наши тощіе ряды.

Когда австрійскихъ офицеровъ спрашивали въ штабѣ, почему они сдались, они увѣряли, что приняли роту и отрядъ ополченцевъ за два корпуса. Впрочемъ, есть основаніе не вѣрить признанію австрійцевъ; большинство изъ нихъ покидало крѣпость съ твердымъ рѣшеніемъ не возвращаться подъ охрану ея фортовъ: офицеры шли на вылазку съ денщиками, а тѣ несли чемоданы.

При вступленіи нашихъ войскъ, крѣпость вовсе не производила впечатлѣнія голоднаго блокированнаго города; правда, магазины пустовали, въ кафе поили жидкимъ кофе безъ сахару, но оставалось еще много лошадиныхъ труповъ, за хорошія деньги можно было найти коровье мясо, у всѣхъ крестьянъ была скотина и домашняя птица. Изголодавшимися выглядѣли только славяне, въ то время, какъ нѣмецкіе и венгерскіе офицеры бравировали шикарнымъ видомъ и даже поражали упитанностью.

Во время блокады они привыкли къ спокойному бездѣлію и изощрялись въ остроуміи, заполняя глупыми выдумками свое сидѣніе въ крѣпости. Однажды, напримѣръ, былъ устроенъ своеобразный конкурсъ: по рукамъ ходили объявленія съ предложеніемъ преміи тому, кто разрѣшитъ четыре неразрѣшимыхъ задачи: «найдетъ въ Перемышлѣ человѣка умнѣе Кусманека, отыщетъ въ крѣпости десять невинныхъ дѣвушекъ и столько же здоровыхъ офицеровъ, и укажетъ пять врачей не-евреевъ».

Офицеры пускались на всякія выдумки, мастерили кольца и зажигалки изъ русской шрапнели, сочиняли вздорныя донесенія, а въ квартирѣ начальника инженеровъ нашли картину, изображающую снятіе первой блокады Перемышля. На первомъ планѣ красуется Кусманекъ, окруженный генералами, а внизу подъ балкономъ благодарная толпа жителей. Вглядываясь въ картину, можно различить, что она вся склеена изъ отдѣльныхъ фигуръ и составлена изъ какой-то погребальной процессіи. На балконъ приклеили Кусманека и генераловъ, а траурную колесницу замѣнили подставными фигурками. Подобныя картины распространялись для поддержанія духа въ крѣпости.

Перемышль-губернскій.

Передъ въѣздомъ въ Перемышль все перерыто, а нагроможденная рядами проволока распахнулась, какъ широкія ворота. Съ проволокой были тоже анекдоты. Во время послѣдней вылазки, австрійцы въ ней запутались, какъ въ узкомъ коридорѣ, а когда наши орудія направили въ нихъ свой огонь, колючіе проходы завалило трупами.

Изъ Львова до Перемышля верстъ восемь. По хорошей дорогѣ автомобиль проходитъ въ полтора часа, минуя городки и теряющіяся въ цвѣтущихъ садахъ деревни съ поэтическими названіями, въ родѣ «Садовой Вишни».

Встрѣчаемъ жалкую процессію: впереди выступаютъ джентльмены въ котелкахъ и пальто на рукѣ, за ними десятка два евреевъ въ бархатныхъ шляпахъ и нѣсколько австрійскихъ солдатъ,— сопровождаютъ пять конвойныхъ.

Верстахъ въ десяти въ лѣсу наши землянки. Дома изъ хвороста, шалаши изъ ельника, линія окоповъ. Тутъ зимовала армія, осаждавшая Перемышль.

Начинаются австрійскія укрѣпленія, блиндажи, рвы, проволока, а у дороги узкоколейка и на ней оставленные намъ паровозы и вагоны. Изъ Перемышля на платформахъ везутъ орудія. Пробовалъ считать, сколько, сбился — слишкомъ много. Офицеры говорили, что неповрежденныхъ осталось болѣе трехсотъ, а изъ сорока милліоновъ патроновъ мы получили восемь милліоновъ. Передъ городомъ полуразрушенные старые форты, и толпа у солдатскихъ кухонъ. Кормятъ крестьянъ.

Заглядѣлись на нихъ и едва нераспростились съ автомобилемъ и съ жизнью. Передъ разрушеннымъ мостомъ не было рогатки, и шоферъ успѣлъ затормозить надъ пропастью. Дали задній ходъ и объѣздомъ счастливо выбрались въ городъ.

Послѣ Львова, цвѣтущаго и шумнаго, Перемышль глядитъ нелюдимо и уныло. Народу мало, больше военные, лошадей вовсе не видно, магазины закрыты. Состоятельные австрійцы предусмотрительно бѣжали еще осенью, до начала блокады. Въ домѣ, гдѣ жилъ Кусманекъ, незадолго до пріѣзда Государя вскрыли стѣну и нашли въ ней много серебряной посуды, драгоцѣнныхъ и золотыхъ вещей. Домъ этотъ принадлежалъ богатому интенданту, разжившемуся на подрядахъ.

Изъ неприступной крѣпости Перемышль скоро превратился въ простой губернскій городъ.

На улицахъ расклеены объявленія городского головы Глушкевича и «начальника Перемышльскаго уѣзда гвардіи полковника Кирiанова», открылась своя «Олимпія» съ вездѣсущимъ Максомъ Линдеромъ, а на вокзалѣ, гдѣ питаются офицеры и желѣзнодорожные служащіе, орудуетъ буфетчикъ изъ Владивостока. Съ крайняго востока перекочевалъ онъ на нашъ крайній западъ и угощаетъ невзыскательную публику «флотскими щами». Появились кавказцы съ товаромъ, въ окошкѣ кафе русскій телеграфистъ со взбитымъ чубомъ, въ гостиницахъ заклеены нѣмецкія объявленія и замѣнены русскими. Комнаты чистыя, но съ выбитыми стеклами.

Какъ далеки эти мирныя картины отъ римскаго стиля коменданта Кусманека. Когда ему въ началѣ осады предложили сдаться, онъ отвѣчалъ чрезвычайно витіевато: «я не нахожу достойныхъ словъ, чтобы достойно отвѣтить на ваше недостойное предложеніе».

Но зато, когда на форту была выкинута австрійскими офицерами бѣлая тряпка и парламентеры явились къ генералу Селиванову со своими условіями, русскій генералъ, не прибѣгая къ римской изысканности, съ достоинствомъ и рѣшимостью отвѣтилъ: «первое условіе—никакихъ условій».

Парламентеры совѣщались ровно двѣ минуты и неприступный Перемышль палъ у ногъ русскихъ ополченцевъ.

Старые города.

Въ Карпатахъ.

Изъ Перемышля въ Карпаты путь идетъ черезъ старые города.

Почти каждый изъ нихъ приходилось брать съ бою, и они окружены какъ рвами нашими и австрійскими окопами.

Проѣхали черезъ форты, миновали ряды проволоки. Наши позиціи были совсѣмъ близко,—меньше, чѣмъ въ верстѣ и кольцо окоповъ сковывало Перемышль. Съ какой стороны ни подъѣзжаешь къ этому гиганту, неожиданно оказавшемуся на соломенныхъ ногахъ, спаянному бетономъ, но шаткому духомъ—вездѣ повернутые въ сторону крѣпости русскіе окопы. Ихъ засыпали снаряды, на нихъ были направлены чудовищныя двѣнадцати-дюймовки, они попадали подъ дождь шрапнелей и все таки люди продолжали въ нихъ сидѣть и желѣзное кольцо не размыкалось.

Для австрійцевъ Перемышль былъ надежнымъ оплотомъ, для насъ его сдача явилась только эпизодомъ, важнымъ и значительнымъ, но все-таки эпизодомъ въ колоссальной борьбѣ, которую выдержали войска при переходѣ черезъ Карпаты. Каждая вершина и каждый холмъ въ горахъ являлись для наступавшихъ крѣпостью. За ними австрійцы тоже прятались какъ за каменной стѣной, но натискъ юж-

ныхъ армій, привыкшихъ побѣждать, былъ слишкомъ силенъ, и духъ, преодолѣвшій горныя вершины и перекидывавшій войска черезъ отчаянныя пропасти, воскрешалъ героическія времена Суворовскаго перехода черезъ Альпы.

Казювка, Горлице, Мезолаборчъ, Стрый, вершины подъ разными цифрами, все это перейдетъ въ исторію войны. Но надо было видѣть эти горы, изрытыя и изрѣзанныя, вспаханныя снарядами, надо было прикоснуться къ нимъ и прочесть надписи на деревянныхъ крестахъ, которые разбросаны по лѣсистымъ склонамъ, какъ путеводныя звѣзды по небу.

Города на пути со старыми родными названіями. Ярославль, чистенькій и миніатюрный, противоестественно сочетавшійся съ Францемъ-Іосифомъ, громадный госпиталь, имени котораго встрѣчаетъ васъ при въѣздѣ. Ланцуты съ цѣлехонькимъ замкомъ Романа Потоцкаго, окруженнымъ по средне-вѣковому обычаю рвами и кирпичными стѣнами. Ржешовъ, съ множествомъ Красно-Крестныхъ учрежденій, которыми заправлялъ М. А. Стаховичъ. Цвѣтущіе сады, зеленые скаты, тихія рѣчки, бѣжавшія съ горъ, стѣна изъ елокъ по дорогѣ. За Дембицей неожиданно вылѣзаютъ Карпаты, врѣзывающіеся дымчатыми вершинами въ небо. Съ февраля, когда я былъ здѣсь, все подсохло, убралось зеленью, пріукрасилось.

Автомобиль врѣзывается въ бѣлыхъ людей, запыленныхъ съ ногъ да головы, а усталости въ нихъ вовсе нѣтъ, и лица довольныя, и шутки слышатся, да и глядятъ совсѣмъ молодцами. Облѣпили канавы, взобрались на пригорки, грѣются. Кто закусываетъ, кто папироску крутитъ, а кто и просто оглядывается, попавъ въ новую невѣдомую обстановку.

— Воевать и то по такимъ мѣстамъ пріятно...— и солдатъ, сознается, что отродясь горъ не видалъ.

— Сила въ нихъ большая... За горой и безъ окоповъ можно.

Гдѣ-то за синими скатами громыхаетъ, гулъ разливается по равнинѣ.

— По вѣтру—такъ оно далеко доносится.

Офицеръ, встрѣтившій своего, разспрашиваетъ, кто изъ однополченцевъ убитъ, кто раненъ.

— Убитъ, говоришь, Петя?

— Захворалъ онъ... Ну и отпросился домой—въ халупу, а то все въ окопѣ сидѣлъ... Позиціи вышли такія что и штабъ дивизіи въ окопахъ постился... Ну, мы его провѣдать ходили... Я тоже ходилъ, играли въ дурачки, разговаривали про Петроградъ, про Москву, воображали, какъ тамъ люди живутъ, а потомъ я уѣхалъ... Вернулся черезъ два дня,—говорятъ, убитъ нашъ поручикъ: пошелъ было обратно въ окопы, а тутъ разрывная пуля прямо въ сердце,—и до роты своей не добрался.

Такъ все на войнѣ... Играли въ дурачки, а потомъ разрывная пуля,—на то и идутъ: жить хочется, а о смерти не думаютъ—въ этомъ и сила.

За нѣсколько дней передъ моимъ пріѣздомъ вышелъ такой случай, что командующій генералъ Дмитріевъ со штабомъ могъ въ плѣнъ попасть. Его всюду видѣли, и у батарей, и въ штабѣ полка, и на передовой линіи. Такой ужъ неспокойный человѣкъ,—чужому глазу не вѣритъ, да и солдатскую нужду хочетъ ближе узнать.

Солдатъ невольно заражается примѣромъ командующаго, подтягивается и старается въ грязь лицомъ не ударить.

— Коль генералъ за окопами ходитъ, и намъ нагибаться не слѣдуетъ...

Въ тотъ день командующій былъ въ такой близости отъ непріятеля, что можно было различить отдѣльныя выглядывавшія каски германцевъ. Нашихъ потѣснили. Адъютантъ замѣтилъ, что справа и слѣва кто-то подползаетъ, взбирается на гору, пробирается къ окопу. Едва уговорили генерала уйти. А черезъ четверть часа окопъ этотъ, хотя и временно, но былъ занятъ непріятелемъ.

Въ избѣ, гдѣ остановились на ночлегъ, офицеры вспоминаютъ недавнія дѣла.

— Умѣютъ драться австрійцы, но и сдаваться подлецы тоже умѣютъ.

— Помните, какъ брали восемьсотъ одиннадцатую... Три батальона нашихъ, четыре полка австрійцевъ захватили. Подошли безъ выстрѣла, одна колонна въ лобъ двигалась, двѣ другія съ фланговъ... Сняли сторожевое охраненіе и переднія, напиравшія, залегли у самой проволоки. Перерѣзали незамѣтно и рота ворвалась въ австрійскіе окопы. Паника поднялась невѣроятная, австріяки побросали ружья, стали сдаваться... Тутъ то и наступилъ самый трудный моментъ,—извольтека тремя батальонами дивизію взять... А у австрійцевъ лиха бѣда начало. Потомъ когда подсчитали, такъ себѣ не повѣрили, оказалось три батальона взяли пять тысячъ четыреста человѣкъ... Однихъ патроновъ цѣлый транспортъ отправили—дѣвать было некуда.

Въ патронахъ у австрійцевъ недостатка вообще нѣтъ. Были случаи, когда наши снимали заставу въ три-четыре человѣка и находили около нихъ груды патроновъ. Австрійцы сидѣли, забаррикадированные кучами патроновъ.

Горлице.

Дорога на Горлице. Нефтяныя вышки и заводъ, хотя и умолкшій, но оставшійся въ неприкосновенности, и какъ рѣзкій контрастъ съ большими зданіями—курныя избы, развалившіяся, подбитыя.

Обгоняемъ деревенскія похороны. Телѣга съ соломой, деревянный гробъ; сидитъ дѣвочка въ розовомъ платьицѣ, такомъ же яркомъ, какъ и бумажныя розы въ вѣнкѣ. Если бы не горы, выглядывающія гдѣ-то въ концѣ дороги, можно было подумать, что проѣзжаешь черезъ нашу московскую или костромскую деревню. И лица у крестьянъ тѣ же круглыя, простодушныя, и хаты такія же, да и наряды мало чѣмъ разнятся. Бабы въ цвѣтистыхъ повойникахъ, мужики въ самотканныхъ рубахахъ и только старики длиннолицые, съ отпущенными тонкими прядями волосъ, изъ-подъ широкой соломенной шляпы,—выдаютъ Галицію.

Въ Біечѣ старинный монастырскій костелъ съ высокой каменной оградой, съ лѣпными изображеніями Страстей Господнихъ и съ могилами нашихъ солдатъ.

За спускомъ дорога на Загоржаны подъ обстрѣломъ непріятельской артиллеріи. Изрытое по краямъ глубокими воронками шоссе предупреждаетъ, что дальше рекомендуется ѣхать съ опаской.

Около высокаго бѣлаго замка съ колоннадой и башнями плѣнные австрійцы, юный, безусый германецъ въ каскѣ и нѣсколько казаковъ на лошадяхъ, нетерпѣливо подергивающихъ поводьями. Нѣмчикъ недоволенъ и смотритъ хмуро. Только вчера пришелъ въ горы, а на утро попался. Увѣряетъ, что виноваты австрійцы. Сказали, что Горлице въ трехъ

верстахъ отъ позицій, а едва прошелъ какихъ-нибудь триста саженъ,—послышался окликъ по-польски:

«Кто идетъ?»

Думая, что опрашиваютъ австрійскіе сторожевые, офицеръ отвѣтилъ:

«Свои».

«Бросай оружіе»...

И перекочевавшаго съ Ипра нѣмца захватили и повели на допросъ.

Потому сегодня и тихо въ горахъ подъ Горлице, что происходитъ смѣна. На подмогу къ австрійцамъ подходятъ съ западнаго фронта нѣмцы.

Съ горы видно далеко по равнинѣ.

За сосѣднимъ холмомъ появляются и таютъ бѣлыя облачки.

— Начали обстрѣливать Горлице...

— Бываетъ, за сутки,—говоритъ генералъ,—выпустятъ до пяти тысячъ снарядовъ. Атаки у нихъ сами по себѣ, а стрѣляютъ—такъ, куда попало: видно отъ избытка снарядовъ.

— Не стрѣляли только на Пасху. Выскакивали даже на окопы, а какіе-то весельчаки мнѣ воздушные поцѣлуи посылали.

За то передъ праздниками были дѣла. Во время атаки, человѣкъ двѣсти австрійцевъ выдали себя тѣмъ, что остановились у нашихъ телефонныхъ проволокъ и стали ихъ рѣзать. Получилось разъединеніе и, ничего не подозрѣвая, мы выслали телефонистовъ починять. Австрійцы захватили одного изъ нихъ и велѣли вести «туда, гдѣ нѣтъ русскихъ, чтобы можно было прорваться». Солдатъ, не будь дуракомъ, повелъ ихъ въ свою роту и австрійцевъ захватили живьемъ.

Австрійцы подъ Горлице выше насъ, но и горы мѣстами разступаются и непріятель становится уязвимымъ.

На склонѣ хребта въ лиственницѣ, за земляным валомъ у плетня, примостились наблюдатели. Они здѣсь, какъ на часахъ, стерегутъ подступы и, едва замѣтятъ движеніе у противника, звонятъ на батарею и въ штабъ. На чеку.

— Видите, съ горы спускается окопъ...—объясняетъ мнѣ офицеръ, когда я начинаю вглядываться въ расположеніе австрійцевъ.—Они пробовали было изъ него выходить, но мы хорошо встрѣтили, и имъ пришлось рыть ходы.

Отъ окопа, рѣзко обозначающагося на свѣжей зелени неровной желтой полосой, тянется прорытая канава къ шоссе, теряется въ лѣсу и позволяетъ австрійцамъ почти безопасно сообщаться съ резервами. Въ лощинѣ уцѣлѣвшія избы и около нихъ маленькія фигурки людей.

— До послѣдняго дня жили крестьяне подъ перекрестнымъ огнемъ. Еще вчера развѣдчики насильно увели женщину съ дѣтьми.

— Видите маленькій домикъ, онъ между двумя линіями, чуть ли не у самой проволоки. Передъ нимъ наши, а за домомъ—черная линія австрійцевъ. Домикъ надо было во что бы то ни стало поджечь, ночью туда ходили австрійцы и хорошо была видна протоптанная дорожка... Дали очередь. Смотрю въ бинокль и вижу—выбѣжалъ мальчикъ, за нимъ женщина. Вернулись въ избу, а черезъ минуту показалось печальное шествіе—женщина съ грудным ребенкомъ, мальчикъ и дѣвочка пошли къ дальней халупѣ... Дали еще очередь. Рѣшилъ, если халупа не загорится, не буду больше стрѣлять. Снарядъ упалъ въ крышу, пошелъ дымъ, но изба не загорѣлась. Больше по этому до-

мику не стрѣляемъ—видно ихъ судьба... А слѣдовало—по ночамъ ходятъ австрійцы.

По склону за наблюдательнымъ пунктомъ двѣ хаты. Въ одной живетъ командиръ съ офицерами, въ другой—«офицерское собраніе». Вросшая въ гору низкая изба раздѣлена пополамъ. На чистой половинѣ въ комнатѣ съ однимъ маленькимъ окошкомъ—три постели и столъ. Вся обстановка. Если отставить стулъ, то вокругъ стола пройти можно. Окошко на востокъ,—на западъ смотрѣть не рекомендуется, оттуда стрѣляютъ. Около избы гулять тоже не совѣтуется, каждый вылѣзающій изъ двери сразу попадаетъ подъ наблюденіе непріятельскихъ биноклей.

Красный отъ загара поручикъ смотритъ такимъ маемъ, какъ будто бы онъ не въ убогой халупѣ, а въ роскошныхъ хоромахъ, далеко отъ австрійскихъ батарей.

— Зиму прожили... Въ снѣгу тяжело было, а теперь ничего, теплѣе... Четыре мѣсяца на этой стоянкѣ.

Рядомъ за перегородкой хозяйка съ четырьмя дѣтьми и вповалку спятъ на соломѣ девять человѣкъ солдатъ. Все-таки подъ крышей и то хорошо.

Кругомъ избы земля изрыта воронками. Стѣнки тоже поцарапаны, а рядомъ въ сараѣ совсѣмъ некстати австрійцы пробили окошко.

Пробираемся къ батареямъ.

У орудій, какъ на подборъ, прислуга съ георгіевскими крестами. У нѣкоторыхъ даже по два и по три.

— Снарядъ въ офицерскій блиндажъ тутъ попалъ,—докладываетъ фейерверкеръ,—по счастью никого не ранило; не было въ то время офицеровъ...

— Наши въ окопахъ удивляются; говорятъ, какъ вы скоро стрѣльбу открываете... Австріецъ только вылѣзъ, не успѣли вамъ сообщить, а ваши снаряды уже кроютъ.

За батареей блиндажи для артиллерійской прислуги, едва выдающіеся изъ земли, успѣвшіе порасти травой, почти незамѣтные.

— Молодцы,—хвалитъ офицеръ своихъ артиллеристовъ,—съ ними и на открытую позицію можно выѣзжать... Не трусятъ.

Офицеръ похваливаетъ солдатъ, а дивизіонный съ восторгомъ отзывается объ офицерахъ. Всѣ одинаково хороши. А прапорщики за какихъ-нибудь полгода совсѣмъ позабыли, что еще недавно штатскими назывались. Одного изъ нихъ, бывшаго московскаго судебнаго пристава, показываютъ, какъ счастливчика. Осколокъ шрапнели ему ударилъ въ поясъ, пробилъ ремень и скользнулъ по штанинѣ, живота даже не поцарапалъ. Что называется на волосокъ.

— Дѣло—случая. За батареей, гдѣ сейчасъ черное мѣсто, халупа стояла... Роковая была. Сначала въ ней трехъ лошадей убило, а другой день нижняго чина, а потомъ и совсѣмъ австрійцы подожгли.

За наблюдательнымъ пунктомъ, верстахъ въ двухъ Горлице. Разсыпается съ каждымъ днемъ и скоро совсѣмъ ея не станетъ и сохранится только одно воспоминаніе. Будутъ вспоминать, что тутъ—въ горахъ пряталось Горлице, бѣлая и свѣтлая, что за ее домами австрійцы разстрѣляли священника, а потомъ разрушили и самую Горлице. Добивали они ее чуть ли не въ упоръ. Два мѣсяца гвоздили, а люди все не уходили и жили. По воскресеньямъ, когда стрѣльба затихала, изъ разрушенныхъ улицъ изъ-подъ разбитыхъ домовъ выползаютъ крестьянки и начинается гулянье. Ходятъ подъ горой и посматриваютъ.

Вечеромъ взойдетъ блѣдная луна и освѣтитъ обугливщуюся Горлице, тогда она глядитъ совсѣмъ мертвой.

Отсюда и пошли нѣмцы своими фалангами.

Ясло.

Было всего шесть часовъ утра, когда разбудилъ рѣзкій ударъ. Спрятавшійся въ горахъ городокъ только что просыпался. Яркое солнце золотило бѣлые дома, играло на зелени деревьевъ. Подъ окнами стучали телѣги. Напротивъ, изъ госпиталя выглянули раненые, и сестра въ бѣломъ платочкѣ вышла на балконъ и всматривается въ небо, стараясь найти ранняго гостя.

Еще ударъ и сразу другой, дребезжащій съ близкимъ разрывомъ.

Набѣги не первый день.

Стрѣлой пронесся казакъ, пробѣжало нѣсколько солдатъ гдѣ-то совсѣмъ близко открыли пальбу, и, казалось, на крышѣ нашего дома застрекоталъ пулеметъ.

Тра—та-та-та-та-та-та-т-а..

Бумъ-у-у-у...

И началось.

Надъ Ясло кружилось шесть аэроплановъ. Они то снижались, то поднимались, приноравливаясь сбросить бомбы около желѣзнодорожной станціи. Бѣлые разрывы шрапнели обгоняли австрійцевъ, таяли подъ крыльями стальныхъ птицъ и тѣ удирали, забирая кверху.

Трескотня не прекращалась съ полчаса. Австрійцы бросили штукъ тридцать снарядовъ.

Первые весенніе дни пригнали австрійскихъ птицъ. Онѣ воспользовались ясной погодой и открыли налеты, не на всѣ узловыя станціи Карпатъ, разстрѣливали лазареты, мѣтили въ штабы, въ обозы, подготовляли свое наступленіе...

На Черемошскомъ перевалѣ.

Дорога идетъ кручами. Чернотой вырисовываются хребты Карпатъ. На сѣверныхъ склонахъ среди хвои бѣлыми пятнами лежитъ снѣгъ. У подножія ярко-зеленыя равнины, несущія ароматъ и прохладу свѣжей листвы. Лѣсистыя гряды прозрачными стоятъ въ чистомъ воздухѣ, а за ними шапками, упершіяся въ облака, вершины.

У бѣлыхъ хатъ, низенькихъ, но чистыхъ съ крылечками, солдаты и бабы въ яркихъ платкахъ, совсѣмъ, какъ наши, множество ребятъ и спрятанныя въ тѣни обозныя лошади.

Къ автомобилю подходитъ старуха съ тяжелой котомкой за плечами.

— Христосъ воскресе.

— Откуда ты, бабушка?

— Сына иду разыскивать... Говорятъ, съ плѣнными въ Ясло взяли. Деревню нашу венгры спалили. Кто въ лѣсъ разбѣжался, кого убили...

Сынъ этой старухи, какой-нибудь Иванъ или Федоръ, такой же, какъ и русскіе солдаты, долженъ былъ сражаться въ австрійскихъ войскахъ, потому что онъ жилъ въ Карпатахъ подъ Францемъ-Іосифомъ. Противъ такихъ нѣмцы ставили въ тылу пулеметы, и, если не шли впередъ, стрѣляли имъ въ спину. И русины и чехи дрались лучше всѣхъ, даже лучше природныхъ австрійцевъ.

«Нѣмцевъ не любимъ, а сражаемся потому, что присягали»... говорили плѣнные.

Венгры отплатили по своему. За Дуклей, гдѣ горы начинаютъ мельчать, а на столбахъ и лавкахъ появляются такія названія, что не только не перевести,

но даже не выговорить—не осталось ни одной русинской избы. Венгры все выжгли и разрушили. Уходя, сравняли съ землей, оставляя за собой черные слѣды пожарищъ.

— Когда наши стали подходить, венгры запалили избы и погнали насъ въ свою сторону... Только мы разбѣжались, и венгры отъ нашихъ войскъ на утекъ бросились.

«Нашими» крестьяне называютъ русскія войска. Далекіе отъ Россіи, отдѣленные отъ нея высокой горной стѣной, среди чуждаго народа—они трогательно сохранили любовь къ русскимъ, языкъ и вѣру. Русскіе солдаты это чувствовали и старались помочь населенію: во время стоянокъ давали обозныхъ лошадей для обработки поля, а бывало и сами вызывались пройтись съ плугомъ.

Темная густая сосна охватываетъ дорогу и заслоняетъ горы. Среди утесовъ рѣзкими поворотами, дорога забираетъ еще выше и, когда выѣзжаешь изъ лѣса, словно дверь распахивается и на далекомъ просторѣ видны разбросанныя деревни и маленькія церкви, а за ними синева снижающихся горъ. По спуску въ зеленой оправѣ Яслиска, омытая горными ручьями. Деревни съ курными избами, рѣдкими и одинокими среди печальнаго разрушенія. За Дуклей по обѣ стороны окопы, переходившіе изъ рукъ въ руки, и наши засѣки сѣрыя, торчащія острыми прутьями въ нѣсколько рядовъ.

У венгерской границы часовня съ треснувшими отъ снаряда стѣнами и подернутымъ копотью образомъ Божьей Матери.

За Черемошскимъ переваломъ быстрыя горныя рѣчки вспять потекли. То бѣжали намъ навстрѣчу, а какъ горы стали спускаться, такъ и рѣчки повернули

сразу на югъ—къ Дунаю. Они шумятъ и поплескиваютъ по камнямъ. При дорогѣ кресты и памятники съ изображеніемъ святыхъ и съ надписями на русскомъ языкѣ:

«Сей крестъ сооруженъ трудами такихъ-то».

Останавливаемся около открытой церкви, деревенской, тихой и уютной, неожиданной послѣ венгерской границы. На аналоѣ открытая славянская книга, львовской типографіи, въ алтарѣ книжки русскія и венгерскія. Разбросаны записки, на одной: «О здравіи—Андроника, Ксеніи, Ѳеодора и сродниковъ ихъ».

А у ограды оструганные кресты съ такими же именами «русскихъ воиновъ», положившихъ душу свою за други свои.

Бойковъ Анисимъ Евгеніевичъ, Иванъ Бонитовъ, Михаилъ Борисовъ, Василій Михайловичъ Ясновъ... Они пришли изъ далекой Россіи, по грудь въ снѣгу перевалили Карпаты, брали каждую вершину, отвоевывали каждую деревню и за Черемошскимъ переваломъ нашли себѣ успокоеніе около родной православной церкви. Въ этомъ наше оправданіе войны, понятной, превратившейся въ народную, выкинувшей знамя освобожденія славянства.

На колокольнѣ слѣды снарядовъ, а въ церкви все въ порядкѣ, какъ послѣ окончившейся службы: виситъ бѣдная стеклянная люстра, стоятъ пестрыя хоругви, а у дверей колоколъ съ венгерской надписью.

Мимо этой церкви прошли русскія войска.

Мезолаборчъ въ ложбинѣ. Онъ пестритъ флажками Краснаго Креста. За городомъ въ деревянномъ домѣ помѣстились офицеры «славной дивизіи», еще въ началѣ войны обезсмертившей себя взятіемъ Перемышльскихъ фортовъ.

Отъ Перемышля съ осени прошлаго года дивизія

неуклонно шла впередъ и въ приказахъ ее называли «славной», «побѣдоносной» и ея командующій и многіе офицеры украшены георгіевскими крестами.

— Слава Богу, тепло стало,—говоритъ генералъ,—а то на перевалахъ сильно натерпѣлись. То неожиданное солнце, то сразу рѣзкій вѣтеръ. Стоишь, разогрѣешься, намокнешь, а потомъ на тебѣ все замерзнетъ. На вершинахъ еще снѣга таютъ и австрійскіе трупы посейчасъ находятъ.

Генералъ разсказываетъ не о себѣ, а о солдатахъ, объ ихъ выносливости и терпѣніи, о спокойствіи и красотѣ духа, о томъ, что съ ними никакіе Карпаты не страшны.

— Я вторую войну веду и скажу—нельзя не любить русскаго солдата... Есть въ немъ какое-то прирожденное благородство и иногда такое слово тебѣ скажетъ, что прямо за душу возьметъ.

Воспоминанія переносятся на недавніе бои подъ Мезолаборчемъ.

— Въ этой самой столовой, гдѣ мы съ вами обѣдаемъ,—сидѣло двадцать восемь австрійскихъ офицеровъ 89-го полка. Казалось, успокоились: пили чай и мирно бесѣдовали. Входитъ австріецъ и за нимъ нашъ солдатъ съ пулеметомъ. Одинъ изъ офицеровъ вскакиваетъ и, увидѣвъ солдата своей роты, набрасывается на него:

«— Какъ ты смѣлъ отдать пулеметъ?

«— Ничего не могли сдѣлать, сильно напирали русскіе.

— Пришлось разнимать...—усмѣхается генералъ, и вспоминая другіе случаи, съ возмущеніемъ говоритъ о разрывныхъ пуляхъ.

— Сами за своими подписями дали мнѣ свидѣтельство, что стрѣляютъ разрывными патронами, но что «они» пристрѣлочные. Какая, скажите, радость оттого,

что они пристрѣлочные, если солдатамъ разворачиваютъ смертельныя раны, и если патроны раздаются лучшимъ стрѣлкамъ.

Мезолаборчъ достался намъ не легко.

Въ теченіе двѣнадцати дней мы наступали на Мезолаборчъ и только на тринадцатый взяли городъ. Шли по-поясъ въ снѣгу, имѣли противъ себя двойныя силы австрійцевъ и все-таки одолѣли. Плѣнныхъ взяли столько, сколько у насъ не было штыковъ. Орудія, пулеметы, сотни тысячъ патроновъ были захвачены послѣ упорнаго сопротивленія, въ тотъ моментъ, когда австрійцы устраивали себѣ квартиры за переваломъ; они особенно оберегали Мезолаборчъ, такъ какъ въ этомъ мѣстѣ Карпатъ мы раньше, чѣмъ на другихъ направленіяхъ, могли выйти въ венгерскую долину.

* * *

Пожарищами и разрушеніями обозначаются путь австрійскихъ войскъ. Уцѣлѣли только тѣ деревни, которыя непріятель не успѣлъ поджечь, спасаясь подъ натискомъ нашихъ войскъ.

Змѣигородъ, Боровинка, Тылово—смотрятъ черными пятнами потухшихъ костровъ, сложенныхъ изъ русинскихъ избъ. Хоть и спѣшили, но сметали все-таки съ толкомъ. Дома нѣмцевъ и венгровъ стоятъ непоцарапанными среди развалинъ, и венгерскія надписи на нихъ выдаютъ злой умыселъ.

По дорогѣ костелы чередуются съ маленькими уніатскими церковками, а потомъ и деревни, и церкви, и костельныя вышки все исчезаетъ и теряется за каменными утесами горъ, выступающихъ зеленой стѣной. Они находятъ одна на другую, наваливаются вершинами и приходится круто забирать кверху.

У Дукли и на Черемошскомъ перевалѣ живые слѣды боевъ. Снизу до верху изрытыя окопами горы, сваленныя по спускамъ деревья, вывороченные камни, разрытое шоссе. Попавшіе подъ обстрѣлъ дома вырваны съ основаніемъ, придорожныя часовни потрескались.

Послѣ лѣсистыхъ горъ, напоминающихъ Шварцвальдъ, въѣздъ въ Венгрію кажется однообразнымъ и неприглядным. Видно, что австрійцы пользовались всѣми средствами, чтобы только задержать русскихъ. На костельную колокольню были взгромождены пулеметы, а выбоины отъ нашихъ снарядовъ говорятъ, что непріятелю и пулеметы пришлось бросить и самому уйти.

Когда у Красно австрійцы снова пытались прорваться и изъ оконъ штаба видѣли ихъ надвигавшіяся колонны, были выдвинуты наши батареи, и въ разстояніи полутора версты онѣ били по живому потопу. Австрійцы шли, укладывали трупами путь, пока не заработали всѣ наши орудія. Тогда дрогнули и побѣжали.

Такихъ моментовъ было много. Все наступленіе наше черезъ Дуклю и Черемошскій перевалъ до Мезолаборча сплошныя преграды. Что ни вершина, то крѣпость, и каждую изъ нихъ приходилось брать съ бою.

Минуемъ замокъ Скода, австрійскаго Круппа, слегка разнесенный орудіями, изготовленными на его же заводѣ. Проѣзжаемъ Краснобродъ съ воронками отъ снарядовъ, похожими по величинѣ на высохшіе пруды, и останавливаемся въ лагерѣ у подножія горы.

Приходится оставить машину и пересѣсть на коней. Казаки уже ждутъ и трогаются впередъ, указывая дорогу къ набюдательному пункту. Оттуда видны послѣдніе отроги Карпатъ.

Медленно поднимаемся въ гору, ѣдемъ по склону, черезъ ручьи, кустарниками въ густыхъ зарослях;

молодыя вѣтки загораживаютъ дорогу и бьютъ по лицу.

На вершинѣ хребта оставляемъ лошадей и ходами сообщенія идемъ къ пункту.

Не то землянка, не то своеобразная бесѣдка, сложенная изъ хвои, окруженная валомъ. Въ ней живетъ наша горная стража, всматривающаяся внизъ, гдѣ въ расщелинѣ засѣли нѣмцы. Въ цейсовую трубу можно различить гряды ихъ окоповъ, проволочныя заграждения и одна за другой двѣ станціи желѣзной дороги.

Гряды горъ уже не такія высокія, какъ на венгерской границѣ.

— Вглядитесь въ темную линію,—говоритъ наблюдатель, — это послѣдняя высшая точка передъ спускомъ въ равнину. А ближе сюда Волица. Отъ нея мало осталось. Вчера мы выкатили орудіе и открыли пальбу, въ отвѣтъ на обстрѣлъ нашей станціи. Нѣмецкія повозки стояли выравненныя, словно на парадѣ. Когда наши снаряды попадали въ обозъ и сорвавшіяся лошади метались въ пламени, видно было, какъ солдаты пытались ихъ запречь. Мы перевели огонь на зданіе, въ которомъ стоялъ штабъ,—на второмъ выстрѣлѣ домъ рухнулъ... Волица горѣла весь день, всю ночь и на утро на томъ мѣстѣ, гдѣ она стояла, еще клубился дымъ...

— А жара была въ тотъ день страшная... Вѣроятно, нѣмецкіе офицеры сидѣли по квартирамъ и отдыхали отъ солнца. Мы открыли пальбу, какъ разъ въ обѣденный часъ, когда всѣ были въ сборѣ...

Въ трубу видно далеко, верстъ за двѣнадцать... По дорогѣ къ нѣмецкимъ окопамъ отъ желѣзнодорожной станціи поднимается пыль. Столбъ ея все ближе и ближе и, наконецъ, совершенно ясно вырисовывается автомобиль... Кто-то ѣдетъ изъ нѣмецкаго

штаба. Только въ горахъ можно такъ хорошо и близко видѣть противника.

Подъ ногами фіалки и подснѣжники; распускающіяся деревья своимъ ароматомъ кружатъ голову и только доносящіеся изъ горъ выстрѣлы напоминаютъ, что противникъ совсѣмъ близко.

Ночь закрываетъ горы. Въ сѣроватой дымкѣ одна за другой выступаютъ гряды, и не знаешь, гдѣ кончаются горы и начинаются придучливыя облака.

Медленно поднимается луна, большая и желтая. Спустились въ равнину, а когда снова вынырнули, луна уже засеребрилась и стояла высоко, освѣщая чернѣющія лѣсомъ вершины, чешуйчатые потоки, и отсвѣтомъ падая на далекія гряды, дѣлая ихъ легкими и воздушными.

Попадаются женщины въ большихъ бѣлыхъ косынкахъ и въ длинныхъ коричневыхъ платьяхъ, словно возставшія изъ невидимаго града спасшіяся души, кровью своихъ въ жизнь возвращенныя.

Въ свѣтѣ луны, облака рисуютъ странныя фигуры летящихъ воиновъ, устремившихся на враговъ, какъ Георгій Побѣдоносецъ съ копьемъ на лошади.

Тяжелые дни.

У Львова.

Счастье войны... Оно неуловимо и трудно сказать, въ чемъ его первопричины. Техника, подготовка, стратегія, искусные военачальники или офицеръ, сплоховавшій во время атаки, или, наконецъ, не выдержавшая огня рота солдатъ.

Если все техника, то почему въ одномъ мѣстѣ побѣждаютъ, а въ другомъ, съ тѣми же пушками и пулеметами принуждены отступать. Почему со своей техникой нѣмцы не взяли Варшавы осенью 1914 года, а вошли въ нее лѣтомъ 1915 года послѣ нашихъ неудачъ на Дунайцѣ.

Много вопросовъ напрашивалось, когда русскіе солдаты оставляли Карпаты. Почему раньше австрійцевъ били, какъ хотѣли, а тутъ вдругъ у нихъ напоръ появился и они стали насъ одолѣвать. Вѣдь не только потому, что рядомъ съ солдатомъ изъ Вѣны и Будапешта пошелъ пруссакъ или баварецъ.

Вѣроятно, во всемъ происходившемъ можно найти болѣе глубокія причины, въ которыхъ долго и спорно будутъ разбираться послѣ войны.

Причины причинами, а солдатъ остался все тѣмъ же, такъ же отсиживалъ подъ заливавшимъ окопы свинцомъ, оставался въ нихъ навѣки засыпанный землей, такъ же ходилъ въ штыки и такъ же въ самозабвеніи смиренно и свято умиралъ.

Я видѣлъ ихъ, когда они шли въ горахъ, бѣлые отъ мелкой пыли, словно обсыпанные мукой, снимали шапки, вытирали катившійся каплями потъ, присаживались въ канаву, чтобы передохнуть и опять вставали, догоняли свою роту и шли долго, утомительной, жаркой дорогой.

Я ихъ видѣлъ на львовскомъ вокзалѣ, немногихъ возвращавшихся изъ боя, и все такихъ же тихихъ и спокойныхъ, такихъ же непонятныхъ и близкихъ, особенныхъ и простыхъ. Безъ геройства, безъ ужасовъ разсказывали, будто о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ.

— Четверо сутокъ сидѣли подъ огнемъ... Заваливало окопы, избороздило, перевернуло насыпи,—нельзя было сходить даже за водой...

Такъ было на Санѣ, такъ было потомъ на Наревѣ, когда нѣмцы кидались въ обходъ Варшавы, такъ было подъ Вильной, гдѣ они пытались насъ окружить.

— Почему ты черный?—спрашиваютъ солдата, съ лицомъ, вымазаннымъ землей, въ помятой грязной шинели.

— Засыпало его,—объясняетъ товарищъ,—часа четыре лежалъ закопавшись, потомъ отрыли, налили въ ротъ воды... Смотришь, понемногу и отошелъ.

— Такъ, что ли?

— Точно такъ, четыре часа... Спасибо товарищамъ, откопали...

И больше ни слова. Просто и ясно. Разъ такъ случилось—значитъ, иначе и быть не могло... И говорить нечего. Когда летятъ снаряды и сыплетъ смертельнымъ горохомъ пулеметъ, когда окопы и люди сравниваются съ землей, когда надо стоять, защищая оставшихся за твоей спиной,—тогда некогда разсуждать.

Я видѣлъ ихъ въ послѣдніе дни Львова, когда онъ какъ-то сразу опустѣлъ, сталъ дѣловымъ и скучнымъ.

Первыми выѣхали чиновники, наиболѣе паническіе, потомъ русскіе торговцы, устроившіеся было совсѣмъ по домашнему.

Оставались военные и тѣ немногіе, кто ходилъ за солдатомъ.

Австрійскій Львовъ ожилъ. Нѣмцы ходили съ расплывшимися отъ удовольствія лицами.

— Слышали, черезъ два дня...—таинственно сообщаетъ нѣмецъ другому у Краковской гостиницы.

— Къ намъ, во Львовъ...

— Ну, конечно... Такъ близко стрѣляютъ.

А съ боковой улицы, какъ на зло, доносится солдатская пѣсня.

Разговоръ прерывается. Настораживаются.

— Опять...

— А вчера, видѣли сколько...

У трамвая стоитъ женщина съ ребенкомъ.

— Пане, гдѣ поѣзда въ Россію?

Они шли и ѣхали на возахъ, спасаясь отъ встрѣчи съ возвращавшимися австрійцами. Испуганные, наскоро распродававшіе скотъ и имущество, отдававшіе за безцѣнокъ лошадей, терявшіе дѣтей, падавшіе отъ усталости.

На вокзалѣ суета и давка. Одинъ за другимъ отправляютъ поѣзда. На площади передъ вокзаломъ и на перронѣ сидятъ крестьяне съ узлами, съ ребятами, совсѣмъ такіе же, какъ и наши.

Блѣдная женщина, какъ-то опустившаяся, будто совсѣмъ потерявшая силы, безпомощно гладитъ по русой головѣ мальчика.

— Одинъ остался... Отца давно забрали, а остальные померли...

Смотритъ на мальчика, въ его растерянные голубые глаза и во взглядѣ ея столько любви и безнадеж-

ности, что, кажется, отними ребенка и порвется ея жизнь.

— Продали, все продали,—не то съ удовольствіемъ, не то съ досадой сообщаетъ старикъ своему односельчанину,—за пятнадцать рублей и телѣгу и двухъ лошадей, все разомъ... Дай Богъ самимъ дотащиться...

Подаютъ поѣздъ и всѣ кидаются въ вагоны.

Въ одинъ нагружаются цыгане, черные и красочные, съ яркими бусами, съ монистами и лентами, шумные и говорливые. Молодая цыганка реветъ, не желая уѣзжать и ее свои силой вталкиваютъ въ вагонъ. Рядомъ, вмѣстѣ съ крестьянами устраивается семья чиновника: два гимназиста, барыня съ кардонками, будто подгородняя дачница. Безъ конца галичане, въ сѣрыхъ свиткахъ и соломенныхъ шляпахъ, старики, старухи, дѣти и тутъ же раненые солдаты.

* * *

Бой въ тридцати верстахъ.

Свернули съ шоссе и автомобиль пошелъ по песку, увязая въ ухабахъ, надсаживаясь и влѣзая въ гору. Ѣхали вдоль позицій, деревнями, потонувшими, гдѣ-то глубоко за холмами, въ ложбинахъ, точно нарочно спрятавшимися на всякій случай. Мазанныя избы едва высматриваютъ изъ-за густой зелени, осыпающей землю блѣдными лепестками и наполняющей послѣ дождя воздухъ удушливымъ ароматомъ.

Полупустыя избы, оставленныя въ горницахъ безъ призора дѣти, слезливые и испуганные старики и старухи.

У изгороди солдаты пристраиваютъ свои кухни, чистятъ картошку, обхаживаютъ лошадей.

Бѣлые разрывы и орудійный гулъ казались близкими, но къ холму, съ котораго офицеры наблюдали за

боемъ, пришлось итти довольно далеко. Влѣзли на горку, заслонила другая, поднялись, выросла новая, потомъ пробирались густой рожью, отстраняя хлеставшіе по лицу колосья и, наконецъ, очутились подъ раскидистымъ деревомъ на высокомъ открытомъ мѣстѣ. Черта, отдѣляющая насъ отъ непріятеля, находилась всего въ полутора верстахъ и пулеметъ щелкалъ надъ ухомъ.

Нѣмцы наступали за лѣсомъ густыми колоннами и если бы объ этомъ не сообщали раненые, можно всеравно догадаться по нервной и непрестанной работѣ нашихъ батарей.

Подъ ногами внизу желтымъ пескомъ вьется дорога. Съ той стороны проносятся казаки, плетутся раненые, а отсюда подсыпаютъ подкрѣпленія. Изо ржи неожиданно выползаетъ рота солдатъ, разсѣивается по откосу и, спускаясь къ лѣсу, скрывается и становится невидимой.

Маленькому, коренастому прапорщику кажется, что солдаты недостаточно проворны и онъ понукаетъ ихъ рѣзкимъ окрикомъ:

— Бѣгомъ, скорѣй, не задерживайся...

Послали цѣлый полкъ. Въ группѣ офицеровъ пѣшкомъ идетъ командиръ, съ небольшой бородкой въ золотыхъ очкахъ. За нимъ охрана—человѣкъ пять казаковъ. Солдаты подходятъ пачками, человѣкъ по сорокъ, по пятьдесятъ, съ перерывами.

— Шестой день воемъ воютъ,—говоритъ часовой, охраняющій телефонную проволоку. Пожилой, изъ запасныхъ, совсѣмъ отъ сохи.

Подходятъ новыя роты. Спускаясь съ холма подъ выстрѣлы, солдаты снимаютъ фуражки, крестятся и... не задерживаясь, идутъ дальше. Всматриваешься въ ихъ лица и хочешь угадать, какія у людей думы въ эту

минуту. Одни глядятъ сосредоточенно, серьезно, другіе кажутся безразличными, переговариваются съ товарищами, даже посмѣиваются.

Запасной тоже поглядываетъ на проходящихъ и самъ начинаетъ разговоръ:

— Въ охранѣ я недавно... Подъ Пасху, мы за венгерской границей въ Карпатахъ бились...

И чтобы не оставалось никакихъ сомнѣній въ томъ, что онъ дѣйствительно «бился», часовой вспоминаетъ подробности, навсегда запавшія въ его память:

— Лѣзли на гору; перебѣжали... Подъ горой отдохнули, однако, орудійнаго огня не вскрывали. До загражденія было не далеко, а они, какъ обнаружили насъ, такъ начали пулеметомъ... Раненые, которыхъ застигло въ первомъ ряду, такъ клубьемъ книзу и покатились. Пришлось окапываться. Я тоже сталъ ямку рыть, только въ это время меня ружейной пулей въ спину хватило: кожу оцарапало и кровь выступила... Можно при васъ закурить-то...

Свертѣлъ папироску, пустилъ дымъ и продолжаетъ:

— Послѣ обѣда опять пошли съ двухъ сторонъ... Они еще сильнѣе пулеметами и шрапнелью. У меня осколкомъ ружье разбило, а товарищу рядомъ весь задъ раскровянило. Консерву въ ранцѣ тоже пробило.

Огонь на нѣкоторое время стихаетъ. Потянулись раненые. Одни сами идутъ, другихъ ведутъ.

— Какъ дѣла-то,—спрашиваетъ запасной.

— Сильно артиллеріей засыпаетъ,—отвѣчаетъ раненый...—Видно какъ колоннами надвигаются.

За лѣсомъ выбрасываетъ пламя съ чернымъ дымомъ. Загорѣлись хаты. Пальба опять усиливается, посви-

стываютъ ружейныя пули, оставляющія въ воздухѣ звукъ пролетѣвшаго шмеля.

— Мы костромскіе будемъ,—возобновляетъ разговоръ запасной, десятый мѣсяцъ воюемъ... Передъ тѣмъ, какъ въ Карпаты попали—четыре мѣсяца подъ Перемышлемъ стояли... Давно вѣстей не получалъ, дома пятеро осталось.

За рожью зарылся тяжелый снарядъ. Горку, на которой мы стояли, забросало землей, а по листьямъ прошелъ непріятный шелестъ.

Мой спутникъ, художникъ Шмаровъ, насторожился въ ожиданіи второго разрыва и пошелъ впредъ съ аппаратомъ. Опять послышался шумъ, напоминающій приближающійся курьерскій поѣздъ, и хватило чуть не въ то же мѣсто. Сидѣвшіе въ запасномъ окопѣ солдатики ухмылялись:

— Еще бы немножко прошли и совсѣмъ по спинѣ ошпарило...

На обратномъ пути къ дереву видимъ въ канавкѣ двое солдатъ. Прикурнули и, заслышавъ проходящихъ, съ опаской оглядываются:

— Какого полка,—спрашиваетъ офицеръ.

— Да мы раненаго вели.

— Какого такого раненаго, когда тутъ и раненые-то вовсе не ходятъ...

Молчатъ. Потомъ посмотрѣли одинъ на другого, и стали подниматься:

— Чего робѣть-то,—рѣшаетъ одинъ.—Безъ Бога ничего не случится.

— Само собой безъ Бога...—соглашается другой и въ извиненіе себѣ добавляетъ:

— Въ первый разъ мы подъ выстрѣломъ, ну оно маленько и того...

И пошли догонять своихъ.

* * *

Нѣмцы навалились на нашу армію на Дунайцѣ. Шли густыми фалангами, долбили въ одно мѣсто сотнями батарей, выбрасывали бездну снарядовъ. Отбиваясь, мы подошли къ Сану. Непріятель нацѣлился на Радимно, считая, что если оно падетъ, то русскимъ придется оставить и Перемышль. Наши войска сдѣлали за сутки около восьмидесяти верстъ и требовали отдыха. Пришлось дать два дня передышки и сдерживать непріятеля артиллеріей, которую выдвинули въ цѣпи. Офицеровъ-наблюдателей посадили въ передовые окопы. Ближе тысячи шаговъ ни одну колонну не подпускали. Нѣмцы сыпали безъ умолку.

Такъ продолжалось десять дней и десять ночей и за это время ни солдаты, ни офицеры не сомкнули глазъ. А въ послѣднюю ночь нашли въ себѣ силу вырыть десять верстъ траншей и оплести ихъ проволокой. На утро одиннадцатаго дня нѣмцы подвезли тяжелую артиллерію. Тащили свои пушки на автомобильныхъ платформахъ и когда поставили ихъ—началось такое, чего и не запомнить. По одному мѣсту непріятель выпустилъ за двое сутокъ до полмилліона снарядовъ. Все пространство между окопами закрылось дымомъ и пылью. Густая, непроницаемая завѣса закрыла противника и наблюдатели перестали видѣть.

Въ окопахъ, несмотря на яркое солнце, наступила ночь. Въ амбразуру перестали глядѣть, такъ какъ за густой темной пеленой нельзя было ничего различить даже въ двухъ шагахъ.

Вся непріятельская артиллерія,—а ея было болѣе ста батарей разнаго калибра,—клала снаряды въ одно мѣсто, какъ въ котелъ.

Пятьдесятъ телефонныхъ проводовъ прервались.

Люди сидѣли, какъ въ потемкахъ, не имѣя возможности оріентироваться, не видя врага и не различая даже голоса своихъ же, бывшихъ въ нѣсколькихъ шагахъ.

— Я на третьей войнѣ...—разсказывалъ генералъ, украшенный Георгіемъ, къ которому я попалъ подъ Радимно. — Но подобнаго ада никогда не видалъ. Небо и земля переставали существовать. Люди живыми очутились въ котлѣ, который бурлилъ и кипѣлъ, выбрасывая клубы огня и дыма. Окопы засыпало тяжелыми снарядами. Груды земли взлетали на воздухъ, обдавая кругомъ на далекое пространство черной пылью и удушливымъ газомъ. Шрапнель низала паутину и спасенія не было.

Предвидя невозможность впослѣдствіи пополнить запасы снарядовъ, наши выгружали цѣлые ящики около орудій, но никакихъ ящиковъ не хватало. Защитниковъ половина погибла въ окопахъ, но люди продолжали держаться. Генералъ Подымовъ, имя котораго останется безсмертнымъ, лично руководилъ обороной, но онъ былъ убитъ въ тотъ моментъ, когда повелъ въ атаку послѣднія роты. Полкъ остался безъ командира.

Подъ ураганнымъ огнемъ невозможно было подвести лошадей, чтобы снять орудія. Штабъ дивизіи отошелъ подъ дождемъ пулеметовъ, но два полка, прославившихся своей стойкостью съ первыхъ дней кампаніи, поддержанные резервами временно остановили наступленіе. Они удерживали свои позиціи даже тогда, когда пути въ тылу были отрѣзаны и мосты на Санѣ взорваны.

Германскіе гвардейцы и венгерцы бросились за нашими черезъ рѣку, но умиравшіе не сдавались.

Двѣ роты Переволоченцевъ,—около двухсотъ человѣкъ, пошли въ контръ-атаку и выбили батальонъ германскихъ гвардейцевъ изъ деревни Лопаювка. Огонь

пулеметовъ и блиндированныхъ автомобилей не устрашилъ нашихъ и они шли въ атаку противъ гвардейцевъ съ криками:

«Прочь, сволочь, идутъ Переволоченцы...»

Полкъ, дравшійся подъ Радимно, вступилъ въ бой семнадцатаго августа, опрокинулъ тогда четырьмя батальонами пятнадцать свѣжихъ батальоновъ венгерцевъ, но за девять мѣсяцевъ войны въ его рядахъ не было такого одушевленія, какъ тринадцатаго мая, когда умирали остатки полка.

То, что происходило въ тѣ дни, казалось потомъ участникамъ боя чѣмъ-то почти невозможнымъ, нечеловѣческимъ...

Стихія.

* * *

Гудитъ земля. Стонетъ раскатами отдаленнаго грома. Въ воздухѣ повисла тревога.

Ночью, когда громъ войны слышнѣе, безпокойнѣе начинаютъ тарахтѣть по дорогамъ телѣги. Поскрипывая и покряхтывая, онѣ плетутся гуськомъ, перегруженныя, превращенныя въ кибитки и изъ подъ грязнаго верха, сшитаго изъ холстовъ, ковриковъ и какихъ-то цвѣтныхъ платковъ,—выглядываютъ утомленныя лица женщинъ и дѣтей.

Грузно и устало переступаютъ лошади, рядомъ плетутся коровы и овцы. И тутъ же между возковъ семейство безлошадныхъ—всѣ съ большими узлами и со множествомъ ребятъ.

Когда проѣзжали днемъ черезъ пущу, она казалась мертвой.

Наступила ночь. Зажглись костры, потянуло дымомъ и частый лѣсъ ожилъ на десятки верстъ, загорѣлся точно ожившими свѣтляками и на дорогу потянулись повозки. Когда жизнь кругомъ замерла, стали слышнѣе достигать пушки и, устроившіеся было на ночлегъ люди—поднялись, сложили пожитки и пошли дальше.

Они идутъ уже вторую недѣлю. Одни изъ-за Бѣлостока, другіе съ Буга, третьи съ Сѣвера—изъ подъ Плоцка.

— Больше ста верстъ отъ дому отошли,—разсказываетъ женщина, около которой, какъ вокругъ большого гриба—малые, усѣлось пятеро ребятишекъ. Они насобирали въ лѣсу волнушекъ и старшій съ серьезнымъ видомъ чиститъ ихъ и кидаетъ въ котелокъ, уговаривая совсѣмъ маленькую дѣвочку, чтобы та ему не мѣшала.

— Народъ здѣсь не добрый, не помогаютъ... Даже хлѣба не достать, а они все ѣсть просятъ... Трудно съ дѣтьми... Спасибо солдатамъ—сами вызываются, даютъ остатки изъ своихъ котелковъ, позволяютъ корову подоить...

— Дня три около обозовъ кормились,—подтверждаетъ другая.—А то совсѣмъ бы плохо пришлось: на четверыхъ какъ вышла на прошлой недѣлѣ всего семь рублей собрала...

Въ кустахъ можжевельника семья пѣшеходовъ. Мужъ чернорабочій, жена и дѣвочка, загорѣлая и черноглазая... Мать жалостно смотритъ на ребенка.

— Раньше двухъ верстъ не умѣла пройти, а теперь сто прошла и впереди дорога не малая...

— Куда идете?

— Кто знаетъ, куда идемъ... Что Богъ дастъ.

Мимо по дорогѣ, обгоняя отсталыхъ, подходятъ новые.

Чиновникъ везетъ въ люлькѣ грудного ребенка; рядомъ жена—двухъ ведетъ за руку. На козлахъ телѣги, погоняя совсѣмъ молодыхъ жеребятъ—сидитъ гимназистъ, а за нимъ цѣлая семья. Телѣгамъ счету нѣтъ. Онѣ заворачиваютъ изъ-за высокихъ сосенъ и, спустившись по шоссе, теряются въ перелѣскѣ.

А дальше у рѣки цѣлый таборъ. Куда только можно достать глазомъ—вездѣ повозки. Поле на нѣсколько верстъ и рощу заняли, раскинувшіеся бивуакомъ бѣженцы. Деревня и городъ, семьи рабочихъ и крестьянъ

старые и малые, бѣдные и съ кой-какимъ достаткомъ—всѣхъ подняли и они хлынули народной волной вглубь Россіи.

Стихійное чувствовалось въ небываломъ движеніи народовъ съ запада на востокъ. Выходили по одиночкѣ или нѣсколькими домами, на дорогѣ догоняли другъ друга и шли таборомъ.

— Вся деревня поднялась отъ нѣмцевъ...

— А мы—всей улицей снялись...—гордо заявляетъ сапожникъ изъ Бѣлостока.

Становые, пристава, полиція и священники чаще всего уѣзжали впередъ и некому было руководить бѣженцами, никто не могъ указать имъ дороги и выхлопотать поѣзда.

Переселяющихся бросали на произволъ, оставляли вначалѣ безъ помощи. А шли больше женщины съ дѣтьми, семьи призванныхъ на войну, невѣдавшіе, что осталось позади и что ждетъ завтра.

Необозримый лагерь по всему шоссе отъ Бѣлостока до Бреста. Телѣги, кибитки, возки, лошади, скотъ—подавленный шумъ толпы.

Великій таборъ народовъ.

Литва и Польша, а за ними и наши—кровные русскіе, застигнутые въ западныхъ губерніяхъ. Мужчинъ мало. Они либо на войнѣ, либо гдѣ-нибудь на работахъ.

Бабы собрали своихъ и «родственныхъ» и, продавъ то, что согласились взять на мѣстѣ скупщики, нагрузились котомками и пропитаніемъ и—въ открытое поле.

Шли день, два, недѣлю, мѣсяцъ.

Скудные запасы съѣли, на дорогахъ подкармливались у обозовъ, выдаивали коровъ въ военныхъ гуртахъ, жили милостью солдатиковъ, растолковались съ ними и примирились.

— Намъ еще лучше, мы отъ нѣмцевъ идемъ,—гово-

рила бѣженка,—а солдату одна дорога,—противъ врага,—всѣхъ защищаетъ...

А у самой четверо на рукахъ, и отъ земли не видны.

Такъ разсуждаетъ и понимаетъ народъ. Онъ, подобно солдату, переноситъ войну со спокойнымъ мужествомъ, безропотно и свято.

Позднимъ вечеромъ пробираемся лѣсомъ.

Темно. Только огни потухающихъ костровъ мигаютъ изъ чащи, бросая красноватый отблескъ на хвойныя лапы.

Тихое пѣніе. Женскіе голоса.

— Нѣтъ ли поблизости монастыря?

— Не, пане... То бѣженци...

Слѣзли и пошли по вспышкамъ.

У кибитокъ на полянѣ толпа; человѣкъ шестьдесятъ молятся подъ открытымъ небомъ.

Лица, обращенныя къ небу, къ звѣздамъ... На колѣняхъ, на сырой травѣ. Дѣти спятъ въ телѣгахъ подъ навѣсами, а кто побольше—молится тутъ же около матери.

Въ одной безлошадной семьѣ, пустившейся пѣшкомъ, умерла дѣвочка-подростокъ, простудилась, сбилась съ ногъ, не вынесла.

Кто-то подвезъ дня два, но спасти не удалось.

Докторовъ въ пути нѣтъ, на Красный Крестъ не натолкнулись и ребенка похоронили въ лѣсу и поставили бѣлый деревянный крестъ. Совсѣмъ какъ на братскихъ могилахъ.

Она тоже герой и пала на войнѣ.

Не одинъ и не два креста выросли на пути, по которому двигался народъ.

Дѣти плохіе ходоки, и къ походной жизни ихъ сразу не пріучишь. Кормились чѣмъ попало, мокнули подъ дождемъ, зябли въ холодныя ночи.

Зарево пожара во все небо. Словно огонь на облака перекинулся, и загорѣлись они и пошли гулять сполохами по небу.

Въ Брестѣ все рушится. Взрывы заглушаютъ артиллерійскую канонаду.

Трещатъ и падаютъ дома, и горы камней взлетаютъ на воздухъ.

А по дорогѣ и на полѣ толпы бѣженцевъ.

* * *

До станціи было добраться нелегко.

Сначала повозки въ нѣсколько рядовъ, перегруженныя дѣтьми и скарбомъ, а потомъ отдыхающіе и спящіе люди на площади передъ вокзаломъ, груды узловъ и ящиковъ на землѣ, растянувшіеся на собственной шинели солдаты; тутъ же рядомъ сложенные наскоро не то походныя печи, не то костры, и говоръ тысячной толпы въ самой станціи и на перронѣ.

На запасномъ пути, поѣздъ изъ теплушекъ и открытыхъ площадокъ съ бѣженцами.

— Скоро отойдетъ?

— А кто его знаетъ, вчера еще нагрузили, а когда пойдетъ—неизвѣстно.

«Нагрузившіеся» вчера люди переночевали на рельсахъ, а сейчасъ просыпаются, разогрѣваютъ котелки съ водой и около водокачки совершаютъ утренній туалетъ.

Перекочевывающая Литва. Изъ подъ Бѣлостока, Вильны и Бреста. Такіе же жалкіе и забитые, какъ и польскіе крестьяне, съ такимъ же количествомъ ребятъ и такіе же безропотные и рѣшившіеся.

Что-то неизбѣжное и такое же простое, какъ въ глазахъ у солдатъ.

— Война...

Родные дома остались позади и непроницаемыя стѣны чужихъ людей съ пушками стали передъ ними.

Мосты на Вислѣ взорваны.

Варшава и Люблинъ; Ивангородъ и Ломжа... Новогеоргіевскъ, Ковно... Брестъ...

Особенно близкой почти родной сдѣлалась за годъ войны Варшава... полюбили этотъ красивый городъ.

Въ его тѣнистыя, прохладныя аллеи пріѣзжали отдохнуть съ позицій и Варшава встрѣчала жизнерадостная, шумная и мечтательная.

Она удивлялась, вглядываясь въ простыя добродушныя лица солдатъ, вслушиваясь въ слова офицеровъ. Она получала откровеніе, узнавая подлинную Россію, не чиновную, не офиціальную.

Приходили чужими съ опаской и оглядывались другъ на друга, а, понявъ, становились братьями.

Костелъ св. Александра. Черезъ открытыя двери блестятъ огни; тихо доносится органъ. На ступеняхъ храма колѣнопреклоненная женщина въ черномъ и вѣчный монахъ съ капюшономъ, спущеннымъ на глаза.

Молились каждый день, пока не спускалась ночь, а по воскресеньямъ вся Варшава шла въ свои костелы.

Осенью стекла дрожали въ домахъ, и пулеметъ такъ отчетливо трещалъ, бутдо надъ головой, на крышѣ. Прилетали большія птицы, убивали женщинъ и дѣтей.

Съ мужествомъ и благороднымъ спокойствіемъ встрѣчала всѣ бѣды Варшава. Ни стоновъ, ни жалобъ, и привыкшіе страдать безъ словъ понимали поляковъ.

Яркій лѣтній день.

Въ Уяздовскомъ саду подъ кустами душистаго жасмина дѣти въ бѣлыхъ платьицахъ... Много дѣтей. И около нихъ старшіе, заботливые, съ любовными взглядами.

«Новый Свѣтъ». Въ кафе полно. Изящные туалеты

дамъ, интимность и прохлада. Клубы папироснаго дыма и огрубѣлыя лица офицеровъ.

Все стало близкимъ, почти своимъ.

Величественный третій мостъ, а за нимъ шоссе на Люблинъ, прямое и гладкое, съ братскими могилами, теряющимися далеко въ Карпатахъ.

Мокотовъ съ валомъ, залитымъ толпой. Прислушиваются къ грохоту, доносящемуся съ Пясечной.

Лазенки съ дорожками, усыпанными золотымъ листомъ, съ прудами и ароматомъ цвѣтовъ и травы.

Свои комнаты я оставилъ на Уяздовской аллеѣ, подъ пряными липами и густымъ каштаномъ. Крохотный балконъ въ цвѣтахъ, рояль, и въ длинной столовой почему-то портретъ Яна Собѣсскаго. Работаешь, а за стѣной точно комаръ или муха. Что бы могло быть... Заглянешь, а служанка—жена резервиста—склонилась надъ молитвенникомъ, и губы, не переставая, шевелятся.

— Вторую недѣлю не получала писемъ отъ мужа... Подлые пруссаки...

И снова за молитвенникъ.

Будила пѣсня удалая, выгонявшая слезу. Черезъ городъ проходили солдаты. Они шли къ позиціямъ, умирали на нихъ, и нѣтъ ихъ вины...

«Не будь на то Господня воля»...

Встрѣтилъ женщину-польку, страдающую и влюбленную въ свою Варшаву. Пріѣхала, въ чемъ была: все погибло, все накопленное оставлено. Тяжело, но снова ни жалобъ, ни упрековъ.

Ожилъ въ воспоминаніяхъ городъ, укутанный въ садахъ и аллеяхъ, съ памятникомъ Мицкевича и съ костелами, черными отъ народа.

Ночью узнали, что взорваны мосты, и Висла отдѣлила насъ отъ нашихъ братьевъ-поляковъ. Они при-

няли на себя тяжелый ударъ долго раскачивавшагося врага, они жгли свои дома, оставляли имѣнія и поля, надъ ихъ женщинами издѣвались, дѣтей подстрѣливали, но они не роптали и съ героическимъ мужествомъ переносили приходъ врага.

А черезъ разрушенные города мимо разсыпавшихся хатъ проходили солдаты—на нихъ смотрѣли, какъ на святыхъ, и несли имъ послѣдній кусокъ хлѣба.

Мосты на Вислѣ взорваны, но кровавыя узы, сотканныя нашимъ героемъ-солдатомъ и страстотерпцемъ польскимъ крестьяниномъ,—онѣ не порвались и не нѣмцамъ разъединить братскіе народы.

* * *

Ночь. Душный и смрадный вагонъ. Лежатъ и сидятъ не только на койкахъ, но на полу, въ проходахъ, на собственныхъ чемоданахъ. На площадкѣ, гдѣ я устроился на своемъ чемоданѣ, въ углу примостился офицеръ съ женой, на буферахъ его денщикъ, у меня подъ ногами прикурнуло двое ребятъ, а ихъ отцу пришлось свѣсить ноги со ступеней. Въ самомъ вагонѣ ни пройти, ни продохнуть. Навалили кульки между лавками и спятъ вповалку.

Задремалъ или забылся, но очнулся отъ ноющей боли въ ногахъ.

Свѣтало.

Стояли передъ семафоромъ. Рядомъ съ нами другой поѣздъ—открытый. На площадкахъ сжались въ кучу и согрѣваются собственнымъ дыханіемъ.

Крестьяне слѣзли, развели на откосѣ костеръ и варятъ картошку.

Товарный неожиданно двинулся. Откуда-то, со стороны станціи побѣжали вдогонку женщины. Одна

босая, безъ платка съ растрепанными волосами, несла глиняный кувшинъ.

— Ушелъ?!.—и женщина безпомощно опустилась на землю.

— А я бѣгала на деревню достать хоть немного молока дѣтямъ...

Товарный, на одной изъ площадокъ котораго остались ея голодныя дѣти—ушелъ. Женщина не знаетъ, что ей дѣлать. Хотѣла бѣжать—посмотрѣла: совсѣмъ скрылся изъ виду. Сѣла на ступени нашего поѣзда и держитъ кувшинъ, чтобы не пролить, а молока едва замѣтно,—на днѣ.

Ѣдемъ вторыя сутки. Стоимъ и на станціяхъ и около нихъ, гдѣ-нибудь въ полѣ или въ лѣсу. Чтобы разогнать сонъ—вылѣзаешь и дышишь воздухомъ.

Бабы и ребята разбрелись по лѣсу собирать грибы. Привыкли къ долгимъ остановкамъ.

Въ просѣкѣ густого лѣса, за шлагбаумомъ желтѣетъ дорога.

— Екатерининскій трактъ...—сообщаетъ стрѣлочникъ,—Наполеонъ тутъ шелъ—не нѣмцамъ чета...

И теперь, какъ тогда, главное не измѣнилось, и не могло измѣниться: народъ вынесетъ все на своихъ плечахъ.

Подъ Ригой.

Присягнувшіе.

Снова на фронтѣ.

Первое впечатлѣніе—порядокъ. За мѣсяцъ все какъ-то улеглось, всѣ нашли свое мѣсто, остановились, собрались, отстроились и укрѣпились.

Митавское шоссе. Бѣлая дорога.

Установилась зима. Зеленыя елки украсились пушистымъ уборомъ, хвоя нависла и погнулась отъ насыпавшагося снѣга; лѣсъ сталъ прозрачнымъ и чистымъ.

За городомъ много народу и по движенію, по оживленію и по спокойнымъ, дѣловымъ лицамъ трудно предположить, что близко нѣмцы.

Вспоминается Варшава. Тѣ же картины. Чѣмъ ближе къ позиціямъ—тѣмъ увѣреннѣе и спокойнѣе. Только роли будто начинаютъ мѣняться. Тогда нѣмцы съ утра до ночи не переставая палили, а мы отвѣчали имъ изрѣдка, теперь наши батареи, замолкая едва въ сумеркахъ, не даютъ покоя противнику. Нѣмцы окапываются, оплетаются проволокой.

За избой, въ которой живетъ штабъ полка, между деревьевъ, на чистомъ снѣгу построилась рота. Молодыя лица, энергичное выраженіе, крѣпкіе, бодрые.

Посреди столъ, покрытый бѣлой скатертью. На немъ крестъ и Евангеліе. Передъ столомъ, прислоненные къ дереву, на перекладинѣ два маленькіе образка.

Нѣсколько офицеровъ. Полковникъ съ нависшими усами, священникъ и благообразный старикъ въ маленькой, котиковой шапочкѣ и черной дохѣ—пасторъ.

Приводятъ къ присягѣ латышскіе батальоны. Они составлены изъ добровольцевъ, поднятыхъ ненавистью къ нѣмцамъ на защиту родныхъ домовъ, на защиту своей земли, своихъ отцовъ и братьевъ. Латыши горятъ подвигомъ, Не прошло и двухъ дней, какъ они приняли присягу, а слова превратились въ дѣло, воодушевленіе въ геройство.

— Георгіевскій крестъ дается тому,—объясняетъ полковой командиръ,—кто проявитъ смѣлость и храбрость, кто захватитъ плѣнныхъ, вынесетъ изъ подъ огня своего офицера...

Полковникъ перечисляетъ случаи, когда дается Георгій, а слова его заглушаетъ совсѣмъ близкій, орудійный гулъ. Подъ бокомъ работаетъ наша тяжелая артиллерія и съ солиднымъ свистомъ посылаетъ снарядъ за снарядомъ.

— Получившій георгіевскій крестъ безъ словъ и объясненій будетъ почитаться смѣлымъ,—продолжаетъ полковникъ,—онъ герой и никто ему не можетъ сказать, что онъ не свершилъ своего подвига...

Осыпающійся съ вѣтвей снѣгъ порошитъ молодыхъ солдатъ. Пальба не прекращается.

— На молитву,—шапки долой.

Сначала приводятъ къ присягѣ православныхъ.

— Воины,—обращается священникъ,—передъ лицомъ Бога вы обѣщаете проходить великое званіе, связанное съ неисчислимыми трудностями. Пусть святой крестъ напомнитъ вамъ о распятомъ Христѣ. Онъ тоже добровольно пошелъ на свои крестныя страданія. А святое Евангеліе велитъ душу свою за други своя положить.

— Смѣло, мужественно и твердо идите на врага и помните, что Господь будетъ вамъ защитой.

Новый залпъ катится по лѣсу и достигаетъ до слуха молодыхъ солдатъ. Имъ понятны и ясны святыя слова, они добровольно надѣли сѣрыя шинели и слились съ великой арміей.

Съ поднятой рукой медленно и внятно повторяютъ латыши присягу.

Пасторъ обращается по-латышски. Не говоритъ, а будто поетъ и страннымъ сочетаніемъ сливается его безстрастный голосъ съ орудійной канонадой.

Присягу приняли.

— Воинъ только тотъ, кто умѣетъ владѣть винтовкой. Надо хорошо стрѣлять и ловко колоть штыкомъ.

И въ ту же ночь были въ дѣлѣ.

Сами вызвались и приготовились выйти на поиски.

Подползали къ нѣмецкой проволокѣ и слившіеся со снѣгомъ, одѣтые въ бѣлые саваны, кинулись на нѣмцевъ. Тѣ растерялись, и не сразу поняли, что случилось. Прорвалась ненависть угнетенныхъ къ угнетателю. Ворвались въ окопъ, кололи, взяли плѣнныхъ и пулеметы.

* * *

Свернули съ Митавскаго шоссе и по снѣгу по свѣжимъ слѣдамъ подошли къ тяжелымъ батареямъ.

Артиллеристы выстроили свой городъ. Длинные, крытые ходы сообщеній, трехрядные блиндажи, укрытыя въ широкихъ амбразурахъ орудія, глубокія, надежныя землянки для прислуги.

По коридору, выстроившись рядами, стоятъ зеленые и желтые снаряды, а коротенькія, толстыя пушки, схороненныя отъ непріятеля, хорошо устроились подъ просторными прикрытіями.

— Нѣмцы долбятъ кругомъ,—говоритъ командиръ батареи,—а намъ до сихъ поръ никакого вреда.

— Какъ видите, устроились недурно.

Казематы, дѣйствительно, на славу. Съ деревянными полами и стѣнами, съ толстой насыпью, въ нѣсколько рядовъ переложенной бревнами.

Нервъ батареи на наблюдательномъ пунктѣ. Съ него въ бинокль видна черная линія нѣмецкихъ окоповъ. Передъ гладко постриженнымъ лѣсомъ нѣсколько домиковъ. Они принадлежали Рижскому политехническому институту, сейчасъ на половину разрушены, вѣрнѣе всего, что въ нихъ живутъ нѣмецкіе наблюдатели.

Передъ окопами, несмотря на бѣлизну снѣга, выдѣляются своимъ блескомъ ряды проволочныхъ заграждений. Впереди гладкое, серебристое поле. Нѣмцы верстахъ въ двухъ.

Командиръ батареи отдаетъ приказаніе. Телефонщикъ повторяетъ и недовольный, что кто-то замѣшкался, поучительно наставляетъ:

— Чего не тропишься... Слышалъ прицѣлъ...

— Смотрите на линію нѣмецкихъ окоповъ,—снаряды должны падать между деревьями и маленькимъ домикомъ... Нашли въ бинокль?

Не отрываясь отъ зрительной трубки, нахожу указанную цѣль и съ нетерпѣніемъ жду.

«Огонь»!

Раздается глухой ударъ. За нимъ со свистомъ вырывается снарядъ. Слышите, какъ онъ удаляется, рѣжетъ воздухъ и на мгновеніе теряете звукъ. Смотрю по часамъ, проходятъ сорокъ пять секундъ.

На томъ мѣстѣ, куда указалъ офицеръ, взлетаетъ огромный бѣлый столбъ. Рядомъ другой. Точность поразительная. Снаряды хватили какъ разъ въ то мѣсто, куда указывалъ батарейный.

— Теперь вправо, ближе къ деревьямъ...

— На градусъ влѣво,—повторяетъ команду телефонщикъ,—огонь!

Снова свистъ, а за нимъ томительное ожиданіе. Слышишь, какъ около тебя осыпается съ деревьевъ снѣгъ, какъ бьется замирающее сердце и ждешь. Странное чувство. Тамъ у черной черты такіе же люди, какъ и мы, но сейчасъ они наши заклятые враги. Они ворвались въ нашу жизнь и радостное чувство охватываетъ при видѣ русскихъ снарядовъ, разбрасывающихъ нѣмецкіе окопы.

Не отъ міра сего.

— Ваше благородіе, разрѣшите на перевязочный...

Офицеръ сидѣлъ надъ картой, ушелъ въ нее и не сразу понялъ, кто говоритъ.

Прошла минута, можетъ двѣ. Потомъ опять тотъ же спокойный голосъ нерѣшительно напомнилъ о себѣ:

— Разрѣшите, ваше благородіе...

Офицеръ поднялъ голову.

— Да ты, братецъ, весь въ крови...

— Такъ точно, ранило, ваше благородіе... Дозвольте перевязаться.

И опустился на полъ.

Оказалось, шелъ три версты, раненый въ грудь и ногу. Самъ, безъ посторонней помощи. На дорогѣ хотѣли взять на повозку—не согласился.

— Не могу... Ихъ благородіе посылали на наблюдательный пунктъ,—сперва доложить надо, тамъ телефонъ оборвало...

Доложилъ. А черезъ часъ на перевязочномъ пунктѣ душу отдалъ.

Я не спрашивалъ, какъ его имя. Онъ былъ въ сѣрой

шинели, съ обыкновеннымъ лицомъ, съ простыми ясными глазами.

Имя его—русскій солдатъ.

Въ низкой избѣ съ чернымъ нависшимъ потолкомъ, со скрипучей дверью и запахомъ пота и печенаго хлѣба сидѣли и лежали солдаты.

Здоровые,—съ легкими ранами больнымъ никто себя не считаетъ,—сидѣли на лавкахъ и вкусно пили горячій чай. Мѣшали ложечкой, разбалтывая сахаръ, и, прижавъ къ груди краюшку, съ аппетитомъ рѣзали хлѣбъ.

Коротенькій, коренастый солдатенокъ съ торчащими на губѣ усами и трепанными вихрами, прожевывая, разсказывалъ:

— Взяли деревню, гдѣ нѣмцы сидѣли... Самъ видѣлъ, какъ драли—здорово. Ранцевъ и патроновъ тьму побросали.

Отхлебнулъ чаю, видитъ, что вошли въ избу новые, оглядѣлся и продолжаетъ:

— Ошиблись они,—думали, мало насъ, а задніе притаились... Ну, и наскочили на штыки. Теперь ихнимъ флагамъ не вѣрятъ... Закаялись...

* * *

Раненыхъ привозили, а больше они подходили сами. Около операціоннаго стола сестра, молодая и ловкая въ движеніяхъ, развязывала тяжелаго, съ забинтованной головой. Марля намокла, и кровь, алая и свѣжая, просачилась и капала на шинель.

— Вы пробреете, докторъ?

Докторъ, энергичный — изъ рижскихъ нѣмцевъ, подошелъ осмотрѣть. Солдатъ сидѣлъ, свѣсивъ со стола ноги. Его слегка поддерживалъ санитаръ. Глаза затуманились, лицо осунулось, блѣдное. Молчитъ—ни стона, ни жалобы.

— Взгляните...

На головѣ, ближе ко лбу—ранища пальца въ три шириной, черная, запекшаяся.

— Неужели выживетъ?—спрашиваю потомъ доктора.

— Выживаютъ... Можетъ, обойдется безъ зараженія.

Перевязывали минутъ десять—слова не вымолвилъ, будто царапина на пальцѣ.

— Когда ранило?—спрашиваетъ докторъ.

— Вчера вечеромъ...

— Привезли тебя?

— Никакъ нѣтъ, самъ шелъ, версты четыре—не больше...

Уложили на носилки. Закрылъ глаза, опустилъ вѣки, тяжелыя, свинцовыя.

* * *

Вышелъ на дорогу. Отъ избы одна за другой отъѣзжали повозки съ перевязанными.

Медленно падалъ рѣдкій мокрый снѣгъ и, не достигнувъ земли, таялъ. Пахло сыростью. Пронизывала непріятная дрожь.

Не то впереди, не то сбоку въ сторонѣ громыхало.

— Съ вечера бьетъ наша артиллерія. Ночью ходили въ атаку... Удачно...

Окончивъ работу, вышелъ докторъ, тотъ самый, что перевязывалъ голову раненому. Будто отвѣчая на мою мысль, говоритъ:

— Удивительные люди... Лучше русскихъ солдатъ, вѣроятно, нѣтъ. Сколько времени я тутъ, много народу прошло, а хоть бы кто пожаловался... Совсѣмъ особенные...

Они безыменные, они тѣ, которые прошлой осенью отражали нѣмцевъ у Варшавы, гнали ихъ до границы, которые ходили въ Восточную Пруссію, перевалили

черезъ снѣговыя вершины Карпатъ, брали Львовъ и Перемышль, сидѣли въ орлиномъ гнѣздѣ—Оссовцѣ, а сейчасъ загородили дорогу къ Ригѣ и Двинску.

Они—русскіе солдаты.

Имя ихъ свято, какъ свята Россія, великая и убогая, могучая и слабая, горящая маленькими огоньками передъ деревянными образами, занесенная снѣгами, затерявшаяся по проселкамъ и перелѣскамъ, раскинувшаяся отъ океана до океана.

Кто не любитъ и не плачетъ надъ ней, не радуется ея чистой радостью, кому не дороги и святость ея, и убожество, и просторъ необъятный,—тотъ не пойметъ и солдата, какой онъ есть.

— Дозвольте, ваше благородіе, на перевязку...

Исполнилъ порученіе, доложилъ, а черезъ часъ померъ...

* * *

Дорога свернула лѣсомъ, спустилась съ горы.

Проѣхали земскія палатки (союзъ много и хорошо работаетъ), пропустили автомобильную колонну съ ранеными, задержались у «новаго города».

Его выстроили въ лѣсу, подъ бѣлыми елками и уже свѣжимъ снѣжкомъ успѣли запорошиться.

— На зиму приготовляемся...

Землянки основательныя, досками переложенныя, съ нарами, со столами, съ полочками. Сколько ихъ—глазомъ не окинешь. Сами построили — сами и жить будутъ.

— До перваго тепла,—а тамъ, Богъ дастъ, и впередъ.

Никогда не унываютъ.

— Чѣмъ худо? Совсѣмъ, какъ въ деревнѣ, а дрова подъ руками даровыя. Жги хоть весь день костры, благо нѣмцы не видятъ.

— Въ Польшѣ, правда, теплѣе было, зато дровъ тамъ мало... Да и нѣмцу сейчасъ не сладко...

На все у нихъ оправданье, все смягчаютъ и не пожалуются. Дерутся съ нѣмцемъ—страшны и безпощадны, а отошли версты на двѣ отъ своихъ окоповъ, перевелись въ резервы, либо на временный отдыхъ—зла не помнятъ.

— Когда въ атаку идешь или видишь, нѣмецъ высунулся и на тебя лѣзетъ—свѣта не взвидишь, а раненый—кому онъ страшенъ.

Солдатъ подвинулъ своему сосѣду кружку чаю и, ткнувъ перстомъ, указалъ головой.

«Пей, молъ, чего задумался»...

Сосѣдъ, плѣнный нѣмецъ, опѣшилъ, оглядѣлъ избу, снялъ свою маленькую шапочку и, будто согласившись съ русскимъ, сталъ размѣшивать сахаръ. На лицѣ его было написано:

«Какой странный народъ—ничего не пойму... У насъ тебя чаемъ не угостили бы».

Трудно сравнивать нашего и нѣмецкаго солдата. Оба войну ведутъ—оба умираютъ. Но въ нашемъ поражаетъ—полное непротивленіе, написанная на лицѣ безповоротность, рѣшимость до конца исполнить долгъ свой и никакого геройства.

«Такъ надо, иначе и быть не можетъ».

— Одно слово—война...

* * *

На станціи къ желѣзнодорожной кассѣ несмѣло протискивается человѣкъ. Необычайно толстый. По лицу будто и обыкновенный, а одеждъ на немъ не перечесть. Сверхъ шинели зеленовато-грязный макинтошъ, подъ шинелью у ворота выглядываетъ куртка. Поклажи никакой.

— Куда тебѣ?—интересуется носильщикъ.

— Въ Иркутскъ, милый...

И чтобы не было сомнѣній, добавляетъ:

— Начальство отпустило. На двѣ недѣли...

— А успѣешь обернуться?

— Мнѣ бы хоть дня на два... Какъ въ деревнѣ живутъ посмотрѣть.

Интересуюсь,—давно ли изъ дому?

— Съ войны... Какъ на войну пошли...

Не желая, чтобы у кого-нибудь могли явиться сомнѣнія, что «дѣйствительно ѣдетъ въ Иркутскъ» и «отпущенъ начальствомъ», вытащилъ откуда-то изъ «третьей одежи» записку и показываетъ носильщику.

— Объясни, Бога ради, какъ въ Иркутскъ...

И все не торопясь, дѣловито, не суетно, по дисциплинѣ. «Отпустили,—славу Богу, а чего спѣшить, не я одинъ ѣду».

И всюду сторонкой, не замѣченный проѣдетъ, а разговорится съ кѣмъ въ вагонѣ—про войну можетъ и не вспомнитъ.

— Всѣ воюютъ... Какое тамъ геройство.

Въ нихъ, въ этихъ сѣрыхъ людяхъ—Русь подлинная и не прикрашенная. Ими война ведется, и черезъ нихъ мы спасемся и войдемъ въ новую жизнь.

Имя имъ—русскій солдатъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Люблинъ	3
Къ позиціямъ	12
По слѣдамъ отступавшихъ австрійцевъ	19
Сандоміръ	24
Съ парохода	31
На Варшаву	37
Ракитно	44
Ловичъ и Скерневицы	47
Лодзь	51
Бои вокругъ Лодзи	55
Вдоль окоповъ	66
Послѣ ночныхъ атакъ	73
Въ штабѣ полка	77
Передъ Бзурой	81
Противъ ста нѣмецкихъ батарей	91
Прасныпъ	99
Съ наступающими	101
Пораженіе нѣмцевъ	109
У проволочныхъ загражденій	113
Подъ обстрѣломъ	120
Подъ Варшавой	126
Сохачевъ—Ловичъ	128
Мертвый городъ	131
Въ Августовскихъ лѣсахъ	140
Въ Карпатахъ. Изъ Варшавы на Тарновъ	147
Въ горахъ	149

Стран.

Въ Тарновѣ 152
На Дунайцѣ 155
Львовъ—Перемышль 169
Неприступная крѣпость Перемышль 175
Перемышль-Губернскій 182
Старые города 185
Горлице 191
Ясло 196
На Черемошскомъ перевалѣ 197
Тяжелые дни. У Львова 207
Стихія 217
Подъ Ригой. Присягнувшіе 231
Не отъ міра сего 235